

УДК 32:93:316
ISSN 2500-2988

3.2018

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

Издается с 2010 г.

ИЗДАТЕЛЬ:

Московский
педагогический
государственный
университет

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.

Электронная версия журнала:
www.mpgu.su

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Подписной индекс журнала
по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007

ISSN 2500-2988

LOCUS

PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

3.2018

THE FOUNDER:
Moscow Pedagogical
State University

The journal has been published
since 2010

Mass media
registration
certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

The journal is published 4 times a year

Editorial office:
Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be
accessed via: www.mpgu.su

Редакционная коллегия

Алексей Брониславович Ананченко – кандидат исторических наук; заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*).

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*).

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*).

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета.

Игорь Валентинович Бочарников – доктор политических наук; руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности.

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; заведующая кафедрой политических исследований России и постсоветского пространства Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Иван Георгиевич Жириков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии и социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета.

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); научный сотрудник Университета Неаполя им. Федерико II, Италия; профессор Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва.

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск.

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва.

Дмитрий Борисович Фролов – доктор политических наук, доцент; профессор кафедры «Защита информации» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; заместитель директора Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Александр (Алек) Давидович Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; главный научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль.

Александр Иванович Юрьев – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Alexey B. Ananchenko – PhD in History; Head of the Department of Modern Russian history, the Director of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*editor in chief*).

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of Modern and Contemporary History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*deputy editor*).

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor of the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*executive secretary*).

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor, Director of the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University.

Igor V. Bocharnikov – Dr. Hab. in Political Sciences; Head, Research Center of the National Security Studies.

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor, Head of the Department of Political Studies of Russia and the Former Soviet Union of the Institute of History and Policy, Moscow State Pedagogical University.

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Associate Professor of the Department of Socio-Political Research and Technology of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University.

Aleksandr (Alek) D. Epstein – Ph.D. in Sociology; Leading Researcher of the Ort Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel.

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher of the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry B. Frolov – Dr. Hab. in Political Sciences; Associate Professor of the Chair «Computer Law», National Research Nuclear University «Moscow Engineering Physics Institute» (MEPhI).

Tatyana V. Karadze – PhD in Philosophy; Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology of the Institute for Social and Humanities, Moscow State Pedagogical University.

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor of the Chair of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

Fedor A. Mikhailovsky – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of World History of the Institute of Human Sciences, Moscow City University.

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University.

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Assistant Professor of the UNESCO Chair on Asian and African Studies «Modern methods of studying and teaching of Institute of Asian and African Studies», Lomonosov Moscow State University.

Christopher Reed – PhD in History, Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giuseppe Savino – Ph.D. in History; Senior Lecturer, University of Naples Federico II, Italy.

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; Deputy Director of the Institute of History and Policy, Moscow State Pedagogical University.

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor of the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University.

Nikolai I. Smolensky – Dr. Hab. in History; Professor, Head of the Department of New, Modern History and Methodology of the Institute of History and Philology, Moscow Region State University.

Alexander I. Yuriev – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow State Pedagogical University.

К ЮБИЛЕЮ И.Г. ЖИРЯКОВА 11

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

А.М. Шамаев

Исторические аспекты исламизации Северного Кавказа
(VII–XIX вв.) 15

И.А. Эмирханов

Санитарно-эпидемиологическая обстановка в Дагестане
в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 24

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

В.С. Калмыков

Поход царя Пирра в Италию как первое столкновение
Рима с эллинистическим миром 35

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Т.Л. Лабутина

Дипломатическая миссия британского посла Роберта Ганнинга
в России в 1770-е годы 50

Д.А. Блищев

Деятельность британской военной миссии в Советском Союзе
в начальный период Великой Отечественной войны
(июнь-сентябрь 1941 г.): цели и задачи 67

ПОЛИТОЛОГИЯ

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.А. Ковалев

Исследование проблем безопасности в Санкт-Петербургском
государственном университете: итоги и перспективы 82

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ,
ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

А.М. Сайдарханов

О методологических основах изучения
национальных стилей развития
политических процессов 97

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Л. Саваста

Легитимность сирийских курдов:
вызовы и пути достижения 111

ДОКУМЕНТ С КОММЕНТАРИЕМ

Д.С. Кузнецов

Практика наблюдения полиции за еврейскими партиями
в 1884–1909 гг. (по материалам газеты «Еврейское слово»,
март 1918 г.) 124

В.В. Савицкий

Историк Александр Николаевич Попов (1820–1877).
К 200-летию со дня рождения
(свидетельства архивных документов). 139

HISTORY AND ARCHEOLOGY

RUSSIAN HISTORY

A.N. Shamayev

Historical aspects of islamization of the North Caucasus
(VII–XIX centuries) 15

I.A. Emirkhanov

Sanitary-epidemiological situation in Dagestan
during the Great patriotic war (1941–1945) 24

GENERAL HISTORY

V.S. Kalmykov

The campaign of King Pyrrhus to Italy
as the first clash of Rome with the Hellenistic world 35

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

T.L. Labutina

Diplomatic mission of the British ambassador Robert Gunning
in Russia in the 1770s. 50

D.A. Blintsov

The activity of the British military mission in the Soviet Union
in the initial period of the Great Patriotic War
(June-September 1941): Goals and objectives 67

POLITICAL SCIENCE

THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS, HISTORY AND METHODS OF POLITICAL SCIENCE

A.A. Kovalev

The Study of the security problems
in St. Petersburg State University: results and perspectives 82

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

A.M. Saydarkhanov

On the methodological basis of study of national styles
of political processes development 97

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS,
GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT*L. Savasta*

The case of Syrian Kurds: Challenging and challenged
legitimation inside the country 111

SOURCE WITH COMMENT

D.S. Kuznetsov

Routines of police surveillance for the activity
of Jewish partie in 1884–1909 (on the basis of the newspaper
“Evrejskoe slovo”(“The Hebrew word”)
publications, March 1918) 124

V.V. Savitsky

Historian Alexander Nikolayevich Popov (1820–1877).
To the 200th anniversary of his birth
(evidence from archival documents) 139

26 июля 2018 г. исполнилось 70 лет заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации, доктору исторических наук, профессору кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета Ивану Георгиевичу Жирякову.

Иван Георгиевич Жиряков – уроженец деревни Араны Арсеньевского района Тульской области. Его отец вернулся домой с фронта инвалидом. Юноше в многодетной семье жилось нелегко; с молодых лет пришлось трудиться в колхозе. После окончания сельской средней школы И.Г. Жиряков работал в колхозе, в строительной организации, в сельском клубе. Казалось бы, его судьба была предрешена. Но он хотел учиться и с трудом добился разрешения председателя колхоза на то, чтобы уехать в город. И.Г. Жиряков, по известному выражению, «сам сделал себя», пробившись в круг научной и преподавательской интеллигенции.

Спустя два года работы после окончания школы И.Г. Жиряков поступил в Тульский государственный педагогический институт им. Л.Н. Толстого (ТГПИ им. Л.Н. Толстого) на историко-филологический факультет (отделение истории). Студенческая жизнь его увлекла; он активно участвовал в культурно-массовой, спортивной и, конечно, научной работе факультета и института.

В 1968 г. И.Г. Жиряков получил премию первой степени за победу во Всесоюзном конкурсе студенческих работ; появилась и его первая научная статья в сборнике научных работ студентов и аспирантов института. Будучи еще студентом, И.Г. Жиряков избирается секретарем комитета ВЛКСМ ТГПИ им. Л.Н. Толстого; затем работает в Тульском обкоме ВЛКСМ в должности заведующего сектором.

Время требовало определиться: или «номенклатурная» партийно-комсомольская работа, или научно-преподавательская деятельность в вузе. И.Г. Жиряков сделал свой выбор: он поступает в аспирантуру по кафедре новой и новейшей истории Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской, где в 1976 г. под руководством профессора, доктора исторических наук Е.А. Кургиняна защитил кандидатскую диссертацию.

Возвратившись в ТГПИ им. Л.Н. Толстого, И.Г. Жиряков работает сначала старшим преподавателем, а затем избирается заведующим кафедрой истории, где ему пришлось руководить, в основном, своим учителями, о которых (профессор В.Н. Ашурков, доценты А.А. Вагин, В.И. Крутиков, Г.И. Крутикова, Г.Т. Сиводедов и старший преподаватель Л.Н. Сиводедова) он всегда вспоминает с большой теплотой и благодарностью. И.Г. Жиряков был замечен не только на факультете, но и в институте; его избирают председателем профсоюзного комитета преподавателей и сотрудников ТГПИ им. Л.Н. Толстого.

Рамки области и периферийного вуза, по всей видимости, сдерживали энергичную натуру И.Г. Жирякова; он принимает почетное приглашение на работу в ЦК ВЛКСМ, где занимает должность заведующего сектором Отдела пропаганды и агитации. И все же, размышляя о будущем, находясь в очередной раз перед выбором, И.Г. Жиряков решает в 1982 г. перейти на кафедру новой и новейшей истории стран Запада и Востока ведущего педагогического вуза страны – Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Все повторяется сначала: старший преподаватель, доцент. В 1985 г. к И.Г. Жирякову приходит большой научный успех: в крупнейшем и известнейшем союзном издательстве «Международные отношения» выходит его вторая монография «СССР и Австрия: итоги и перспективы сотрудничества».

Старшие коллеги на кафедре и историческом факультете – профессора Е.И. Попова, И.В. Никитина, В.И. Шпилькова, Р.М. Введенский, А.Г. Кузьмин, В.Г. Тюкавкин, Н.И. Павленко, Э.М. Щагин, Н.В. Минаева, Г.А. Леонтьева – высоко оценивали работу И.Г. Жирякова и предрекали ему хорошее административное и научное будущее в институте.

Однако в 1986 г. И.Г. Жиряков в условиях начавшейся перестройки не устоял перед заманчивым приглашением на работу в престижный тогда партийный вуз страны – Московскую высшую партийную школу (МВПШ), где стал работать доцентом на кафедре международных отношений и деканом факультета по подготовке иностранных слушателей. Большую организационную и педагогическую деятельность он совмещал с активной научной работой; в 1987 г. И.Г. Жиряков на диссертационном совете Академии общественных наук при ЦК КПСС, на заседании которого присутствовали такие видные ученые нашей страны, как академики А.Л. Нарочницкий, И.И. Минц, М.П. Ким, профессора Ю.Н. Афанасьев, Л.С. Гопоненко, успешно защитил докторскую диссертацию; он стал одним из пяти самых молодых (до 40 лет) докторов наук и профессоров среди историков, работавших в вузах СССР.

Распад Советского Союза в 1991 г. завершил деятельность И.Г. Жирякова в МВПШ и заставил его как опытного и нестандартно мыслящего

педагога и ученого искать новые возможности для приложения своих сил. Вспоминая об этом трудном для всей страны времени, Иван Георгиевич часто рассказывает о том, как он еще до ликвидации СССР понял, что такое неизбежное событие обязательно приведет к череде гражданских войн и конфликтов. Во время общественного показа одного из «острых» документальных фильмов о жизни партийной элиты публика в зале начала неистовствовать. Интеллигентные люди с мест выкрикивали призывы уничтожать «партократов», выжигая их каленым железом. Иван Георгиевич с позиции ученого определил, что советское общество находится на грани самоуничтожения.

Грянули «лихие» (или лучше сказать – «лютые») 90-е годы. Выбор места работы у И.Г. Жирякова, конечно, был; по «советской инерции» молодые и активные доктора наук были пока еще востребованы. Тем не менее, как рассказывает И.Г. Жиряков, он сожалел о том, что еще до развала СССР не принял приглашения от ректора МГПИ им В.И. Ленина В.Л. Матророва, переданного ему через Р.М. Введенского, перейти на работу в вуз в качестве заведующего кафедрой или декана исторического факультета.

С сентября 1991 г. И.Г. Жиряков по приглашению ректора Московского государственного заочного педагогического института (МГЗПИ) (впоследствии – Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова) Ю.Г. Круглова стал работать там заведующим кафедрой всеобщей истории. Решение перейти на работу в этот вуз было не случайным; с этим вузом И.Г. Жиряков сотрудничал на условиях совместительства; более того, в 1989 г. он участвовал в выборах ректора МГЗПИ в качестве кандидата на эту должность, правда, безуспешно. Заведующим кафедрой всеобщей истории, а также деканом исторического факультета И.Г. Жиряков работал до 2014–2015 гг. Как руководителю, Ивану Георгиевичу удавалось соединять традиции, существовавшие на историческом факультете МГЗПИ, и новые способы организации высшего исторического образования. По его инициативе и при его личном участии на факультете было открыто дневное отделение, значительно вырос количественный и качественный состав профессорско-преподавательского состава. За более чем 20-летний период работы И.Г. Жиряков смог превратить факультет в один из лучших факультетов российских педагогических высших учебных заведений по подготовке учителей истории. Он сплотил вокруг себя коллектив единомышленников, способных решать самые сложные задачи развития высшего исторического образования.

Секрет его успеха – внимание к людям, к тем профессорам, которые создали славу истфака (И.С. Свенцицкая, М.Л. Абрамсон, В.А. Дунаевский, Г.К. Селезнев, Л.К. Журавлева, Ф.А. Михайловский, Т.В. Антонова и др.),

и к молодым преподавателям, ставшими сейчас известными учеными, работающими в разных вузах нашей страны. Профессор Татьяна Викторовна Антонова часто говорила ему при всех: «Вам, Иван Георгиевич, удастся невозможное, то, что почти никогда не получалось в России. Вы соединяете либерализм и жесткий стиль управления в интересах коллектива». Аспиранты и докторанты Ивана Георгиевича ощущали это вдвойне. На истфаке Шолоховского университета, во многом благодаря декану, существовала творческая уютная атмосфера. Она сохранилась в памяти его бывших сотрудников.

Как человек, Иван Георгиевич привлекает живостью характера, свежестью восприятия действительности, оптимизмом и верой в способность нашего народа преодолеть себя, справившись с трудностями. Как ученый, он подкупает способностью нестандартно мыслить, генерировать новые идеи и намечать пути реализации творческих проектов. Более 15 лет И.Г. Жиряков возглавлял диссертационный совет по историческим наукам, который дал путевку в большую научную жизнь десяткам соискателей кандидатских и докторских степеней.

Область собственных научных интересов И.Г. Жирякова весьма обширна: история европейских отношений во второй половине XX в. и внешней политики СССР и современной России, история Европейского Союза и история постсоциалистических трансформаций в странах Восточной Европы. Однако научной общественности он известен, прежде всего, как австровед. В целом, новой и новейшей истории Австрии И.Г. Жиряков посвятил восемь индивидуальных монографий, шесть монографических исследований, написанных в соавторстве, в основном, со своими учениками.

И.Г. Жиряков всегда активно публиковался в научной периодике, призывая к этому своих сотрудников и учеников. В его научном багаже более 80 статей, опубликованных в различных отечественных изданиях, таких как «Вопросы истории», «История государства и права», «Федерализм», «Социально-гуманитарные знания», «Право и политика», «Современное право», «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки», «Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки» и др. Мы рады тому, что И.Г. Жиряков не оставляет своим вниманием наш журнал «Локус: люди, общество, культуры, смыслы», у истоков которого он стоял, и с удовольствием приглашаем Ивана Георгиевича к продолжению плодотворного сотрудничества.

Коллеги, друзья и ученики от всей души поздравляют Ивана Георгиевича Жирякова со славным юбилеем и желают ему крепкого здоровья и новых творческих успехов.

А.М. Шамаев

Исторические аспекты исламизации Северного Кавказа (VII–XIX вв.)

В статье представлены этапы становления исламского вероучения на Северном Кавказе. Несмотря на имеющиеся публикации по данной тематике, проблема генезиса и последующего внедрения ислама в отдельно взятом этнически сложном регионе, каким является Северный Кавказ, до сих пор остается малоисследованной. В российской исторической науке и в самом кавказоведении практически не переоцениваются стандарты, выработанные еще в советскую эпоху, согласно которым ислам проникает на Кавказ очень поздно (в XV в.) и сам этот процесс является для народной культуры скорее негативным, нежели позитивным явлением. Поэтому автор статьи уходит от имеющихся штампов и рассматривает проблему с позиций объективности, системности и историзма.

Ключевые слова: Северный Кавказ, горские народы, ислам, этническая картина Северного Кавказа, история ислама на Северном Кавказе, исламизация горских этносов.

В обстановке общемировых политико-экономических преобразований последних десятилетий все более возрастает роль Северокавказского региона в современной геополитической обстановке. Нынешняя этническая неоднородность Кавказа объясняется вторжением на его земли в различное время Римской империи, Персии, Ирана, Аравии, Византии и других государств, мечтающих установить свое владычество над богатыми природными ресурсами края. Однако, невзирая на высокий уровень этнической пестроты региона, здесь присутствует еще один важный нюанс – конфессиональный фактор, представленный

двумя доминирующими религиями: христианством и исламом, которые играют огромную роль в современной политико-экономической, социокультурной сферах жизни аборигенных народностей. Однако данная работа не преследует цели анализа религиозной составляющей в социокультурной жизни Кавказа. Это скорее исторический экскурс, который позволит изучить процесс постепенной экспансии ислама в регионе, начатый еще в VII в.

Проблема генезиса ислама в Северокавказском регионе до сих пор остается малоисследованной. Хотя она всегда привлекала к себе интерес, особенно актуальной становится со второй половины XX в. В разное время проблемы исламизации имели свою специфику анализа, что было связано с определенными идеологическими установками. Так, в советский период основной упор делался на изучении доисламского наследия горских народов, на анализ проблематики раннего и средневекового магометанства, на процесс взаимоотношений России и Северного Кавказа (Н.А. Смирнов, В.Т. Гаджиев, А.В. Фадеев, Х.М. Хашаев и др.) [14, с. 147]. В постсоветский период акцент ставился на политизации этого вероучения, ошибочно отождествляя его с радикализмом, терроризмом и экстремизмом (В. Авксентьев, А. Массэ, З. Ментешашвили и др.) [9, с. 38]. Естественно, что такая позиция приводила к исламофобии, бытующей и поныне. В современный период появляются научные и публицистические издания, объективно отражающие процессы исламизации, выявляющие позитивно значимую роль этого явления для судеб горских народов. К ним относятся труды В. Бобровникова, А. Малашенко и др. [11, с. 405]. Тем не менее, монографических работ явно недостаточно. Значительно чаще встречаются статьи, посвященные отдельным областям края: Адыгее, Балкарии, Ингушетии, Карачаю, Осетии, Чечне и т.д. [5, с. 03]. Однако они из-за своего локального характера в полной мере не освещают проблемы исламизации горских этносов. Поэтому следует хотя бы в некоторой степени восполнить существующие пробелы в кавказоведении и дать анализ проблем становления ислама на всем Северном Кавказе.

Исламское вероучение на Северном Кавказе никогда не имело собственных корней, а было привнесено извне, пришлыми народами в лице арабов, турок, персов, которые насаждали его с помощью оружия. Экспансия ислама на Северном Кавказе началась в 642 г., когда арабские завоеватели пришли на дагестанские земли. Исламизация коренного населения в это время обуславливалась не только военным вторжением арабов, но и этиологией политико-экономического характера: Дагестан имел выгодное военно-стратегическое положение. В случае его завоевания арабы полностью устранили бы опасность участвовавших вторжений

хазар с севера, страна которых к тому периоду представляла крупное политическое формирование. К тому же по землям Дагестана проходили важнейшие торговые дороги, связывающие государства Европы и Азии.

Однако арабская экспансия встретила упорное сопротивление со стороны аборигенного населения края. По дошедшим до нас хроникам, жители г. Дербент совместно с хазарами в 653 г. дали отпор арабским завоевателям, полностью уничтожив их. На время арабская экспансия была прекращена. Но арабы не успокоились. Новый этап их захватнических устремлений начинается с XI в. и продолжается целое столетие. Он связан с именами крупных арабских военачальников Маслами и Джарраха [7, л. 46]. Вместе с воинами в Дагестан хлынуло и арабское население, которое ассимилировалось с аборигенными жителями. Однако следует заметить, что арабские переселенцы еще долгое время сохраняли свой язык и обычаи. Эмиграция арабов на захваченные территории Северного Кавказа служила далеко идущим целям. На занятых землях они должны были гарантировать укрепление власти завоевателей и позиций ислама. С течением времени в ислам обратилась и местная знать, которая руководствовалась скорее экономическими соображениями. За ней последовала и оставшаяся часть населения. В итоге, уже в XII в. Дербент, управляемый местной знатью, становится центром ислама и центром борьбы за новую религию. Он получает название «врата Джихада». Погибшим в борьбе за веру присуждается почетное звание «шахид» [13, с. 705].

Однако не одни арабы хозяйничали в этом субрегионе. С XII в. здесь появляются турки. С их помощью усиливается распространение ислама. Как отмечает исследователь ислама В.В. Бартольд, «победа турецкого элемента сопровождалась победой ислама и мусульманской культуры» [3, с. 49]. В XIII в. Дагестан оккупировали монголы. Они полностью заселили его территорию, параллельно неся с собой знамя пророка Мухаммеда.

Таким образом, иноземные захватчики с XIV в. установили не только доминирование ислама в Дагестане, но и использовали религию как знамя войны с «неверными» соседними племенами. Как видим, экспансии ислама в Дагестан понадобилось около тысячи лет. Она проходила в два этапа: первый, VIII–X вв., связан с арабами, второй – X–XV вв., это время основной исламизации Дагестана. Ислам становится официальной идеологией [12, с. 4].

Политика иноземных завоевателей (арабов, турок, монголов) также способствовала исламизации. Прекрасно понимая, что сила оружия в проповеди идей – ненадежный помощник, они начали действовать

и социально-экономическими методами (освобождение от налогов принявших ислам) и посредством миссионерской деятельности. Вскоре это стало приносить свои плоды. Постепенно к исламу приобщились народы Восточного Кавказа: табасараны, рутульцы, лезгины (VII–X вв.), лакцы и агулы (XI–XIII вв.), даргинцы, ногайцы (начало XIV в.), кумыки и аварцы (XIII–XV вв.), чеченцы (к началу XVI в.). Но если время принятия ислама этими народами не вызывает дискуссии, то единого мнения насчет даты принятия магометанства вайнахами, адыгами, балкарцами до сих пор не существует.

В отличие от Дагестана, в других областях Северокавказского региона, в частности, в соседней Чечне и Ингушетии (с вайнахским населением), популяризация магометанства начинается сравнительно поздно. Причинами этого, считает кавказовед Н.О. Блейх, стало отсутствие арабской экспансии в эти районы, т.к. в северной стороне им путь преградили дагестанские народы и господство общинно-родового строя (как известно, ислам выступает гарантом идеологии классового общества) [4].

Население Ингушетии и Чечни считалось идолопоклонниками, и только в XVI в., благодаря миссионерам, прибывающим из Дагестана, там началось постепенное распространение ислама. Этому мы нашли подтверждение в народных сказаниях, в которых встречаются примеры деятельности аварских и кумыкских пастухов (по совместимости мулл) по популяризации новой религии. К тому же дагестанские феодалы посредством ислама пытались завоевать местное население. Вскоре в самой Чечне появляются местные муллы, получившие религиозное образование в Дагестане.

В XVIII в. принятию новой веры радикально способствовал проповедник шейх Мансур. При нем значительно укоренились постулаты шариатского законодательства и магометанского вероисповедования.

По поводу окончательного принятия ислама вайнахами мнения ученых разделились. Одни считают его началом VII в., другие – XVI в. Архивные материалы свидетельствуют: временем распространения ислама следует считать вторую половину XVI в., когда под знамена пророка Мухаммеда население стало переходить целыми тейпами. Окончательным периодом утверждения здесь ислама под влиянием суннитской идеологии, исповедуемой имамом Кунта-хаджи Кишиевым, стала вторая половина XIX в. [2, с. 95].

В Кабарду ислам проникает только в XVI в., а интенсивно распространяться начинает лишь в XVIII в. с началом Кавказской войны и в связи с религиозными реформами владетеля Адиль-Гирея Атажукина и эфендия Искака Абукова. В результате этого происходит повсеместное

введение шариата. Начальник 19-й пехотной дивизии и командующий войсками на Кавказской линии генерал-майор И.П. Дельпоццо (1739–1821) доносил Александру I в 1808 г.: «Эфендий Исхак более всего старался набожностью под видом отличной добродетели привлечь к себе народ. И так искусно достиг желаемой цели, что в короткое время успел всю кабардинскую нацию усовершенствовать в магометанском законе. Ныне многие уздени, которые почти 40 лет имеют от роду, учатся татарской грамоте, чтобы разуместь алкуран. Он до того довел, что все переменили обычай в одеянии: вместо прежних коротких черкесок начали носить длинные. На шапки надели чалмы, отпустили бороду, перестали пить горячее вино, курить и нюхать табак и ничего не есть из скота, не убитого руками мусульманина... Ежели кабардинцы против нас столь непримиримые враги, все зависит от внушения им эфендием» [8, л. 114].

На территорию современной Карачаево-Черкесии ислам проник в XV в. в виде суннитской идеологии. Однако его реальная экспансия смогла произойти только в XVII в. Этому способствовал временный разрыв русско-черкесских дружеских отношений и усиление в том районе влияния Турецко-Крымского ханства. Последнее активно стало внедрять ислам в среду тюркоязычных карачаевцев, потомков кочевых народов – древних половцев.

В 1820-х гг. шариатское движение охватило и районы Западной Черкесии: Бжедугию, Кемиргой, Абадзехию, Шапсугию, Натухай и т.д. Основывались институты духовных судей-кадиев, приносились клятвы руководствоваться во всех делах нормами шариата, оставив древнее обычное право. Большое значение в распространении ислама имела его эгалитарность. Шариат не знал социального неравенства и всех верующих в сунну пророка Мухаммеда считал людьми свободного состояния, которых нельзя поработать. Введение шариатских норм общественной жизни разрушало привилегии князей и дворян, что было особенно характерно для Западной Черкесии [6, с. 161].

Весьма способствовала распространению ислама не только проповедническая деятельность мусульманских миссионеров, но и появление в XIX в. мечетей и местного духовенства. В это же время создавались и шариатские суды (мехкеме) во главе с судьями (кади), появилась система социальной защиты и исламского образования.

Исламизация адыгских народов продвигалась крайне медленно. Причиной этому служило то, что мусульманское духовенство у них долгое время было не в почете из-за насаждения чуждой культуры, привнесенной извне и не похожей на горские обычаи. Поэтому адыги так и не стали ортодоксальными мусульманами, и ислам укоренился у них

только к началу XIX в. Из Кабарды суннизм распространился на балкарские народы.

Что касается исламизации балкарцев, то здесь большинство авторов ссылается на временной диапазон XVII–XVIII вв., другие апеллируют к более раннему времени – от XV до XVII в. Так, например, этнограф Н.Г. Волкова отмечает: «Исламизация социальной верхушки балкарцев началась еще до XVII в., со второй половины XVI в. В Балкарии появляются исламские проповедники в основном из Дагестана. Источники свидетельствуют, что еще в XIX в. верования балкарцев представляли собой сложный синтез христианства, ислама и дохристианских традиций» [10, с. 67].

В Адыгее исламизация начинается в XV в., мусульманская религия как основная окончательно утверждается в XVIII в. Это было связано с усилением Крымского ханства и Османской империи на Северо-Западном Кавказе. Уже в XVIII в., благодаря содействию турок, в Адыгее возникает центр популяризации ислама – г. Анапа. Ислам, однако, также не успел пустить в Адыгее глубоких корней: не возникло суфийских братств, фактически не соблюдался шариат. Причиной этому служили пережитки языческих верований и моральный кодекс адыгов – хабзэ (система горского этикета и моральных норм) [2, с. 88].

Еще тяжелее исламизация протекала у осетин. Несмотря на то, что эта религия проникла в Осетию в VII в., к тому же во второй половине XIV в. обратить в ислам племена алан (предков современных осетин) пытался хан Тимур (1336–1405), она здесь не стала доминирующей. Несмотря на то, что распространению магометанства способствовала близость исламизированных регионов Кабарды, Чечни и Дагестана, большая часть осетин осталась верна христианству. Из трех больших осетинских общин одни лишь дигорцы признали ислам. Его принимали, в основном, богатые владельцы, а простому люду он оставался непонятен. В итоге, по сей день в большинстве своем осетины являются хранителями языческих верований в совокупности с христианским вероисповеданием. К тому же следует отметить, что осетинские мусульмане отказывались принимать участие в национальном противостоянии северокавказских горцев русским войскам, происходившем в XVIII–XIX вв. [12, с. 4].

Что касается идеологических установок ислама, то на Северном Кавказе доминирующее положение заняло суннитское направление с двумя мазхабами: ханифизмом и шафиизмом, которые по сравнению с двумя другими, ханбализмом и маликизмом, в мусульманском мире считаются

более либеральными. Шафийскому толку следуют чеченцы, ингуши и дагестанцы, ханифизм исповедуют кумыки, ногайцы, черкесы, кабардинцы. Но, помимо суннитского толка, на Северо-Восточном Кавказе исповедуют суфизм, представленный накшбандийским (с XVIII в.), кадирийским (с XIX в.), шазилийским (с XX в.) тарикатами (учениями). На Западном Кавказе суфизм не исповедуют, чем некоторые ученые и объясняют общую релятивную слабость исламского вероучения в данном субрегионе [1, с. 69].

В связи с этим, следует отметить, что градус исламизированности у горских народов различен: он неизменно уменьшается с востока на запад, в связи с чем самыми ортодоксальными считаются вайнахи и дагестанцы, менее – адыгейцы, кабардинцы, черкесы. Таким образом, в восточных районах Кавказа мусульманство глубже проникло в сознание людей, в их поведенческие нормативы.

В итоге, к началу XIX в. ислам в разных его течениях прочно обосновался на Северном Кавказе, а мусульманское духовенство, представленное имамами, ишанами, кадиями, муллами, муфтиями, муэдзинами, халифами и др., стало играть значительную роль в политическом и идеологическом управлении края.

Исходя из невозможности установления точной даты принятия ислама большинством горских народов и неопределенности суждений по этому поводу, поскольку эта процедура была асинхронной, в кавказоведении до сих пор отсутствует всеми признанная хронология происхождения и последующего развития мусульманства среди кавказских этносов. В окончательном варианте предполагается, что раньше всех ислам укрепился в Дагестане к концу XVI в., в Кабарде он утвердился к началу XVII в., национальным вероисповеданием балкарцев и карачаевцев стал к середине XVIII в. Позже всех эту религию приняли Чечня и Ингушетия – в начале XIX в.

Процедура исламизации горских народов северокавказского края была обусловлена складывающейся политической обстановкой как в самом регионе, так и вне его. Исламское вероучение на Северном Кавказе никогда не имело собственных корней, а было привнесено извне, пришлыми завоевателями, но если исламизация Восточного Кавказа принадлежит арабам, то привнесение ислама на Центральный и Западный Кавказ является целиком делом Османской империи. В результате уже к началу XIX в. ислам в разных его течениях прочно обосновался на Северном Кавказе, а мусульманское духовенство стало играть значительную роль в политическом и идеологическом управлении региона.

Библиографический список

1. Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи Кишиев в духовной культуре чеченцев: основные вехи жизни, суть учения и его современное значение // Ислам в современном мире. 2016. № 12 (1). С. 95–108.
2. Арапов Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир. М., 2006.
3. Бартольд В.В. Ислам. Пг., 1918.
4. Блейх Н.О. Общественно-политические изменения и просвещение на Северном Кавказе во второй половине XVIII – начале XIX вв. // Вестник гуманитарного научного образования. 2014. № 6 (44). С. 03–06.
5. Блейх Н.О. Проблемы мусульманского образования сквозь призму истории // Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 2 (45). С. 03–07.
6. Главани К. Описание Черкесии. Нальчик, 1978.
7. Полевой материал, собранный во время научной экспедиции в 1988 г. // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук. Ф. 1 (Фонд истории досоветского периода и востоковедения). Оп. 1. Д. 16. Л. 46.
8. Рапорт И.П. Дельпоццо Александру I от 1808 г. // Государственный архив Краснодарского края. Ф. 670 (Канцелярия помощника начальника Кубанской области). Оп. 1. Д. 24. Л. 114.
9. Шамаев А.М. Некоторые особенности становления экстремизма в Северо-Кавказском регионе // Общество: философия, история, культура. 2015. № 1. С. 38–40.
10. Шихсаидов А.Р. Распространение ислама в Южном Дагестане в X–XI вв. // Ученые записки научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. VI. Махачкала, 1950. С. 67–78.
11. Bleikh N.O. The influence of Russian educators and innovators in the development of the education of the mountain peoples (XIXth c.) // Bylye Gody. Russian historical journal. 2014. No. 33(3). P. 405–409.
12. Blejch N.O. A historical overview of the formation of the geopolitical and ethnic space of the North Caucasus // History and historians in the context of the time. 2016. № 1(16). С. 4–11.
13. Ibn Khaldoun. Introduction to the Book of edification and collection start and message on the days of Arabs, Persians and Berbers and those who was a contemporary of the holders of Supreme power. Beirut, 1999. Vol. 2. P. 705–723.
14. Shamaev A.M. The pilgrimage of the moslems of the North Caucasus in light of the Russian policy in the second-half XIX – the beginning of XX centuries // Journal of international Network Center for Fundamental and Applied Research. 2015. № 3 (5). С. 147–151.

Шамаев Артур Мурадинович – старший преподаватель кафедры боевой подготовки, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского Университета МВД России, г. Нальчик

E-mail: Shomik788@mail.ru

A.N. ShamayevHistorical aspects of islamization of the North Caucasus
(VII–XIX centuries)

The article presents the stages of development of Islam in the North Caucasus. Despite available publications on the subject, the problem of the genesis and subsequent introduction of Islam in a particularly ethnically complex region, which is the North Caucasus, needs further study. Both Russian and Caucasian history study still stick to the Soviet viewpoint, according to which Islam penetrated the Caucasus very late (almost in XV century) and the process is rather negative for the people's culture, rather than a positive one. Therefore, the author departs from the existing viewpoints and considers the problem from the standpoint of objectivity, consistency and historicism.

Key words: North Caucasus, mountain peoples, Islam, ethnic picture of North Caucasus, Islam history in North Caucasus, islamization of mountain ethnic groups.

Shamayev Arthur N. – senior lecturer of the Department of Combat Training, North-Caucasian Advanced Training Institute (branch) of Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs, Nalchik

И.А. Эмирханов

Санитарно-эпидемиологическая обстановка в Дагестане в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Статья посвящена анализу санитарно-эпидемической обстановки в Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республике (ДАССР) в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется борьбе с эпидемиями и проводимым противоэпидемическим мероприятиям в регионе в условиях военной повседневности. Автор подробно останавливается на угрозах и проблемах, с которыми пришлось столкнуться сотрудникам республиканских санитарно-эпидемиологических учреждений. Отмечена эффективность проводимых мероприятий для борьбы с опасными инфекциями. Описаны действия, предпринятые центральными и местными партийно-государственными организациями по предотвращению распространения инфекционных заболеваний среди жителей республики. Отмечена работа сотрудников республиканских санитарных служб в суровых военных условиях. Представленный материал показывает, что, несмотря на объективные причины ухудшения санитарно-эпидемической ситуации (нехватку опытных кадров, ограниченность ресурсов и др.), в Дагестане не было допущено вспышек очагов распространения инфекций.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Дагестан, Дагестанская АССР, санитарно-эпидемическая ситуация во время Великой Отечественной войны, эвакуированное население, борьба с инфекциями во время Великой Отечественной войны.

Вопрос о санитарно-эпидемиологической обстановке и эффективности противоэпидемических мероприятий, проводившихся в тылу в годы Великой Отечественной войны, является одной из слабо изученных проблем в отечественной исторической науке. Однако разработка данного аспекта имеет важное значение при исследовании истории советской повседневности. Актуальным является изучение деятельности медико-санитарных служб, непосредственным образом влиявших на жизнь и быт населения в тыловых регионах. На наш взгляд, анализ действий центральных и местных партийно-государственных организаций в целях сохранения санитарно-эпидемиологического благополучия

в кризисные периоды, на примере Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики (ДАССР), имеет важное значение в сегодняшней ситуации при разработке оперативных мер в случае необходимости со стороны санитарных служб страны.

Великая Отечественная война стала проверкой работы советских санитарно-эпидемиологических служб в кризисных условиях. Боевые действия, регулярные перемещения эвакуированного населения вглубь страны, ухудшение материально-бытовых условий проживания непосредственным образом отражались на эпидемической обстановке в тыловых регионах. Все эти факторы способствовали развитию болезней, с которыми, казалось, к этому времени было покончено. Например, еще до войны в Дагестане были окончательно побеждены такие тяжелые инфекционные и кишечные заболевания, как холера, чума и др. Однако оставался риск вспышки и заражения жителей республики сыпным и брюшным тифом, туберкулезом, скарлатиной, дизентерией, малярией.

С первых дней войны Дагестан как тыловой регион превратился в важный центр миграционных процессов, роль которого в решении социально-экономических вопросов страны постепенно увеличивалась. По железной дороге через республику проезжали огромные массы эвакуированных граждан, часть которых направлялась дальше в Закавказье и Среднюю Азию, часть оставалась в регионе. Республика оказалась прифронтовой полосой, ближним тылом Красной Армии, оборонявшей Кавказ и Бакинский нефтяной район. Толпы беженцев ежедневно скапливались на железнодорожных вокзалах городов Дагестана и в морском порту Махачкалы, на ее улицах, парках и скверах, неся с собой опасность возникновения и распространения эпидемий [9, с. 207].

Пик наплыва эвакуированного населения в республику пришелся на первый этап войны. Так, на конец осени 1941 г. количество беженцев, размещенных в Махачкале, составляло не менее 40 тыс. человек, причем около 10 тыс. из них находились в крайне бедственном положении [7, с. 603]. В основном, эвакуированных граждан размещали в крупных населенных пунктах, преимущественно в городах и рабочих поселках. По данным отечественных исследователей, на начало июня 1942 г. в республике было размещено 20 596 чел., из которых в городах и рабочих поселках – 16 088, в сельской местности – 4508 [1, с. 111]. Приток эвакуированных граждан привел к высокому уплотнению и скученности в городах и поселках ДАССР. Из-за острого дефицита жилых площадей беженцев нередко приходилось размещать в складских, полуподвальных и чердачных помещениях.

Гонимые войной люди прибывали в республику в осенне-зимний период, зачастую плохо одетые, пережив значительные моральные

и физические страдания. Дефицит питьевой воды и еды, скученность, отсутствие медицинской помощи приводили к инфекционным заболеваниям среди эвакуированных уже в пути следования, что грозило ухудшением эпидемического фона Дагестана после их контактов с местным населением. Например, в справке секретаря Махачкалинского горкома ВКП(б) Г.А. Саенко от 15 августа 1942 г. было отмечено, что «город сильно загрязняется эвакуированным населением, и среди детей эвакуонаселения растут заболевания дизентерией» [7, с. 629].

Дальнейшее ухудшение жилищно-бытовых и материальных условий проживания, обострение санитарно-эпидемической обстановки и увеличение трудовой нагрузки, а также рост населения в регионе за счет беженцев грозили привести к вспышкам и последующему распространению опасных инфекционных заболеваний в республике, таких, как тиф, корь, малярия, дизентерия и др.

Причиной ухудшения эпидемического фона в Дагестане являлось, кроме всего прочего, плохое санитарное состояние большинства населенных пунктов, а также недостаточное количество проведенных лечебно-диагностических и профилактических мероприятий еще в довоенный период. С первых дней войны центральные и местные властные структуры стали в оперативном порядке предпринимать меры по воспрепятствованию заноса и распространения инфекционных заболеваний среди мирного населения.

На ухудшение санитарно-эпидемического фона республики оказывало влияние малое число лечебно-медицинских учреждений, особенно в сельской местности. В большинстве аулов Дагестана имелись лишь фельдшерские пункты, а больницы и поликлиники работали только в крупных населенных пунктах и районных центрах. «В нашем селе не было медпункта, – вспоминает житель с. Луткун Ахтынского района Д.М. Джабраилов, – и в случае болезни сельчанам приходилось ездить в больницу, расположенную в Ахтах»¹. Из воспоминаний уроженки с. Гергебиль, в годы войны входившего в состав Гунибского района, Халимат Расуловой: «Под медпункт была отведена всего лишь одна комната, возможности оказать мало-мальски полноценную медицинскую помощь не было. Многие больные, не дождавшись такой помощи, умирали» [2, с. 374].

Республиканские власти предпринимали меры для расширения сети лечебных учреждений еще накануне войны. Так, в начале 1941 г. республиканским руководством было принято решение открыть в Каякентском

¹ Интервью с Д.М. Джабраиловым, 1929 года рождения, в годы войны проживавшим в с. Луткун Ахтынского района ДАССР. Архив автора. Запись от 11.06.2017 г.

районе медицинский пункт на 10 коек и один акушерский пункт [11, л. 3]. Кроме того, фельдшерско-акушерские и медицинские пункты учреждались и в других районах, но эти единичные случаи не решали полностью проблему качественной медико-санитарной помощи населению республики.

На январь 1940 г. в Дагестане действовали 8 санитарно-эпидемиологических станций, 1 дезинфекционная станция, 20 малярийных пунктов и станций, 3 бактериологические лаборатории, 3 дезинфекционных пункта, где работали 78 медицинских работников высшего звена и 135 – среднего [6, с. 242].

К числу основных противоэпидемических мероприятий относились: своевременная диагностика заболеваний, изоляция больных и лечение их на местах возникновения заболеваний, банно-прачечное и дезинфекционное обслуживание жителей, проведение специальных профилактических мероприятий по предупреждению сыпного и брюшного тифа, дизентерии и малярии. Так, 30 июня 1941 г. союзными Наркомздравом и Народным комиссариатом путей сообщения было издано совместное «Положение о медико-санитарном обслуживании населения, эвакуируемого из угрожаемых районов», суть которого сводилась к проведению целого ряда противоэпидемических мероприятий территориальными органами здравоохранения и врачебно-санитарными службами [13].

В соответствии с появившимися новыми проблемами в жизни региона Наркомздравом ДАССР (наркомом М.С. Яникианом, а также его заместителями О.В. Баряном и С.Ю. Алибековым) была перестроена система организации медико-санитарного и противоэпидемиологического обеспечения. В городах и рабочих поселках республики (Махачкала, Дербент, Буйнакск, Хасавюрт, Избербаш) и ряде крупных районов были учреждены санитарно-контрольные пункты.

Важное значение в борьбе с эпидемиями отводилось развитию банно-прачечного хозяйства региона, испытывавшего в военный период большие проблемы, причиной которых стали дефицит топлива, санитарно-гигиенических принадлежностей. В первые месяцы войны значительное количество бань в республике находилось в неудовлетворительном состоянии. Отсутствие топлива, воды и мыла приводило к сбоям в работе бань в городах и рабочих поселках, в результате чего возникали большие очереди. В качестве одной из мер санитарного оздоровления стал перевод городских банно-прачечных учреждений на круглосуточный график работы. Кроме того, в республике в сравнительно короткие сроки в оперативном порядке были построены 377 простейших бань и 211 дезокамер [5, с. 178].

Необходимо отметить, что организация противоэпидемических мероприятий в республике в военные годы была крайне затруднена рядом обстоятельств, такими, как призыв на фронт значительной части медицинского персонала, сокращение медикаментозного и материального снабжения региональных санитарных служб, постоянными перемещениями эвакуированных, чрезмерными трудовыми нагрузками местного населения и их крайне неудовлетворительным продовольственным обеспечением. «Болели тогда много и часто и взрослые, и дети», – пишет в своих воспоминаниях уроженец с. Кандик Хивского района Аскер Аскеров [2, с. 84]. Таким образом, в условиях значительного ослабления материально-технической и кадровой медицинской базы органам здравоохранения Дагестана пришлось вести неравную борьбу с усиливавшимся валом эпидемических заболеваний в регионе.

С первых дней войны региональные власти стали предпринимать меры для открытия лечебно-профилактических учреждений на местах. В конце июля 1941 г. Совет народных комиссаров (СНК) ДАССР потребовал от руководителя республиканского Наркомздрава М.С. Яникиана обеспечить проведение санитарной обработки эвакуированных граждан и, в целях предотвращения вспышек эпидемических заболеваний, установить за ними постоянное медицинское наблюдение [7, с. 580]. Для сокращения числа случаев заболеваний на железнодорожном транспорте для солдат и офицеров Красной Армии, транзитных пассажиров, а также женщин с детьми на вокзалах отводились специальные помещения.

В феврале 1942 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) СССР издал постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии», в котором был запланирован ряд мероприятий по предотвращению увеличения случаев заболеваемости в тылу и на фронте. Данный документ предполагал проведение поголовной иммунизации жителей городов и рабочих поселков для предотвращения развития острых кишечных инфекционных заболеваний, а также своевременного выявления и последующей оперативной госпитализации больных [14, с. 157].

В целях быстрого реагирования на эпидемии при местных отделах здравоохранения открывались подвижные эпидотряды и формировались штаты общественных санитарных инструкторов. В вышеуказанном постановлении ГКО СССР была отмечена необходимость учреждения чрезвычайных противоэпидемических комиссий, куда должны были войти, помимо командиров военных гарнизонов и сотрудников военно-санитарных служб, представители местного советского и партийного руководства, а также региональные представители органов здравоохранения и правоохранительных служб [Там же].

В соответствии с этим постановлением, в республике была усилена работа по массовой санитарной подготовке населения к предупреждению заразных заболеваний и санитарно-химической защите. Так, на конец октября 1942 г. в Дагестане было подготовлено 19 416 значкистов по программе ГСО («Готов к санитарной обороне»), 4674 – БГСО («Будь готов к санитарной работе»), 1068 дружинниц [7, с. 421].

Одним из основных эффективных мер по предупреждению распространения желудочно-кишечных заболеваний на железнодорожном транспорте стало обеспечение проезжающих граждан кипяченой водой, а также открытие торговых точек при вокзалах по продаже мыла, зубного порошка и других санитарно-гигиенических принадлежностей. Для нужд граждан на всех станциях следования пассажирских составов были установлены емкости с питьевой водой. С июля 1942 г. руководство республики обязало начальников Махачкалинского порта и Махачкалинского отделения Северо-Кавказской железной дороги обеспечить эвакуированное население кипяченой водой [Там же, с. 623].

Ухудшение эпидемиологической обстановки в столице республики произошло осенью 1942 г., когда реальным стал риск вспышки эпидемии холеры, источниками распространения которой стала прибывшая пароходом из Астрахани в Махачкалу группа беженцев. С 11 августа, когда был зарегистрирован первый случай, до 10 ноября 1942 г. заболели 317 человек, из которых скончались 89 [4, с. 131]. Все эти факторы придавали особую остроту эпидемической проблеме в Дагестане.

Республиканским властям приходилось в оперативном порядке предпринимать меры для улучшения санитарного фона региона, в первую очередь городов, где концентрировалась значительная часть эвакуированных, а также находившихся на излечении солдат и офицеров Красной Армии. В конце декабря 1942 г. Махачкалинский Комитет обороны предложил руководству города передать одну городскую баню и дезинфекционную станцию в распоряжение Отдела эвакогоспиталя Наркомздрава ДАССР для срочной санитарной обработки раненых бойцов, прибывающих в республику. В целях улучшения жилищно-бытовых условий раненых и сотрудников медицинских учреждений в госпиталях Дербента, Махачкалы и рабочего поселка Двигательстрой открывались прачечные с бесперебойным обеспечением топливом, водой и электричеством [7, с. 637].

Большое внимание уделялось проведению мероприятий, направленных на оперативную госпитализацию инфекционных больных, проведение вакцинации, а также санитарной агитационной и пропагандистской работы. Так, например, по данным на апрель 1943 г. в населенных пунктах республики было проведено 1235 лекций и бесед

на санитарно-просветительскую тематику [5, с. 178]. Эти мероприятия проводились в сотрудничестве с руководством промышленных предприятий и государственных учреждений, профсоюзными и общественными организациями.

Однако, несмотря на принимаемые меры, в республике наблюдался рост различных эпидемических заболеваний. Так, например, в 1944 г. на 40% увеличилась заболеваемость сыпным тифом по сравнению с 1943 г. (табл. 1).

Таблица 1

Заболеваемость сыпным тифом в Дагестане в 1943–1944 гг.
[7, с. 707]

Год	Месяц												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Всего
1943	645	876	960	704	567	523	193	108	54	78	216	404	5328
1944	997	1489	1538	1379	1632	1235	447	121	59	139	170	179	9435

На наш взгляд, увеличение случаев заболеваний сыпным тифом среди жителей республики в 1944 г., в первую очередь, было связано с массовыми передвижениями эвакуированного населения в обратном направлении через Дагестан на последнем этапе войны.

К числу основных дезинфекционных мероприятий, направленных на сокращение случаев заболеваемости сыпным тифом, относились активизация санитарно-просветительской работы среди населения, предусматривавшая проведение встреч и бесед, чтение лекций, издание агитационных плакатов и брошюр, организация субботников, воскресников, месячников и декадников по уборке и благоустройству дворов и придворовых территорий, вывозу мусора, наведению санитарной чистоты. Так, весной 1944 г. в городах, поселках и районных центрах Дагестана были проведены работы по приведению в порядок улиц, дворов, общежитий и колодцев. Кроме того, был проведен двухмесячник по благоустройству населенных пунктов, месячник по борьбе с малярией, во всех районах развернулась работа чрезвычайных противоэпидемических комиссий [Там же].

Военная повседневность негативным образом сказывалась на состоянии детского здоровья из-за ухудшения продовольственного снабжения, низкого уровня медицинских услуг, обострения санитарно-эпидемической обстановки. Все эти факторы в 1942–1943 гг. нередко приводили

к летальным исходам среди детей, основными причинами которых стали пневмония (23%), острые заболевания желудочно-кишечного тракта (21,5%), дифтерия (5%), коклюш (2,3%), скарлатина (2,4%) [8].

Учитывая вышеуказанные обстоятельства, центральные и региональные власти стали отводить важное место в санитарно-эпидемиологической работе профилактики детской заболеваемости. В республике с 1943 г. стали открываться специальные санатории для детей, а в период летних каникул – детские лагеря и оздоровительные площадки. Так, в начале 1943 г. в Дагестане было открыто 53 лагеря с охватом 3767 детей и 15 школьных площадок с охватом 720 детей [7, с. 546]. В декабре 1944 г. СНК РСФСР принял постановление, в котором было запланировано открытие в ДАССР в летний период 1945 г. детских домов санитарного типа на 100 мест для детей, больных туберкулезом [10, с. 304–305].

В центре внимания органов власти и санитарно-медицинских учреждений республики находилось принятие оперативных мер для снижения случаев заболеваемости среди работников промышленных предприятий. Так, для их лечебного обслуживания и защиты здоровья при заводах и фабриках были открыты специальные медико-санитарные части. Кроме того, проводилась тщательная санитарная очистка населенных пунктов республики, причем повышенное внимание старались обращать на предприятия торговли и обслуживания (магазины, колхозные рынки, сферу общепита).

Одной из причин вспышек различных инфекций в Дагестане служили тяжелейшие коммунально-бытовые условия проживания беженцев и прикомандированных из сельской местности на оборонные предприятия рабочих. Обычным явлением в общежитиях крупных населенных пунктов было отсутствие канализации, столовых, буфетов. В большинстве из них не хватало тумбочек, табуреток, вешалок, кроватей, постельного белья, одеял, что, естественно, вело к антисанитарии. Однако даже таких плохо обустроенных жилых площадей не хватало, в результате чего гражданам приходилось ютиться в полуземлянках, необорудованных и неотапливаемых помещениях.

Республиканскими властями для решения жилищной проблемы в городах и рабочих поселках в оперативном порядке была инициирована постройка жилья упрощенного типа и коммунально-бытовых помещений (общежития, бараки, полуземлянки, столовые и бани). Так, в ноябре 1941 г. из регионального бюджета были выделены 43 200 руб. на постройку барачных для эвакуированных граждан в столице Дагестана [3, с. 35].

Партийно-государственные органы республики принимали меры для развития лечебно-профилактической сети на присоединенных к Дагестану в 1944 г. новых районах (Андалалский, Веденский, Шурагатский, Ритлябский), входивших ранее в состав Чечено-Ингушской АССР. Так, с июля 1944 г. была возобновлена работа Веденского туберкулезного санатория, в селах Андалалы и Ритляб открыты санитарно-эпидемические станции. К лету 1944 г. все вышеуказанные районы были обеспечены лечебными учреждениями и медицинскими работниками, кроме того, в них регулярно проводились необходимые санитарно-эпидемические работы [12, л. 52].

Деятельность советских и партийных организаций по улучшению санитарного фона региона продолжалась и в последний год войны, о чем свидетельствуют следующие статистические данные. Например, если к 1940 г. в Дагестане насчитывалось 4 санитарно-эпидемических станции, то на начало 1945 г. таковых было уже 13, причем в большинстве районов республики имелись также государственные санитарные инспекторы [7, с. 707], задачей которых было осуществление надзора за соблюдением санитарных норм и правил на местах.

Таким образом, ухудшение материально-бытовых условий проживания граждан, неудовлетворительное санитарное состояние населенных пунктов республики в военные годы негативным образом отразились на состоянии здоровья людей, спровоцировав большое количество случаев вспышек инфекционных заболеваний. Положение осложнялось неготовностью органов здравоохранения в первые месяцы войны в оперативном порядке справиться с возникшими проблемами. Трудности, имевшие место в работе республиканских медико-санитарных служб в военное время, были схожи с проблемами в других отраслях народного хозяйства, не связанных напрямую с оборонной промышленностью, таких, как нехватка квалифицированных работников, материальных ресурсов и др. Однако ценой значительных усилий, огромного напряжения всех сил народа распространение эпидемий в республике было остановлено.

Необходимо отметить, что лечебно-профилактические учреждения ДАССР функционировали в тесной связи с партийно-государственными и профсоюзными организациями, целью которых было проведение масштабных санитарно-противоэпидемических мероприятий, направленных на сокращение случаев заболеваемости инфекциями и воспрепятствование распространению эпидемий в республике. Работа по организации комфортных условий для трудовой деятельности и быта в промышленности и учреждениях республики значительно активизировалась на последнем этапе войны.

Библиографический список

1. Бабаев А.Б. Боевое содружество народов СССР – залог великой победы над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны // Народы Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Отв. ред. А.И. Османов. Махачкала, 2005. С. 104–112.
2. Детство, опаленное войной. Дагестан. 1941–1945 гг. Воспоминания. Махачкала, 2015.
3. Какагасанов Г.И. Роль органов власти и управления Республики Дагестан в приеме и размещении эвакуированных предприятий, населения и продовольствия в 1941–1945 гг. // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2010. № 2. С. 33–40.
4. Маньшев С.Б. Миграционные процессы и их влияние на эпидемиологическую обстановку в Дагестане в годы Великой Отечественной войны // Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Материалы IX Всероссийской конференции (с международным участием). М., 2013. С. 130–132.
5. Мирзабеков М.Я. Здравоохранение в дагестанском городе в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // 65-летие Победы в Великой Отечественной войне: дагестанцы на фронте и в тылу. Материалы республиканской научной конференции / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. Махачкала, 2010. С. 177–182.
6. Нагиева М.К. Создание санитарно-эпидемиологической службы в Дагестане (20–30-е годы XX в.) // Известия Волгоградского педагогического университета. 2016. № 8 (112). С. 240–243.
7. Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Документы и материалы) / Отв. ред. А.И. Османов. Махачкала, 2005.
8. Омариева Э.Я. Обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия на территории Республики Дагестан в годы войны. URL: http://05.gospotrebnadzor.ru/390/-/asset_publisher/4PcF/content/ (дата обращения: 11.10.2017).
9. Османова Ф.М., Бутаева Г.М. Вклад ученых Дагестанского медицинского института в годы войны // Народы Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Отв. ред. А.И. Османов. Махачкала, 2005. С. 206–213.
10. Панарина Е.В. Реализация социальной политики советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): на материалах Дона и Северного Кавказа: Дис. ... д-ра ист. наук. Армавир, 2009.
11. Переписка с СНК ДАССР по вопросам сельского хозяйства, здравоохранения, торговли, хозяйственным и другим вопросам. 1.11.1940 г. – 1.12.1941 г. // Центральный Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 1-п (Дагестанский обком ВКП(б), КПСС). Оп. 1. Д. 4920.
12. Протоколы заседаний бюро Дагестанского Обкома ВКП(б) XVII созыва. 10.07.1944 г. – 28.09.1944 г. // Центральный Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 1-п. (Дагестанский обком ВКП(б)). Оп. 1. Д. 5883.

13. Санитарно-эпидемиологическая служба в период Великой Отечественной войны 1941–1945 г. URL: http://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=3490 (дата обращения: 01.10.2017).
14. Смирнов Е.И. Фронтное милосердие. М., 1991.

Эмирханов Исмаил Асланович – кандидат исторических наук; доцент кафедры всеобщей истории, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

E-mail: historik2008@yandex.ru

I.A. Emirkhanov

Sanitary-epidemiological situation in Dagestan during the Great patriotic war (1941–1945)

The article is devoted to the analysis of the sanitary and epidemiological situation in Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic (DASSR) during the Great Patriotic War. Particular attention is paid to combating epidemics and anti-epidemic measures in the region in the context of military everyday life. The author dwells in detail on the threats and problems faced by the staff of the republican sanitary and epidemiological institutions. The effectiveness of the measures taken to combat dangerous infections was noted. The author describes the actions taken by central and local party-state organizations to prevent the spread of infectious diseases among the residents of the republic. Work of employees of the republican sanitary services in severe military conditions was noted. The presented material shows that, despite the objective reasons for the deterioration of the sanitary and epidemiological situation (shortage of experienced personnel, limited resources, etc.), outbreaks of infection spread were not allowed in Dagestan.

Key words: Great Patriotic War of 1941–1945, Dagestan, Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic, sanitary-epidemic situation during the Great Patriotic War, evacuated population, fight against infections during the Great Patriotic War.

Emirhanov Ismail A. – PhD in History; Associate Professor at the Department of General History, Dagestan State University, Makhachkala

В.С. Калмыков

Поход царя Пирра в Италию как первое столкновение Рима с эллинистическим миром

В статье рассматриваются причины похода эпирского царя Пирра в Италию, дипломатическая подготовка похода. Определяются причины поражения Пирра. Основными источниками исследования служат сочинения таких историков античности, как Аппиан Александрийский, Плутарх, Флор и Юстин. Царь Пирр был первым эллинистическим монархом, столкнувшимся с римлянами в открытом противостоянии. Надеясь по примеру Александра Македонского создать собственную империю, он откликнулся на призыв жителей Тарента, которые пригласили его с армией для защиты от Рима. В этом походе встретились в бою римская и эллинистическая военные системы, а также две дипломатические школы. В битвах при Гераклее, Аускуле и Беневенте Пирр продемонстрировал определенное тактическое превосходство, но его стратегия и дипломатия оказались хуже римских. Также римское гражданское общество было более патриотичным и сплоченным, чем общество греческих полисов в Италии. В заключение делается вывод по итогам противостояния римской военной системы с эллинистической, а также римской и эллинистической дипломатии.

Ключевые слова: битва при Аускуле, битва при Беневенте, битва при Гераклее, Пирр Эпирский, Римская республика, эллинизм, Эпир.

Царь Эпира Пирр – один из самых противоречивых полководцев и политиков, не поддающаяся однозначным оценкам личность в античной истории. Его считают талантливым полководцем и одновременно политическим авантюристом, разорившим своими походами Эпирское царство и нелепо погибшим на улицах Аргоса. Однако поход Пирра

в Италию может служить ярким примером столкновения эллинистического мира и Римской республики. В этом походе столкнулись не только две военные системы, две тактики на поле боя, но и две дипломатические школы и два менталитета, римский и эллинистический. Следует отметить тот факт, что эллинистический мир находился в процессе становления, а Римская республика еще не подчинила себе полностью Италию. Оба мира, как римский, так и эллинистический, еще не достигли пика своего развития. Тем интереснее рассмотреть поход эпирского царя в Италию с точки зрения столкновения двух различных военных и политических систем.

Что касается личности самого Пирра, то Р.В. Светлов дает ему такую характеристику: «Пирр был свидетелем грандиозных событий, в первую очередь распада империи Александра Македонского. Жизнь Пирра была связана со стремлением создать царство, соответствующее своему предназначению, в которое Пирр верил. Великое царство, достойное его детей» [6, с. 6–7]. С этой характеристикой можно согласиться. Также можно отметить, что авантюризм Пирра полностью соответствовал той эпохе, практически все диалоги подражали Александру Македонскому, создавшему империю в течение десяти лет. Данный пример был крайне заразителен, поэтому Пирр считал, что ему вполне по силам повторить достижения Александра Македонского.

Каковы же были причины похода эпирского царя в Италию? Как сообщает Плутарх, «римляне напали на тарентинцев. У тех не было сил вести войну, но бесчестная дерзость вожаков народа не давала им сложить оружие, и тогда они задумали призвать и сделать военачальником в войне против римлян Пирра, отличного полководца и в то время самого праздного из царей» [5, с. 441]. Данную ситуацию подтверждает и Аппиан, сообщающий, что жители Тарента, находившиеся в конфликте с Римом, решили: «Если же мы захотим и полностью обладать свободой и воевать с равными силами, давайте призовем из Эпира царя Пирра и объявим его полководцем в этой войне» [1, с. 33]. Более подробно ситуацию описывает римский историк Юстин. Он пишет, что «Пирр, которого осаждали своими просьбами тарентинцы, вторично отправившие к нему посольство вместе с самнитами и луканами, тоже нуждавшимися в его помощи против римлян, обещал, что придет со [своим] войском [им на помощь]» [8]. Из этого сообщения ясно, что помощи против римлян просил не только Тарент, но отдельные племена Италии, враждовавшие с Римом. Также интересен тот факт, что посольство к Пирру было как минимум два и, по всей видимости, первое из них окончилось неудачей.

Почему же Пирр согласился на просьбы послов и решился на поход в Италию? По характеристике Плутарха, царь Эпира, вместо того, чтобы «мирно править своими эфиротами», «тяготился такой жизнью и скучал» [5, с. 441]. Получается, что весь поход в Италию Пирр затеял от скуки. Такое объяснение крайне легковесно. Самую точную причину похода определил Юстин. По его мнению, к походу «побудили его... не сколько их (послов из Тарента. – *В.К.*) мольбы о помощи, сколько надежды на захват власти над Италией» [8]. Р.В. Светлов считает, что программа Пирра по завоеванию Италии была вполне реалистичной [6, с. 172].

Если посмотреть на политическую ситуацию глазами самого Пирра, то судьба давала ему шанс создать империю по примеру Александра Македонского. К тому же его ожидали в Италии многочисленные союзники, просившие его прийти к ним на помощь. Однако план Пирра имел малый «запас прочности». Во-первых, ресурсы Эпирского царства не позволяли вести затяжную войну, и во-вторых, царь переоценил боеспособность италийских греков и недооценил силу Римской республики. В оправдание Пирра можно сказать, что мало кто тогда мог дать верную оценку римской армии и государству. Как пишет Плутарх, «в Эпир отправили послов, чтобы отвезти Пирру дары, от имени не только тарентинцев, но и всех вообще италиков» [5, с. 442]. Фактически, политики Тарента приглашали Пирра в Италию от имени всех италийских племен, враждовавших с Римом. Послы говорили Пирру, что «им нужен разумный и прославленный полководец и что в их распоряжении есть большие силы луканцев, мессапов, самнитов и тарентинцев: всадников около двадцати тысяч, а пехотинцев триста пятьдесят тысяч» [Там же]. Конечно, такие цифры были блефом, и эпирский царь прекрасно понимал это, но он, несомненно, надеялся на действенную помощь со стороны италийских греков и местных племен. Как отмечает Светлов, Пирр отправлялся в Италию не как завоеватель, а «как предводитель нанятой тарентинцами армии» [6, с. 172]. Это давало царю Эпира надежду на быструю военную кампанию и пополнение своей армии италийскими солдатами, именно поэтому для Пирра поход в Италию не выглядел авантюрой.

Возникает вопрос, а что знали политики Эллады и Эпира, в частности, о Римской республике? У Плутарха приводится диалог Пирра со своим наставником (дипломатом и философом) Кинеем, в котором последний, обращаясь к царю, говорит, «что римляне народ доблестный, и к тому же им подвластно много воинственных племен» [5, с. 442]. Из данного диалога видно, что определенной информацией о римлянах и их армии политики Эллады обладали, но она, скорее всего,

была обрывочной и неполной. Что касается послов из Тарента, то они, по всей видимости, преуменьшали силу и мощь римлян и преувеличивали собственные силы. Интересен также ответ Пирра на вопрос, что даст ему победа над римлянами. Он сказал: «Если мы победим римлян, то ни один варварский или греческий город в Италии не сможет нам сопротивляться, и мы быстро овладеем всей страной» [5, с. 442]. Этот ответ показывает, что эпирский царь прекрасно понимал, что ключом к власти над Италией является Римская республика, что делает честь его стратегическому видению. К тому же греки воспринимали римлян как варваров и были уверены в своем военном превосходстве.

Какова же была численность армии Пирра, с которой он начал поход в Италию? Плутарх пишет, что царь Эпира «погрузил на прибывшие из Тарента грузовые суда двадцать слонов, три тысячи всадников, двадцать тысяч пехотинцев, две тысячи лучников и пятьсот пращников» [Там же, с. 443]. Современный исследователь А.В. Банников считает, что изначально в армии Пирра было 60 боевых слонов, но «в Италию отправились около 20 слонов, поскольку часть животных были старыми и небоеспособными» [2, с. 187]. Наличие боевых слонов было главным козырем Пирра, они были своего рода «чудо-оружием» того времени. Светлов дает несколько другие цифры по численности эпирской армии. Он пишет, что в Италию отправились 20 тыс. тяжелой пехоты и пельтастов (средней пехоты), 2500 легковооруженных пехотинцев и 3 тыс. всадников, а также 20 боевых слонов [6, с. 191]. Получается, что общая численность армии Пирра составила 25 500 воинов. Для данной эпохи это компактная армия, но царь Эпира, как сказано выше, надеялся на воинские контингенты италийских племен и Тарента. Весной 280 г. до н.э. транспортный и военный флот Пирра вышел в море. Поход в Италию начался.

Теперь рассмотрим состояние римской армии, которая противостояла Пирру. Следует отметить, что армия Рима того времени еще не достигла вершины своего развития и находилась в процессе становления. Основной боевой единицей римской армии был легион. Он состоял из 300 всадников, 3 тыс. солдат тяжелой пехоты и 1200 – легкой. Легион насчитывал 30 тактических единиц (манипулов), которые строились в три ряда в шахматном порядке. Таким образом, строй легиона представлял собой шахматную доску [3, с. 28]. Данный боевой порядок был достаточно гибким и позволял манипулам маневрировать на пересеченной местности, а также наращивать силу удара. Но, пожалуй, самым важным был тот факт, что во время военной кампании каждый легион римлян поддерживал контингент латинских или италийских союзников Рима. Как пишет А. Голдсуорти, численность пехоты союзников

равнялась численности легионной пехоты, а численность конницы превышала легионную в два раза [3, с. 28]. В итоге получается, что к 4200 пехотинцам римского легиона следует прибавить 4200 пехоты союзников, а также 600 конников. Всего, вместе с союзными контингентами, численность одного легиона могла достигать 10 тыс. воинов. Как правило, консульская армия состояла из двух легионов, с учетом сил союзников это 20 тыс. воинов. По нормам того времени римляне выставляли значительные силы, имея в запасе еще армию второго консула. Фактически, римские легионы были своего рода стержнем, вокруг которого выстраивались союзные отряды пехоты и конницы. При консуле Марке Фурии Камилле солдатам стали выплачивать денежное содержание во время боевых действий. Это позволило проводить военные кампании в зимний период [4, с. 11]. Однако, как считает Голдсуорти, римскую армию нельзя считать профессиональной, поскольку после окончания войны легионы подлежали роспуску [3, с. 28–29]. Это, конечно, не способствовало повышению профессионализма солдат и офицеров, но частые войны, которые вели римляне, позволяли иметь достаточно большое количество опытных воинов.

Светлов пишет, что римская армия была приспособлена для сражений с племенами Италии, в первую очередь, галлами и самнитами. Что касается построения легиона в три линии, то, по его мнению, «красивый шахматный строй римлян» было очень трудно сохранить на пересеченной местности [6, с. 199–200]. С этим утверждение можно согласиться, поскольку, скорее всего, манипулы смыкали свой строй при фронтальной атаке противника, чтобы сохранить его монолитность. Вторая и третья линия манипул легиона служила для оказания помощи первой линии, если противник прорывал или теснил ее. Из этого действительно можно сделать вывод, что римская военная система была предназначена для противостояния племенам Италии, поскольку строй римского легиона хорошо держал фронтальные атаки галлов и самнитов, изматывая их в ходе боя. Слабым местом римской армии была конница. Но, как отмечает Светлов, при такой манере ведения боя она имела явно вспомогательный характер [Там же, с. 205]. Также он отмечает, что римляне для маневра своими военными силами использовали систему военных дорог, которую старались расширить при первой возможности [Там же, с. 207].

Итак, что же представлял собой римский солдат того времени? Это был опытный воин, знающий свое место в строю манипула и легиона, дисциплинированный и стойкий, а, главное, верный своему городу. Именно с такой армией пришлось встретиться Пирру в бою.

Теперь рассмотрим армию эпирского царя. Светлов указывает, что до нас не дошло подробное описание эпирской армии и ее внутренней

структуры [6, с. 193]. Можно предположить, что в военном строительстве Пирр ориентировался на армию Александра Македонского, которая служила образцом для наследников великого завоевателя. Основу армии составляла тяжелая пехота, сражающаяся в строю фаланги. Дискуссионным является вопрос, была ли эта фаланга македонского типа, с глубиной в 16 рядов, или обычная – в 8 рядов. Для македонской фаланги требовалась высокая выучка воинов и умение действовать длинным копьём – сариссой. Пирр имел возможность создать македонскую фалангу, наняв македонских воинов и обучив эпиротов. В качестве средней пехоты выступали пельтасты, вооруженные коротким копьём, щитом и мечом, они могли действовать как в сомкнутом, так и в рассыпном строю. Пельтасты служили для прикрытия и поддержки фаланги в бою. Конница Пирра состояла из фессалийских наемников, являющихся лучшими конниками Эллады и эпирских гетайров, представляющих царскую гвардию. Конница и боевые слоны являлись ударным кулаком армии Пирра, в то время как фаланга представляла собой, образно говоря, «наковальню».

В тактике эпирский царь отдавал предпочтение фланговым кавалерийским ударам, с опорой на тяжелую пехоту. Эту тактику разработал еще Филипп II Македонский и усовершенствовал его сын Александр. Также, как считает Светлов, Пирр применял расчлененный боевой порядок тяжелой пехоты и «...был склонен к выделению резерва и постепенного ввода в бой своих частей» [Там же, с. 196]. Если говорить о профессионализме эпирской армии, вся она была наемной и содержалась на средства царя. Ее воины были преданы Пирру и имели большой боевой опыт, но основным недостатком можно считать малочисленность именно эпирских контингентов. После прибытия в Италию, как пишет Плутарх, Пирр «увидел, что чернь в Таренте по доброй воле не склонна ни защищаться, ни защищать кого бы то ни было, а хочет лишь отправить в бой его, чтобы самой остаться дома и не покидать бань и пиршешек» [5, с. 443–444]. Данная ситуация свидетельствует о том, что надежда Пирра на поддержку эллинов Италии оказалась беспочвенной и ему пришлось провести насильственный набор солдат в свою армию.

Также Пирру стало ясно, что речи прибывших к нему послов были обычной пропагандой и не отражали реальной ситуации. Проявилось и такое уязвимое место эллинского гражданского общества, как нежелание защищать свой полис и нести тяготы военной службы, что, естественно, сужало мобилизационную базу войска эпирского царя.

В середине лета 280 г. до н.э. Пирр и римляне впервые встретились на поле боя. Это произошло у р. Сирус, в 30 км от г. Гераклея [6, с. 214–215]. Римлянами командовал консул Левин, войска которого

опустошали Луканию и вели наступление на Тарент. Интересен тот факт, что эфирский царь «послал к римлянам вестника, предложив им без войны получить от италиков законное удовлетворение, а его, Пирра, сделать при этом судьей и посредником» [5, с. 444]. В сложной ситуации Пирр попытался применить стандартную практику эллинской дипломатии и решить спорный вопрос путем переговоров при помощи посредника. Однако римская дипломатия была совершенно другой, она опиралась на реальные победы в войне, а не на посредничество третьей стороны. Консул Левин ответил, «что римлянам его посредничество не нужно, а война с ним не страшна» [Там же].

Каковы же были силы противоборствующих сторон? Светлов оценивает численность римской армии в 40 тыс. пехоты и 2500 конницы. Что касается армии Пирра, то она состояла из 30 тыс. пехотинцев, 3500 конников и 20 боевых слонов [6, с. 214–215]. Получается, что римляне имели численное преимущество, но армия эфирского царя, скорее всего, превосходила римскую по качеству управления и выучки. Выступив в поход, Пирр расположился лагерем между городами Пандосия и Гераклея. При осмотре римского лагеря Пирр сказал своему приближенному Мегаклу: «Порядок в войсках у этих варваров совсем не варварский» [5, с. 444]. Данная фраза показывает отношение эллинов к римлянам, считавших последних варварами, но также и уровень осведомленности эллинистических правителей о римском государстве и его армии. Этот уровень был явно недостаточным. Пирр решил дать «варварам» бой.

Светлов считает, что консул Левин первым начал переправу через р. Сирус, стремясь обойти армию Пирра [6, с. 215]. Как пишет Плутарх, царь Эпира предвидел эту возможность и поставил на берегу реки охранение, чтобы напасть на римскую армию во время переправы. Однако Пирр решил дожидаться союзников, что являлось ошибкой, поскольку «римляне, чтобы не дать Пирру выполнить задуманное, поспешили начать переправу» [5, с. 444]. Надо отдать должное римскому консулу, сумевшему завладеть инициативой и попытавшемуся окружить армию эфирского царя. Пирр был очень встревожен таким поворотом событий и «приказал своим военачальникам построить пехоту и держать ее в боевой готовности, а сам во главе трех тысяч всадников поспешил вперед, надеясь застигнуть римлян до того, как они, переправившись, встанут в боевой порядок» [Там же]. Это было единственное правильное решение на тот момент. Эфирскому царю надо было выиграть время для построения своей пехоты в фалангу, а также помешать римлянам переправляться через реку.

По мнению Светлова, конница Пирра атаквала конницу римлян, а затем отступила по приказу, заманивая противника [6, с. 216].

Плутарх пишет, что царь Эпира сражался в первых рядах своей конницы, но видя, что она отступает, «послал за пехотой и выстроил ее в фалангу» [5, с. 445]. Скорее всего, конница Пирра дала своей пехоте время построиться в боевой порядок, а также расстроила ряды конницы врага. После переправы римская пехота столкнулась с пехотой противника, построенной в боевой порядок. Плутарх пишет, «что семь раз противники поочередно то обращались в бегство, то пускались в погоню за бегущими» [Там же]. Как отмечает Светлов, бой пехоты не мог быть очень долгим, но он был очень ожесточенным [6, с. 217]. Поэтому утверждение Плутарха можно считать преувеличением. По всей видимости, римская пехота провела несколько фронтальных атак против эпирской фаланги, но не смогла пробить ее строй. Если фаланга была македонского образца, то сделать это или потеснить ее строй было практически невозможно. Именно этим объясняется ожесточенность сражения.

Исход боя решила фланговая атака фессалийской конницы и боевых слонов. Плутарх сообщает, что «в конце битвы римляне сильно потеснили слоны, так как римские кони не выносили вида этих чудовищ и мчались вместе со всадниками вспять... а Пирр, напав во главе фессалийской конницы на пришедших в замешательство противников, обратил их в бегство и многих перебил» [5, с. 445]. Банников дает высокую оценку Пирру как полководцу, отмечая, что он понял, как эффективны слоны против конницы и использовал их сильные стороны против вражеской армии [2, с. 190]. Интересна оценка этого сражения, данная римским историком Луцием Аннеем Флором, отмечающим, что «сражение было [бы] выиграно, если бы не выбежали слоны. Кони, приведенные в ужас и величиною и видом животных, и неведомым запахом, и звуками, приняли слонов за еще больших чудовищ, чем те были, и обратились в гибельное бегство» [7]. Однако не все так просто в оценке роли боевых слонов. В данном сражении римская армия продемонстрировала стойкость и упорство своей пехоты во фронтальной атаке, но римские командиры не смогли парировать фланговый удар Пирра, который был нанесен в стиле Александра Македонского. Конница и боевые слоны использовались в качестве молота, а наковальной была эпирская пехота, построенная в фалангу. Даже если у Пирра не было бы боевых слонов, то римская конница все равно была бы разбита фессалийцами и римляне пропустили бы удар во фланг и были бы вынуждены отступить.

Слоны, несомненно, сыграли свою роль, в первую очередь психологическую, а также напугали лошадей римской конницы, но приписывать им основную причину поражения римлян неверно. Победа была одержана благодаря полководческому таланту Пирра, выучке его воинов и грамотному управлению армией на поле боя. Каковы же были

итоги данного сражения? Плутарх, ссылаясь на более ранних историков пишет: «Дионисий сообщает, что в битве пало без малого пятнадцать тысяч римлян, Иероним утверждает, что только семь, Пирр же потерял, согласно Дионисию, тринадцать тысяч человек, согласно Иерониму – меньше четырех тысяч, но зато самых сильных и храбрых» [5, с. 445]. Скорее всего, верны цифры Иеронима, а не Дионисия. Светлов оценивает потери Пирра в 4–7 тыс. чел. как наиболее реальные [6, с. 219]. Также он отмечает, что эпирскому царю было трудно восполнить потери своей армии с точки зрения качества пополнения, поэтому широко известные слова о «пирровой победе» можно приложить к этой ситуации [Там же]. Банников считает, что армия Пирра потеряла 4 тыс. солдат, а римляне 7 тыс. убитыми, фактически повторяя цифры Иеронима, и, таким образом, определяя их как наиболее достоверные [2, с. 192].

Однако у этого сражения были и политические итоги, которые заключались в том, что к Пирру «пришло множество луканов и самнитов» [5, с. 445]. Все враги Рима в Италии увидели в царе Эпира ту силу, с помощью которой можно оказывать сопротивление римской экспансии. Пирр воспользовался данной ситуацией и «привлек на свою сторону многие союзные с Римом города, опустошил обширную область и продвинулся вперед настолько, что от Рима его отделяло лишь триста стадиев» [Там же]. Отношения римлян со своими союзниками и вообще с племенами Италии были их слабым местом. Поэтому эпирский царь мог создать антиримскую коалицию и повести объединенную армию на Рим. К тому же, римляне давно не терпели такого серьезного поражения в открытом сражении, когда противник захватил их военный лагерь [6, с. 220]. Поэтому их авторитет и влияние в итальянских племенах стали стремительно падать.

Почему же Пирр не попытался захватить Рим и полностью уничтожить Римскую республику? Во-первых, этому мешала позиция римлян, которые, «пополнив свои легионы и набрав новые», продолжали готовиться к войне [5, с. 445]. Во-вторых, сам Пирр понимал, «что разгромить римлян окончательно и взять их город дело нелегкое, а при его военных силах и вовсе невозможное, [поэтому] он решил отправить в Рим посольство и разведать, не расположены ли там пойти на соглашение» [Там же]. К несчастью для него, эпирский царь не знал римского менталитета, а ориентировался на психологию эллинов, которые не вели войны на истощение, как это делали римляне, и часто заключали перемирие. Однако в Риме это посольство восприняли как своего рода разведку и козни врага. Как писал Луций Анней Флор, «... война с царем Пирром велась не только оружием и в открытом бою, но и против его козней в тылу. Ибо сразу же после своей первой победы этот изворотливый

человек, познав римскую доблесть, тотчас же разуверился в оружии и принялся за происки» [7].

Послом в Рим был отправлен Киней, один из лучших дипломатов царя Эпира. Он «встретился с самыми знатными римлянами, а их женам и сыновьям поднес от имени царя подарки. Этих подарков никто не принял, но все отвечали, что если их государство заключит союз с царем, то они с радостью предложат ему свою дружбу» [5, с. 445]. В полисах Эллады миссия Киней, несомненно, имела бы успех, но римляне просто тянули время, усиливая свою армию. Римский историк Юстин также подтверждает сведения Плутарха о том, что «Кинеас (так в тексте. – В.К.) не нашел никого, в чьем доме эти дары захотели бы принять» [8]. Как пишет Светлов, Пирр предлагал римлянам оборонительный союз против Карфагена и Кинейю почти удалось склонить римских сенаторов к соглашению [6, с. 222–223].

Почему же миссия Киней закончилась провалом? Несмотря на талант дипломата, он не смог предвидеть реакции бывшего консула Аппия Клавдия, прибывшего в Сенат и произнесшего речь против заключения мирного соглашения с Пирром. Главным в его речи были следующие слова: «Не думайте, что вступив с ним в дружбу, вы от него избавитесь, нет, вы только откроете дорогу тем, кто будет презирать нас в уверенности, что любому нетрудно нас покорить, раз уж Пирр ушел, не поплатившись за свою дерзость, и даже унес награду, сделав римлян посмешищем для тарентинцев и самнитов» [5, с. 446]. Политический анализ Аппия Клавдия был поразительно точен, поражение для Рима означало утрату гегемонии в Италии и потерю политического и военного авторитета. Что касается военного союза римлян с эпирским царем против Карфагена, то, как пишет Юстин, «в римский сенат явился карфагенский полководец Магон, посланный со ста двадцатью кораблями на помощь римлянам» [8]. Однако римские сенаторы прекрасно понимали, что хитрый карфагенянин явился на разведку, и, «выразив карфагенянам благодарность», отказались от военной помощи [5, с. 446].

Римские политики не собирались отказываться от гегемонии в Италии и поэтому считали, что надо вести переговоры и заключать союзы только на приемлемых для них условиях. Интересен тот факт, что хитрый Магон посетил и Пирра, «намереваясь выведать его планы относительно Сицилии» [8]. В такой политической обстановке, где главным призом была власть над Италией, именно последовательная политика Рима могла принести республике успех. Поэтому сенаторы «отослали Кинейя, передав с ним такой ответ: пусть Пирр уходит из Италии и тогда, если хочет, ведет переговоры о дружбе, а пока он остается с войсками в Италии, римляне будут воевать с ним, доколе хватит сил» [5, с. 446].

Римские политики понимали, что борьба за Италию будет долгой и тяжелой, армия Пирра оторвана от своих ресурсов, а местные союзники ненадежны и поэтому у римлян есть все шансы на победу. Надо отдать должное Кинею: во время своей дипломатической миссии он составил мнение о римском обществе и сообщил его эфирскому царю. Докладывая о своих наблюдениях, он рассказал, что «сенат показался ему собранием царей, а, если говорить о народе, то он, Киней, боится, как бы не пришлось сражаться с неким подобием Лернейской гидры» [5, с. 446]. Киней оказался проницательным и умным дипломатом, который понял, что римляне будут вести войну на истощение до полной победы, а их военные ресурсы значительно превосходят ресурсы Пирра.

Эфирский царь попытался исправить ситуацию, отправив Кинея с посольством в Рим второй раз, и ради достижения соглашения даже освободил без выкупа всех римских пленных, однако эти усилия не принесли результата [Там же, с. 447–448]. Заставить римлян заключить мирное соглашение могло только еще одно военное поражение. Ареной военных действий в 279 г. до н.э. стала Апулия. Светлов считает, что Пирр выбрал эту область для новой военной кампании, вновь надеясь на поддержку местных племен в войне с Римом [6, с. 236]. Летом 279 г. до н.э. у г. Аускула римская армия вступила в сражение с армией царя Эпира. Как пишет Светлов, обе армии насчитывали около 70 тыс. чел. пехоты и 8 тыс. конницы, также у Пирра было 19 боевых слонов [Там же, с. 238–239]. Надо отдать должное римлянам, они извлекли уроки из своего поражения и сразу отеснили армию Пирра «в места, непроходимые для конницы, к лесистым берегам быстрой реки, откуда слоны не могли напасть на вражеский строй» [5, с. 448]. Фактически, римский командующий старался лишить эфирского царя главного козыря в виде конницы и слонов. Сражение длилось два дня и первый день был неудачен для Пирра. Как отмечает Светлов, эфирские войска приняли бой в топкой низине, а фессалийская конница попала под обстрел со стороны легковооруженных римлян [6, с. 240]. «Много воинов было ранено и убито в этом сражении, пока ночь не прервала его» [5, с. 448]. Это свидетельствует об упорстве и отваге с обеих сторон, но также и о тактическом преимуществе римлян.

На второй день Пирру удалось взять реванш. Он сумел перенести бой на удобную равнину. И, «расставив между слонами множество метателей дротиков и стрелков из лука, стремительно двинул на врага плотно сомкнутый строй» [Там же]. Фланги армии Пирра, как отмечает Светлов, были прикрыты конницей, а сам царь находился на правом фланге [6, с. 240]. Банников, пишет, что царь Эпира разделил слонов на две части, поставив их на некотором удалении от фаланги [2, с. 193]. Следуя

данной реконструкции, можно предположить, что центр армии Пирра занимала фаланга, ее фланги были прикрыты конницей, а в отдалении во второй линии располагались слоны. Скорее всего, фаланга остановила натиск римской пехоты. Согласно Плутарху, «римские воины упорно бились мечами против сарисс» [5, с. 448].

Далее эпирский царь нанес фланговый удар своими слонами и конницей, после чего римляне начали отступать, «ибо против них (слонов. – В.К.) воинская доблесть была бессильна» [Там же]. Луций Анней Флор также отмечает ожесточенность сражения и тот факт, что «страх перед слонами стал меньше» [7]. Военным итогом этого сражения были потери римлян, которые насчитывали 6 тыс. чел., а «воинов Пирра, как сказано в царских записях, было убито три тысячи пятьсот человек» [5, с. 448]. Политическим итогом можно считать прибытие к Пирру посольства сицилийских греков, а также заключение римлянами оборонительного договора с Карфагеном [6, с. 245]. Надо отметить, что эпирский царь находился в очень тяжелой военной ситуации. Именно после битвы при Аускуле он произнес знаменитую фразу: «Если мы одержим еще одну победу над римлянами, то окончательно погибнем» [5, с. 448]. У Пирра просто не хватало военных ресурсов для победы, а дипломатическими методами проблема также не решалась. Однако «в этот трудный момент» у него появилась новая надежда на победу, связанная с посольством от городов Сицилии [Там же]. Как считает Светлов, поход Пирра в Сицилию против Карфагена рассматривался им как своего рода продолжение борьбы с Римом [6, с. 246].

По всей видимости, царь Эпира надеялся на быструю победу над Карфагеном, а потом, используя человеческие и материальные ресурсы Сицилии, хотел возвратиться в Италию и продолжить войну с Римом. Этот план выглядит легкомысленным. Фактически, Пирр начинал войну на два фронта, оставляя в тылу римлян и своих ненадежных италийских союзников. Весной 278 г. до н.э. Пирр вновь начал переговоры с Римом, и они оказались удачными: римляне согласились на перемирие [Там же]. Римским политикам было выгодно удаление армии Пирра в Сицилию, поскольку они выигрывали время для восстановления своей армии. Недаром Светлов считает сицилийскую экспедицию эпирского царя непростительной ошибкой [6, с. 248]. Что касается Тарента, то Пирр высокомерно советовал его жителям «спокойно ждать, пока придет их черед» [5, с. 449]. Естественно, царь Эпира планировал после побед в Сицилии вернуться в Италию и продолжить войну с Римом.

В ходе сицилийской кампании Пирр одержал блестящие победы над военными силами Карфагена. Греческие «города с готовностью присоединялись к нему, так что на первых порах ему нигде не приходилось

прибегать к военной силе» [5, с. 449]. Карфагеняне предложили Пирру заключить мир, но он отказался, потребовав от них покинуть Сицилию, после чего переговоры зашли в тупик [Там же]. Это тоже можно считать политической ошибкой эфирского царя, не попытавшегося создать антиримскую коалицию с Карфагеном. Попытка мобилизации сицилийских греков для экспедиции в Африку закончилась провалом. Пирр стал действовать «уже не мягко и снисходительно, а властно и жестоко» [Там же], что привело к ссоре с местными политиками и населением. К тому же, «спустя некоторое время к Пирру явились послы от итальянских союзников с вестью, что они не могут более сопротивляться римлянам» [8]. Это означало только одно. Италия могла быть потеряна, а армия царя оказалась бы запертой на Сицилии. С большими трудностями царь вернулся в Италию, переправив из Сицилии 25 тыс. солдат в 276 г. до н.э. [6, с. 287].

Наступал последний этап его борьбы с Римом. Весной 275 г. до н.э. произошло решающее сражение армии Пирра с римлянами на Арузийских полях, недалеко от г. Беневента. Римскими армиями командовали консулы Луций Корнелий Лентул и Маний Курий Дентат, их армии насчитывали около 50 тыс. чел. Армия Пирра, как пишет Светлов, состояла из 35–40 тыс. чел. Также он отмечает, что римляне разделили свои силы, что позволило эфирскому царю обрушиться на армию Дентата, стоявшего лагерем на Арузийских полях [6, с. 292]. Пирр опять продемонстрировал свое тактическое преимущество: «собрав самых сильных людей и самых свирепых слонов, ночью двинулся на лагерь врага» [5, с. 451]. Однако царь не рассчитал сложность пути ночью и его маневр затянулся, что позволило римлянам атаковать его армию при спуске с горной гряды. В дальнейшем бой принял жестокий и упорный характер и, как пишет Светлов, длился с переменным успехом, пока на одном из флангов эфироты не опрокинули римлян [6, с. 296–297]. Но римляне организовано отступили к своему лагерю и, получив подкрепление, «забросали слонов копьями и повернули их вспять, а бегство слонов вызвало беспорядок и замешательство среди наступавших» [5, с. 451]. Практически Пирр проиграл это сражение, ему не удалось захватить римский лагерь и обратить противника в бегство. О неблагоприятном исходе этого сражения для Пирра говорит тот факт, что римлянам удалось захватить восемь слонов, из которых четверо умерли от ран [2, с. 198].

На исходе 275 г. до н.э. Пирр покинул Италию, оставив в Таренте гарнизон. Как считает Банников, к этому решению его подтолкнула нехватка денег на содержание армии [Там же]. Это подтверждает и Юстин, который пишет, что, «вернувшись в Эфир с восемью тысячами пехотинцев

и пятьюстами всадниками, растратив всю казну, Пирр стал искать новой войны, чтобы прокормить войско» [8].

Каковы же были итоги столкновения Рима с эллинистическим миром в лице царя Пирра? В военном отношении римляне продемонстрировали упорство и стойкость во фронтальном сражении, однако они плохо держали фланговые удары конницы и слонов. Пирр показал искусное управление армией на поле боя, явив себя мастером тактики, умеющим использовать конницу и боевых слонов. В плане стратегии римляне превосходили эпирского царя, стремясь последовательно достигать своих целей и восстанавливая свои военные силы после поражений. Римская дипломатия также доказала свое превосходство над дипломатией Пирра, которому так и не удалось создать действующую антиримскую коалицию, имея к этому все предпосылки.

В политическом плане римляне «обрели уверенность в своей мощи и, прославившись непобедимыми, вскоре захватили всю Италию» [5, с. 451]. Что касается эллинистических монархов, то они, считая Италию далекой периферией, недооценили Римскую республику, и это привело в дальнейшем к многочисленным войнам с Римом, в итоге поглотившим все эллинистические государства.

Библиографический список

1. Аппиан Александрийский. Римская история. М., 2002.
2. Банников А.В. Эпоха боевых слонов. СПб., 2012.
3. Голдсуорти А. Во имя Рима. Люди, которые создали империю. М., 2006.
4. Паркер Г.М. История легионов Рима. От военной реформы Гая Мария до восхождения на престол Септимия Севера. М., 2017.
5. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М., 1994.
6. Светлов Р.В. Войны античного мира: Поход Пирра. М., 2003.
7. Флор Анней. Две книги римских войн // Малые римские истории. М., 1996. URL: <http://www.Ancientrome.ru> (дата обращения: 01.03.2018).
8. Юстин Юниан Марк. Эпитама сочинения Помпея Трога «Historia Philippicae». СПб., 2005.

Калмыков Виталий Сергеевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

E-mail: newlofty@mail.ru

V.S. Kalmykov

The campaign of King Pyrrhus to Italy as the first clash of Rome with the Hellenistic world

The article examines the reasons for the campaign of Epirus King Pyrrhus to Italy and its diplomatic preparation. The author determines the causes of Pyrrhus's defeat. The article is based on the works of such historians of antiquity as Appian of Alexandria, Plutarch, Flor and Justin. King Pyrrhus was the first Hellenistic monarch openly confronted by the Romans. Hoping to create his own empire he followed the example of Alexander the Great and he responded to the call of the inhabitants of Tarentum, who invited him with the army to protect them against Rome. In this campaign, the Roman and Hellenistic military systems met, as well as two diplomatic schools. In the battles of Heraclea, Ausculum and Benevente, Pyrrhus demonstrated a certain tactical superiority, but his strategy and diplomacy proved to be worse than the Roman ones. Also, Roman civil society was more patriotic and united than Greek society in Italy. The author draws a conclusion based on the confrontation of the Roman military system with Hellenistic, as well as Roman and Hellenistic diplomacy.

Key words: Battle of Auskul, Battle of Benevent, Battle of Herakleia, Pyrrhus of Epirus, Roman Republic, Hellenism, Epirus.

Kalmykov Vitaliy S. – PhD in History; associate professor at the Department of Ancient History and Middle Ages named after V.F. Semenov of Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

Т.Л. Лабутина

Дипломатическая миссия британского посла Роберта Ганнинга в России в 1770-е годы

Обращаясь к дипломатической переписке британского посла Роберта Ганнинга, находившегося при дворе Екатерины II, с министром внешнеполитического ведомства Великобритании графом Саффолком, автор анализирует перипетии переговоров между государствами по ряду сложных и важных вопросов. Дискуссии по поводу пролонгации союзного оборонительного договора от 1742 г., обсуждение условий оказания помощи Дании и Швеции Англией, попытки британцев включиться в переговорный процесс о заключении мирного договора России с Турцией после войны 1768–1774 гг., а также их реакция на раздел Польши, в котором участвовала Российская империя, – все это нашло свое отражение на страницах дипломатической переписки посла. Сведения дипломата позволили расширить и обогатить представления современников о международных отношениях европейских стран, прежде всего, Англии и России в 1770-е гг.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, XVIII век, международные отношения, английская дипломатия, посол Роберт Ганнинг, внешняя политика Екатерины II.

Дипломатическая переписка иностранных послов при русском дворе представляет собой один из важных источников в изучении международных отношений государств. Донесения послов необходимы, прежде всего, для анализа переговоров по многим важным внешнеполитическим вопросам. Кроме того, они содержат богатый фактический

материал по истории внутренней политики страны пребывания, быте и нравах ее граждан. Как правило, в них также представлены характеристики государственных деятелей и приближенных к правителям лиц. Между тем, указанный источник еще недостаточно используется в работах современных ученых. В своей статье мы обратились к анализу донесений в Лондон одного из британских послов – Роберта Ганнинга, находившегося на своем посту при дворе Екатерины II в начале 1770-х гг.

Роберт Ганнинг (1731–1816) происходил из древнего ирландского рода. В историю Великобритании он вошел как профессиональный дипломат. Его первые шаги на дипломатическом поприще состоялись в Дании, куда он прибыл в апреле 1766 г. Ганнинг был назначен помощником чрезвычайного и полномочного посла Уолтера Титлея. На этой должности он показал себя должным образом, и правительство оценило его заслуги: после кончины Титлея в феврале 1768 г. Ганнинг занял пост своего предшественника. Спустя три года он был переведен в том же ранге в Пруссию, ко двору короля Фридриха II. 13 декабря 1772 г. Ганнинга направили в Россию, где он занимал должность чрезвычайного и полномочного посла вплоть до 1776 г.

Отправляясь в Россию, Ганнинг получил инструкции короля относительно целей своей миссии. Первая из них касалась переговоров о возобновлении союзного оборонительного договора, заключенного между государствами в 1742 г. сроком на 15 лет. «Хотя в настоящую минуту они (переговоры. – *Т.Л.*) прерваны, – отмечалось в инструкциях, – но со временем могут быть возобновлены» [1, с. 265], поэтому послу предлагалось «найти случай узнать мысли министров Ее Императорского Величества касательно этого предмета» [Там же, с. 266]. Заметим, что этот непростой вопрос не удалось решить предшественникам Ганнинга – графу Бекингемширу [4], сэру Дж. Макартни [5], Чарльзу Кэткарту.

Вторая цель миссии Ганнинга касалась предложения о возможном посредничестве британцев в переговорах о мире между Россией и Турцией после войны, продолжавшейся с 1768 г. Если переговоры с Турцией «окажутся бесплодными и если... императрица пожелает нашего посредничества, – наставляло руководство своего посла, – вы выскажете нашу постоянную готовность предлагать наши услуги, с тем только условием, чтобы мы являлись главной стороной в посредничестве» [1, с. 267].

Помимо инструкций от короля, Ганнинг получил задание еще и от своего непосредственного шефа – главы внешнеполитического ведомства графа Саффолака. Тот напоминал послу об их совместной

конфиденциальной беседе незадолго до его отъезда по поводу полученного известия из России о намерениях свергнуть русскую императрицу с престола. Это мнение, утверждал Саффолк, основано на недовольстве народа, которое, как полагают, «достигло крайних размеров» [1, с. 278], но к осуществлению этого плана приступят не ранее, чем ее сын достигнет совершеннолетия. «Я бы особенно желал, – продолжал министр, – чтобы вы узнали, действительно ли таково настроение народа, каким его изображают» [Там же].

Ганнинг попытался выяснить причины недовольства императрицей, как при дворе, так и в обществе в целом. Он полагал, что среди приближенных Екатерины были лица, заинтересованные в том, чтобы трон занял ее сын, великий князь. Посол отмечал, что Павел Петрович «с ранних лет возбуждал ее зависть» [1, с. 296], и только поручив его воспитание графу Н.И. Панину, императрица успокоилась. Между тем, доверие Екатерины к своему министру происходило отнюдь не от особого уважения или привязанности к нему. Ганнинг напоминал, что именно Панин выступил против ее брака с графом Григорием Орловым в 1763 г. Министр заявлял, что если императрица не откажется от своего намерения, он возведет на престол ее сына, а это было весьма чувствительным как для нее самой, так и для семейства Орловых [Там же, с. 297]. Между тем, Екатерина не сомневалась, что у Панина «не достанет способности, решительности и деятельности для того, чтобы попытаться возложить... корону на голову молодого принца, если бы даже последний осмелился ее надеть» [Там же, с. 330], а потому она доверила ему воспитание великого князя. Однако посол полагал, что может случиться так, что «другие, более решительные и предприимчивые охотно возьмутся за дело, которое... не представляет особых трудностей» [Там же]. Ганнинг считал, что переворот в России (или, как он утверждал, новая «революция») «в пользу» великого князя будет невыгоден для Британии, поскольку Павел Петрович более расположен к Франции, нравы и обычаи которой «ему особенно нравятся» [Там же]. Да и Франция употребит все средства, чтобы склонить его на свою сторону, и не исключено, что ее усилия увенчаются успехом.

Что же касается существующего недовольства императрицей в обществе, то посол объяснял его тем, что Екатерина «нисколько не любит своего народа и не приобрела его любви», более всего она озабочена достижением безграничной славы, которую ставит «гораздо выше истинного блага страны, ею управляемой» [1, с. 298].

Как видно, посол прибыл в Россию не в самое лучшее время. Впрочем, это никак не отразилось на том приеме, который он встретил у императрицы и ее ближайшего окружения. Он отмечал, что Екатерина

приняла его «с большим отличием» и обращалась за обедом «почти исключительно» [1, с. 277] к нему. Поначалу посол предполагал, что императрица «так милостива ко всем», но позднее убедился, что она отличала его «особым вниманием» [Там же, с. 301] всякий раз, как он являлся ко двору. Ганнинг отметил, что на одном из обедов, куда были приглашены все иностранные министры, честь находиться за столом императорского величества была оказана именно ему [Там же, с. 356].

Иным оказался прием посла у Панина. «Свидание мое с графом Паниным состоялось в прошлый четверг, – извещал Ганнинг графа Саффолка 19 июня 1772 г. – Хотя я был приготовлен к сдержанности и холодности этого министра, однако, сознаюсь, что меня удивило, до какой степени сдержанно и холодно он выслушал порученное мне сообщение» [Там же, с. 276]. Правда, спустя неделю настроение первого министра изменилось, и он пригласил посла «отобедать с ним в кругу его семейства» [Там же]. В этот раз Ганнинг нашел Панина «гораздо дружественнее» [1, с. 279], чем при первой встрече.

Расценив расположение к себе со стороны императрицы как хороший знак для начала переговоров, Ганнинг приступил к выполнению порученного задания – подготовке к заключению союзного договора. Посол полагал, что граф Григорий Орлов «сердечно расположен к этому союзу» и также искренне желает помочь его выполнению [Там же, с. 301]. Обнадежило посла и заявление Панина о том, что он готов в самое ближайшее время заняться составлением такого проекта союза, который «соединял бы в себе все действительные взаимные интересы обоих дворов» [Там же]. Панин обещал, что в начале зимы он «окончательно обработает этот проект», условия которого можно будет обсудить совместно [1, с. 323].

Однако Ганнинг рано обрадовался. Буквально на другой день после встречи с Паниным он направил «весьма секретное и конфиденциальное» послание графу Саффолку, в котором сетовал на то, что, судя по разговорам с российским министром, тот «не питает и никогда не питал к Англии той дружбы, о которой нам передавали» [1, с. 326]. В то же время посол был убежден, что нерасположение Панина к союзу вовсе не происходило от желания союза с Францией, поскольку его политические пристрастия и личные чувства восстанавливают его против этого двора. Сложности происходили от другой страны – Пруссии, препятствующей союзу России с Англией. Поскольку Панин отличался, на взгляд посла, «сильнейшим тщеславием, требующим постоянной пищи», то прусский король давно заметил этот недостаток и «старался льстить ему таким хитрым и приятным образом, что склонял его на сторону своих интересов» [Там же].

В чем же заключалась тактика Фридриха II? «Подарки, хотя и незначительной ценности, но частые и всегда сопровождаемые собственноручными письмами, наполненными самыми лестными выражениями, достигли действия, на которое рассчитывало лицо, дарившее и заставили его смотреть на все лишь в том свете, в каком того желает его прусское величество» [1, с. 326], – констатировал Ганнинг. До тех пор, пока граф Панин полагает, что английский двор недружелюбен к прусскому монарху, «которого он чуть не обожает», он будет неохотно относиться к теснейшему союзу с Великобританией, «хотя бы и находил такой союз соответствующим началам здравой политики» [Там же]. Посол обращал внимание на то, что прусский король «те же самые хитрости» [1, с. 327] употребил для приобретения благорасположения императрицы. И хотя бесспорно, что императрица «намеревается и даже усиленно желает заключить союз с нами, – продолжал Ганнинг, – до тех пор, пока его прусское величество противится связи между нами, он всегда найдет средство помешать его заключению» [Там же].

По-видимому, переговоры о союзном договоре в очередной раз зашли в тупик. Спустя полгода, в мае 1773 г., граф Саффолк был вынужден констатировать: «...обстоятельства еще не созрели для союза» [1, с. 378]. Аналогичного мнения о невозможности заключения союза придерживалась и императрица. В записи одной из бесед с ней Ганнинг отметил: «хотя, по-видимому, союз наш еще весьма далек, она предана нам сердцем и душой» [Там же].

Что же послужило препятствием для заключения оборонительного союза двух государств? Выяснилось, что главной помехой стал вопрос о выделении субсидии Дании Великобританией, чтобы оградить ее от нападения со стороны Франции. Это предложение Панин внес на рассмотрение в марте 1773 г. Однако Ганнинг его категорически отверг, заявив, что не может донести своему двору о нем, ибо «английское правительство объявило раз и навсегда, что никакому государству платить субсидий не будет» [8, с. 71]. Тем не менее, исключительно «из уважения к Панину» [Там же] посол согласился передать его слова своему министру. Ответ из Лондона пришел в самой резкой форме: предложение России противоречит английскому плану, и потому не может быть никогда принято. «Принять его – это значило бы уступить главную роль тем, которые при заключении союза между Россией и Англией должны были бы по необходимости за ними последовать» [Там же].

Отказ англичан заключить субсидиарный договор с Данией задел Екатерину. Особенно возмутило императрицу заявление Ганнинга о том, что в договор не может быть внесена гарантия «захваченного в Польше» [8, с. 72] (имелись в виду территории, отошедшие к Российской

империи по результатам первого раздела Польши в 1772 г. – Т.Л.), и по-прежнему нападение на Россию со стороны Турции «не составляет случая союза» [8, с. 72]. Как видно, ни одна из сторон не желала пойти на уступки не только в решении вопроса о субсидиарном договоре в пользу Дании, но и по поводу политики в отношении Турции и Речи Посполитой.

Еще одним препятствием для заключения союзного договора стал шведский вопрос. В конце 1760-х – начале 1770-х гг. российская и британская дипломатия сотрудничали в Швеции довольно активно, поскольку их цели – поддержать в риксдаге партию, борющуюся за ограничение королевской власти и выступавшую против союза с Францией, – совпадали. За период с 1764 по 1771 гг. Англия выплатила на «шведские дела» 100 тыс. фунтов стерлингов, что составляло более $\frac{3}{4}$ средств, которые выделяла Россия [10, с. 291]. Участие Англии в шведских делах находилось в прямой зависимости от хода переговоров с Россией о союзном договоре. И вплоть до государственного переворота в Швеции в августе 1772 г., по утверждению российского историка И.Ю. Родзинской, общность целей России и Англии в Швеции не ставилась в Лондоне под сомнение [6, с. 219]. В инструкциях Ганнингу сообщалось о намерении короля Георга III оказать императрице помощь в шведских делах [1, с. 294]. Но уже осенью 1772 г. лондонский кабинет отказался принимать участие в планах России, направленных на реставрацию конституционной системы правления в Швеции.

Что же повлияло на изменение позиции английской дипломатии в решении шведского вопроса? В депеше Саффолку от 14 сентября 1772 г. Ганнинг сообщал о своем разговоре с Паниным: «Я сейчас вернулся от графа Панина... он... в доказательство полного доверия ко мне и к моему двору сообщил мне с условием величайшей тайны намерения своего двора относительно Швеции» [Там же, с. 321]. План России состоял в том, чтобы к наступлению весны поставить под ружье в Финляндии сильную армию, «которая придавала бы вес речам» [Там же]. К этому времени предполагалось вооружить 20 линейных кораблей. Дания должна будет двинуть к шведской границе корпус из 15 тыс. норвежцев, а также приготовить в Зеландии пятитысячное войско. Прусский король овладеет шведской Померанией. К сказанному Панин прибавил, что если король Великобритании поддержит Данию деньгами или выставит свой флот, который бы обеспечил безопасность этого королевства, «это было бы весьма приятно для императрицы» [Там же]. Кроме того, Панин предложил по окончании указанных приготовлений всем четырем дворам «соединиться в декларации королю шведскому, излагающей их желание видеть восстановление конституции в той

форме, которая принадлежала ей в 1720 г.» [1, с. 321–322]. В ответном послании граф Саффолк писал: «со стороны Панина совершенно безрассудно ожидать участия короля в предполагаемой декларации или вмешательстве его в какой бы то ни было форме в дела Швеции» [1, с. 333]. И далее он наставлял Ганнинга: «Разговаривая с Паниным, выскажете все доводы, которые, по вашему мнению, могут убедить его отказаться от своих намерений относительно Швеции» [Там же, с. 334]. Это «истощенное состояние» России, отдых, необходимый после столь продолжительной войны с Турцией, нежелательное вовлечение государства в новые затруднения, «и несчастное, достойное жалости положение Швеции, все еще страдающей от внутренних раздоров и не могущей внушать опасения своим соседям» [Там же]. В случае, если Панин «останется непреклонен» [1, с. 335], Саффолк советовал объявить ему намерение короля не участвовать в декларации стокгольмскому двору и ни в чем не содействовать России.

Спустя два месяца тон британской дипломатии сделался еще более резким. 24 января 1773 г. Роберт Ганнинг докладывал в Лондон: «Мы решительно объявили ему (Панину. – *Т.Л.*), что в случае, если Россия и Дания нападут на Швецию, мы допустим Францию выслать флот в Балтийское море для оказания помощи Швеции, не принимая при этом участия в споре» [Там же, с. 337]. Однако подобные высказывания посла не имели под собой реального основания. Стремление к союзу с Россией и нежелание ее сближения с Францией побудили английское правительство весной 1773 г. принять меры, направленные против вооружения французского флота, стремившегося оказать помощь Швеции против России. 5 апреля Георг III, выступая в Кабинете министров, потребовал решительных мер против провокаций Франции. Было принято решение начать вооружение английского флота. Эскадра из 15 кораблей была приведена в боевую готовность и стала на рейд [6, с. 222–223]. Подобные действия британского правительства сыграли положительную роль в нейтрализации Франции, о чем английская сторона не преминула сообщить российским дипломатам.

Еще одним серьезным камнем преткновения в дипломатическом диалоге Англии и России стал польский вопрос. «При вступлении на престол у Екатерины и мысли не было о разделе Польши, – отмечал современный историк В.Н. Виноградов. – Екатерина в идеале хотела бы превратить формально независимую Речь Посполитую в “буфер”, чтобы обеспечить спокойствие на западных рубежах империи и обрести свободу действий на юге. Она рассчитывала добиться цели с помощью Станислава Августа Понятовского. В сущности, ее требования ничего разрушительного для Речи Посполитой не представляли:

веротерпимость, прекращение захвата православных храмов... допущение диссидентской (в том числе лютеранской) шляхты к судейским и государственным должностям и, в очень ограниченном числе, – в сейм» [2, с. 120]. Однако польский сейм отверг все эти требования. Смириться с отказом Екатерина не пожелала. Последовал ввод российских войск в Польшу, гражданская война, в ходе которой Барская конфедерация (1768–1772 гг.) в переговорах с турками потребовала возвращения Смоленска, Стародуба и Чернигова. В результате в 1772 г. произошел первый раздел Речи Посполитой, который привел к утрате земель, населенных в большинстве своем диссидентами (православными и лютеранами). К России отошли часть Белоруссии, верхнее Приднепровье и польская часть Лифляндии. В своем донесении в Лондон Роберт Ганнинг перечислял провинции Польши, отошедшие к Российской империи: Могилевская, Витебская, Полоцкая, а также Литва, большая часть Минска и Вильно [1, с. 314].

Нельзя сказать, чтобы Екатерина легко согласилась на раздел Польши. Ближайшее ее окружение, и в первую очередь граф Панин, не одобряли подобные действия. Граф Саффолк извещал Ганиннга 30 июня 1772 г. о том, что получил из разных источников «весьма подробные сведения» [Там же, с. 270] о разногласиях в Совете. «Мне передавали, – сообщал министр, – что проект раздела [Польши] не нравится многим членам Совета, но что один только граф Панин открыто восстал против него письменным заявлением» [Там же, с. 271], что возбудило сильное недовольство императрицы. Однако посол разубеждал своего шефа, утверждая, что «вполне убедился» в том, что двор императрицы, «несмотря на торжественные уверения в противном, намеревается получить себе долю при раздроблении Польши наравне с дворами австрийским и прусским» [Там же, с. 286].

Известие о проведенном Россией, Пруссией и Австрией разделе Польши Лондон встретил с явным неодобрением, хотя, получив 30 сентября 1772 г. декларации трех держав о разделе, никаких официальных возражений не высказал. Реакция же дипломатов на указанное событие была более резкой. Так, в письме к Ганнингу от 10 ноября 1772 г. граф Саффолк заявлял: «...да будет мне позволено поставить на вид существенный вред, причиненный нашей стране немедленными последствиями разделения Польши, которое, как ни несправедливо оно, должно быть названо делом русской императрицы, ибо без ее позволения и содействия оно никогда бы не состоялось» [Там же, с. 334]. И далее министр обращал внимание на тот факт, что в результате раздела Польши торговля с Данцигом, «составляющая одну из главных и самых выгодных отраслей Великобританской торговли, почти совершенно

разорена и утрачена» [Там же]. В то же время, вину за раздел Польши он возлагал не только на Россию, утверждая, что не следует приписывать «этой тягостной потери» [1, с. 334] исключительно действиям России. Рассуждая с Паниным о разделе Польши, посол сетовал, что Англия ничего от этого не приобрела. На это министр «под большим секретом» заявил, что об интересе англичан в этом деле «уже заботятся» [Там же, с. 337]. Что собирался предпринять российский министр, чтобы «успокоить» правительство Великобритании подобным заявлением, трудно сказать.

Между тем, в британском обществе раздел Польши вызвал дискуссию, но в целом, по утверждению современного историка А.Б. Соколова, «не поколебал прорусской направленности политики правительства лорда Норта» [7, с. 265]. Нельзя сказать, чтобы официальный Лондон поддержал действия трех держав по разделу Польши. Король Георг III даже полагал возможным для «освобождения Польши от тирании» [6, с. 217] объединиться с Францией. Версаль, в свою очередь, изыскивал способы для подобного объединения, начиная с весны 1772 г., но безрезультатно. Родзинская комментировала позицию Великобритании по данной ситуации следующим образом: «...Соглашение с Францией было в Англии чрезвычайно непопулярно, да и интерес к польским делам в то время в Лондоне был очень невелик. В то же время, выступая против раздела Польши, Англия непоправимо испортила бы отношения с Россией, в дружбе с которой была заинтересована как по экономическим, так и по политическим соображениям» [Там же]. В одном из своих посланий Саффолк объяснял причины невмешательства Великобритании в польские дела: «Россия, вероятно, окончит войну, получив лишь неравноценную и бесчестную компенсацию за счет территорий Польши, но рано или поздно глаза ее откроются. Его Величество, взвешивая со спокойствием и превосходством на все неблагоприятные события настоящего момента, уверен, что рано или поздно такой момент настанет, и, когда это случится, он будет рад получить союзника, в котором спокойствие Европы найдет большую поддержку. Король поэтому будет осторожен в каких-либо шагах, которые впоследствии затруднят или поставят помехи на пути этой основной цели. Изменения в Европе, ныне замышляемые, не настолько важны, чтобы для их предотвращения заставить Его Величество рисковать этими важнейшими соображениями» [9, с. 6]. Как видно, для Великобритании первостепенное значение продолжала играть Россия и возможность заключения с ней оборонительного союза, поэтому в польские дела империи британцы предпочитали активно не вмешиваться.

Неудивительно, что в ответ на обращение польского короля Станислава Августа к Георгу III с просьбой о защите, ему было объявлено:

«Английский король может выразить только надежду, что судьба и справедливость утешат его страдающего брата» [7, с. 217]. Парламент поддержал короля и в ноябре 1772 г. принял резолюцию о невмешательстве в русско-турецкую войну и в польские дела. Примечательно, что в парламенте в защиту Польши не раздалось ни одного голоса [11, с. 517–518, 521].

Как бы то ни было, но шведский и польский вопросы, а также неудачи с заключением оборонительного союза не могли не сказаться в целом на ухудшении отношений между Россией и Великобританией в 1770-х гг. Свою лепту внесли также безуспешные попытки англичан включиться в роли посредников в переговорный процесс России и Порты. Из донесений Ганнинга можно заключить, что данный вопрос на повестку дня в российско-британских отношениях не ставился. В то же время, посол внимательно следил за ходом событий, связанных с переговорным процессом, и обо всем услышанном сообщал в Лондон.

В донесении Саффолку от 4 сентября 1772 г. посол повествовал о конгрессе, на котором обсуждались условия мирного договора. С российской стороны переговоры возглавил Григорий Орлов. Однако его миссия оказалась неудачной. Он, по сути дела, сорвал переговоры, когда начал их с того, «чем должен был их окончить» [1, с. 316], т.е. вопросом о независимости Крыма. Несмотря на то, что Орлов уже приступил к предварительному обсуждению ряда других вопросов, он внезапно потребовал полного признания независимости Крыма, но когда турецкие уполномоченные предложили обратиться к Порте за новыми инструкциями, отказался ожидать ответа и прервал конгресс, отправившись в свое имение. Ганнинг полагал, что Орлов «поступил диаметрально противоположно своим инструкциям» [Там же, с. 318], которые заключались в том, чтобы прежде независимости Крыма решить все другие вопросы. Предполагалось рассмотреть вопрос о независимости, «если возможно в широких размерах; но в случае, если бы это оказалось невыполнимым, приостановить переговоры до получения новых инструкций, смысл коих состоял бы в согласии на условия, действительно принимаемые турками» [Там же]. Несмотря на закрытие конгресса, российской стороной были предприняты попытки возобновления переговоров. Как извещал Ганнинг, А.М. Обрезкову и фельдмаршалу П.А. Румянцеву было выслано предписание вступить в сношения с великим визирем, и если усилия предоставить независимость Крыму останутся безуспешными, то российская сторона от этого вопроса вообще откажется, только бы заключить мир и покончить с войной. Императрица поручила вице-президенту Военной коллегии Захару Чернышеву отправиться к графу Орлову в его имение и выслать деньги ему

и некоторым его подчиненным. Полагают, писал Ганнинг, что Григорию Орлову будет позволено вернуться ко двору в ближайшее время.

Чем объяснялось столь неадекватное поведение Григория Орлова на конгрессе, когда он осмелился нарушить данные ему императрицей инструкции и даже прервать переговоры? А дело в том, что свое внимание Екатерина в это время переключила на нового фаворита – А.С. Васильчикова. Смириться со своей отставкой числившийся официальным фаворитом на протяжении 12 лет Григорий Орлов не пожелал. Ганнинг в подробностях сообщал графу Сафолку о перипетиях при дворе, связанных с попытками отправить прежнего фаворита за пределы столицы. «Судьба Орлова еще не решена, – докладывал дипломат. – Ему предлагали различные условия, которые он до сих пор отвергал, настаивая на свидании с императрицей, но есть основания предполагать, что этого ему не позволят, и что он будет удален отсюда. Удаление его, однако, будет настолько украшено, сколько то возможно при помощи значительной пенсии» [1, с. 321]. Спустя четыре дня Ганнинг дополнял: графу Орлову предложено сохранить занимаемые должности и выдавать 100 тыс. руб. жалованья с тем только условием, чтобы он никогда не приезжал ни в Петербург, ни в Москву. Однако граф продолжает от всего этого отказываться. Наконец, дело разрешилось. 26 сентября посол сообщал в Лондон: «Переговоры с графом Орловым почти окончены. Его уговорили выехать из Петербурга на год, вследствие чего он и брат его (Алексей Орлов. – *Т.Л.*) сохраняют свои поместья, доходы с которых вместе с назначенной ему пенсией составят 150 тыс. руб. в год. Кроме того, ему выдается денежная сумма для окончания его дома и великолепный столовый сервиз» [Там же, с. 325].

Пока вопрос с заключением мира не был решен, предложить императрице свое посредничество в переговорах с Турцией решили французы. Для этой цели они воспользовались визитом в Петербург известного просветителя Франции Д. Дидро. 12 ноября 1773 г. Ганнинг доносил графу Сафолку: граф Панин сообщил ему «конфиденциальным образом под условием глубочайшей тайны» о том, что г. Дидро, пользуясь постоянным доступом к императрице, вручил ей бумагу, полученную им от г. Дюрана (министра внешних сношений Франции. – *Т.Л.*), содержащую «предложения касательно условий мира с турками, который французский двор обязуется доставить в случае... если будет принято его посредничество» [Там же, с. 383]. Дидро, извиняясь за свой поступок, при встрече с императрицей объяснил, что не мог отказаться от требования французского министра, опасаясь, что по возвращении на родину может «быть ввергнутым в Бастилию» [Там же]. Екатерина на это отвечала, что извиняет «неприличие его поступка с условием,

чтобы он в точности передал министру, что сделала она с бумагой, которую бросила в огонь» [1, с. 383]. К сказанному, продолжал посол, Панин прибавил, что Дюран три раза был у него, предлагая «в тех же видах услуги короля», уверяя, «что одному только его двору известны намерения турок, что дает ему возможность оказать России более пользы, чем могут то сделать прочие ее друзья и союзники» [Там же, с. 384]. Однако Панин заверил британского дипломата: «никакие условия, предлагаемые России Францией, не побудят его согласиться на ее посредничество» [Там же, с. 385].

Англичане приободрились в надежде, что будут приглашены на роль посредников в мирных переговорах. Великобритания является единственной державой, «могущей выполнить роль бескорыстного посредника», утверждал Саффолк [Там же, с. 387]. Однако надеждам англичан не суждено было сбыться: императрица отказалась от посредничества любого государства в переговорах о мире с Портой и самостоятельно разрешила этот «гордиев узел». Благодаря успешным действиям русских войск в июне 1774 г. (победа А.В. Суворова при Козлудже и общее наступление армии) Турция подписала мир в Кючук-Кайнарджи 10 июля 1774 г. Условия мира были продиктованы командующим русской армией фельдмаршалом Румянцевым. Согласно этим условиям, к России переходили земли между Днепром и Южным Бугом, крепости в Крыму (Керчь, Еникале, Кинбурн), Азов и все земли до Кубани, а также Кабарда. Турция признала независимость Крымского ханства. Русский торговый флот получил право свободного прохода по Черному морю и через проливы Босфор и Дарданеллы. Турция обязалась выплатить России 4 млн. руб. контрибуции. Народы Молдавии и Валахии формально оставались под властью Турции, но фактически уже были под протекторатом России. В мирном договоре имелись также статьи, которые облегчали положение угнетенных народов Балканского полуострова и Кавказа [3, с. 463].

Естественно, британцы не могли не отреагировать на такое важное событие. Граф Саффолк сообщал Ганнингу, что известие о заключении мира доставило «самое искреннее удовольствие» [1, с. 426] Его Величеству и всем его подданным. «Поздравляя русскую императрицу, – наставлял министр посла, – вы не преминете высказать ей все, что может убедить ее в искренности этого расположения. Наконец, мы видим русскую империю в том положении, которого давно для нее желали, освобожденную от трудностей продолжительной, хотя и славной войны» [Там же, с. 426].

Насколько искренним был британский министр, трудно сказать. Во всяком случае, уже спустя два месяца после подписания договора

он высказывал свое недовольство по поводу «молчания русских министров» [1, с. 431], которое они хранили при его подготовке. «Не могу не заметить, – писал Саффолк Ганнингу, – что молчание русских министров относительно условий их трактата с Портой, доказывает с их стороны недостаток откровенности и подобающей внимательности; и было бы, конечно, гораздо приличнее, если бы они при первом... случае сообщили бы нам копию со всего трактата» [Там же, с. 431–432]. Как видно, англичане были раздосадованы тем, что императрица не проинформировала их о деталях подготовки мирного договора и проигнорировала их желание выступить в роли посредников в переговорном процессе.

Присоединение к России новых территорий не обошлось без осложнений. 19 сентября 1774 г. Ганнинг сообщал Саффолку о недовольстве крымских татар вхождением в состав Российской империи. Они направили в Константинополь депутацию с просьбой заверить Порту в своем желании «остаться от нее в зависимости в том же размере, как и прежде» [Там же, с. 435]. Таким образом, заключал посол, исчезают все выгоды, «ожидаемые от столь хваленого трактата, заключенного... с депутатами хана в 1772 г., и от продолжения с тех самых пор тяжелой и разорительной войны ввиду приобретения для этого народа того, что, по всей вероятности, они никогда не намеревались принять» [Там же]. Примечательно, что Ганнинг высказывал предположение относительно того, что «иностранные интриги до некоторой степени участвовали в том, чтобы убедить татар к принятию подобного решения, усилив их природное отвращение от связи с этим государством» [Там же]. Естественно, подобные известия не могли не взволновать императрицу, которая сочла себя «сильно оскорбленной этим обстоятельством» [Там же]. Дипломат полагал, что даже крепости, сохраняемые Екатериной в этом крае, вряд ли удержат татар «в почтении» [Там же] и защитят ее торговлю. «Опасаясь, – заключал Ганнинг, – что эта задача потребует трудов и издержек» [Там же].

Однако возникшие осложнения с крымскими татарами ничуть не уменьшали значения одержанной Россией победы в войне с Портой. Оценивая значение договора 1774 г., С.М. Соловьёв замечал: «после Кайнарджийского мира на Россию нельзя было “прикрикнуть”. Условия договора заметно повысили международный вес России, одновременно вызвав острое недовольство со стороны ее политических соперников, прежде всего Австрии и Франции» [8, с. 280].

В январе 1775 г. Москва готовилась к визиту императрицы по случаю празднования победы над Турцией. Британский посол подробно описал церемонию прибытия Екатерины и ее ближайшего окружения в столицу. «После того, как были сделаны все предварительные приготовления

для церемонии, войска были выстроены по улицам... императрица в сопровождении великого князя и княгини совершила свой торжественный въезд в эту столицу. Впереди Ее Величества ехали вице-канцлер, статс-дамы и главнейшие чины двора, а за Ее Величеством следовала лейб-гвардия. На главной улице, ведущей к кремлевскому собору, были воздвигнуты две триумфальные арки (украшенные эмблематическими изображениями многочисленных побед, одержанных в течение последней войны на суше и на море), под которыми Ее Величество прошла по пути к церкви, и, отслушав там молебен, отправилась во вновь отстроенный дворец, где ожидали ее три первых класса дворянства и те из иностранных министров, которые уже здесь» [1, с. 448]. Примечательно, что посол в секретной депеше обращал внимание на то, что во время церемонии «со стороны народа почти не было возгласов или вообще какого бы то ни было выражения хотя бы малейшего удовольствия» [Там же]. Он полагал, что визит императрицы в Москву неприятен как простому народу, так и дворянству. «Ее Величество заметила это и знает, что они питают к ней лишь весьма слабую привязанность также, как им известно неблагоприятное ее мнение о них», – заключал посол [Там же].

В июле 1775 г. состоялось награждение победителей по случаю завершения войны. Ганнинг подробно извещал свое руководство о том, кому и что было подарено императрицей. Фельдмаршалу Румянцеву было пожаловано поместье и 5 тыс. крестьян, а также 100 тыс. руб., столовый прибор, шляпа с лавровым венком, украшенная драгоценными камнями, ценой в 30 тыс. руб., бриллиантовая звезда и лента через плечо. Кроме того, ему вручили фельдмаршальский жезл и грамоту, прибавляющую к его фамилии название Задунайского. Граф Алексей Орлов получил 60 тыс. руб. и шпагу, украшенную «весьма ценными бриллиантами» [1, с. 470–471], помимо грамоты, дающей ему название Чесменского. Генералу Потемкину были вручены грамота на звание графа русской империи и портрет Ее Императорского Величества, украшенный бриллиантами, для ношения на груди. Генерал Панин и князь В.В. Долгорукий получили по 60 тыс. руб., а также шпаги и бриллиантовые звезды. Граф П.С. Салтыков был удостоен ордена Св. Георгия 2-й ст., а граф Иван Чернышёв – ордена Св. Андрея Первозванного. «Кроме того, – добавлял посол, – роздано несколько лент св. Александра Невского и сделано несколько производств по военному ведомству. Контр-адмирал Грейг произведен вице-адмиралом и назначен комендантом в Кронштадт» [Там же, с. 471].

Приобретения новых территорий Россией по условиям мирного договора не остались незамеченными англичанами. Как это не покажется

странным, но они из этого попытались даже извлечь определенную выгоду для себя. В послании от 14 февраля 1775 г. граф Саффолк писал Ганнингу: «...очевидно, что держава эта (Россия. – *Т.Л.*) может извлечь много торговых выгод из последних своих приобретений на Черном море и свободного прохода по Дарданел[л]ьскому проливу, предоставленного ее купеческим кораблям. Этим путем произведения империи могут быть пересылаемы во все части Средиземного моря гораздо скорее и при меньшей затрате, чем через Балтийское или Северное море; кроме того плавание, будучи постоянно открыто, может служить прекрасной школой для моряков. Один только зерновой хлеб, выставляемый в огромном количестве губерниями, прилегающими к Черному морю, займет значительное число кораблей» [1, с. 442–443]. Саффолк подчеркивал, что ожидаемый наплыв населения, сопровождающий развитие торговли, усилит южную часть России, «уже подкрепленную Крымом, который, несмотря на свою номинальную независимость, может быть рассматриваем, в сущности, как русская провинция» [Там же, с. 443]. Глава внешнеполитического ведомства сетовал на то, что британские купцы, живущие в России и ведущие активное «участие в торговле этой страны со Средиземным морем», неминуемо понесут убытки «при переходе значительной части товаров на другой путь» [Там же]. В этой связи Великобритания должна использовать свои корабли для перевозки русских товаров и снабжения новых рынков произведениями своих мануфактур, «вознаграждая тем самым себя и своих купцов в потере, причиненной уклонением торговли от первоначального пути к путям вышеупомянутым» [1, с. 444]. Для достижения цели британским купеческим судам необходимо получить свободное плавание к русским портам на Черном море и обратно. Кроме того, продолжал Саффолк, торговый трактат между Великобританией и Россией может быть распространен на британских подданных, которые поселятся в этой местности. На его взгляд, русская императрица охотно предоставит свободный проход «кораблям всех народов», поощряя торговлю с новыми портами и устраивая торговые конторы, хотя «может оказать предпочтение подданным Великобритании, как заявляет в настоящую минуту» [Там же]. Завершая свое послание, Саффолк инструктировал посла: «Если же мои замечания и размышления справедливы, я попрошу вас деятельно заняться ими, приняв их за основание переговоров, целью коих должно служить расширение великобританской торговли... Я постараюсь указать вам важность этих уступок, а также и то, каким образом они могут быть направлены к нашей выгоде» [1, с. 445–446]. Как видно, англичане времени зря не теряли и предпринимали попытки воспользоваться плодами победы, одержанной Россией над Турцией.

Одной из серьезных причин, вызвавших ухудшение российско-британских отношений в 1770-е гг., послужили события, связанные с борьбой за независимость английских колоний в Северной Америке. Переписки переговоров Великобритании и России о возможности оказания помощи метрополии против восставших колоний также нашли свое отражение на страницах дипломатической переписки сэра Ганнинга с графом Саффолком. Но этот сюжет достоин специального изучения и будет рассмотрен автором в другой статье.

Как бы то ни было, но миссия Ганнинга в Россию оказалась неудачной. Он не смог заключить союзный оборонительный договор. Не добился участия Великобритании в переговорах о мире Российской империи с Турцией. Кроме того, не сумел привлечь российские войска для подавления восстания английских колоний в Северной Америке. Все это побудило Саффолка отозвать своего посла из России «по состоянию здоровья».

По возвращении на родину Ганнинг прожил еще немало лет, пережив российскую императрицу, с которой ему пришлось вести трудный и, как оказалось, безуспешный диалог, на 20 лет. И хотя о подробностях этих лет жизни бывшего посла мало что известно, но в российскую историю он по праву может войти как очевидец случившихся при нем важных событий в истории России: русско-турецкая война, первый раздел Польши, Американская революция, Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева и многое другое. И этими свидетельствами Роберт Ганнинг, безусловно, интересен нашим современникам.

Библиографический список

1. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. XIX. СПб., 1876.
2. Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 109–136.
3. История Европы. Т. 4. М., 1994.
4. Лабутина Т.Л. Неудачная миссия графа Бекингема. Из истории российско-британских отношений второй половины XVIII века // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 173–186.
5. Лабутина Т.Л. Британский посол Джордж Макартни и его представления о екатерининской России // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 166–180.
6. Родзинская И.Ю. «Естественные» союзники (Русско-английские отношения 60–70-х годов XVIII в.) // Проблемы британской истории. М., 1972. С. 198–223.
7. Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992.

8. Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. XV. История России с древнейших времен. Т. 29. М., 1995.
9. Horn D.B. British public opinion and the first partition of Poland. Edinburg, 1945.
10. Roberts M. Essays in Swedish history. London, 1967.
11. The parliamentary history of England from Earliest Period to the year 1803. Vol. 17. London, 1813.

Лабутина Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор; ведущий научный сотрудник Центра «Проблемы исторического познания», Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

T.L. Labutina

Diplomatic mission of the British ambassador Robert Gunning in Russia in the 1770s

Addressing diplomatic correspondence of the British ambassador Robert Gunning who was at court of Catherine II with the minister of Foreign Ministry of Great Britain, the author analyzes peripheries of negotiations between the states on several difficult and important issues. Discussions concerning prolongation of the allied defensive contract of 1742, discussion of conditions of assistance of Denmark and Sweden by England, attempts of the British to join in negotiation process on signing a peace treaty between Russia and Turkey after the war of 1768–1774 and also their reaction to the partition of Poland in which the Russian Empire participated – all this had found the reflection on the pages of diplomatic correspondence of the ambassador. Information of the diplomat has allowed to expand and enrich present-day opinions of the international relations of the European countries, firstly England and Russia in the 1770s.

Key words: Great Britain, Russia, 18th century, international relations, British diplomacy, ambassador Robert Gunning, foreign policy of Catherine II.

Labutina Tatyana L. – Dr. History Hab.; Leading researcher at the Center “Problems of historical knowledge”, Institute of General History, Russian Academy of Sciences, Moscow

Д.А. Блинцов

Деятельность британской военной миссии в Советском Союзе в начальный период Великой Отечественной войны (июнь-сентябрь 1941 г.): цели и задачи

Статья посвящена истории созданию британской военной миссии, ее целям и задачам, которые были поставлены высшим военно-политическим руководством страны. Основой изучения деятельности британской военной миссии в СССР в 1941 г. послужили документы Национального архива Великобритании и Архива внешней политики РФ, которые касаются важной и актуальной темы – истории создания антифашистской коалиции Великобритании и СССР в начальный период войны. Представленные материалы позволяют сделать вывод о том, что в начальный период войны главной задачей британской миссии было информирование своего руководства о ситуации на советско-германском фронте. В этот период правительство Великобритании не планировало оказание существенной военной и военно-технической помощи своему новому союзнику, выжидая дальнейшего развития событий на данном театре военных действий, с учетом своих интересов.

Ключевые слова: СССР, Великобритания, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., британская миссия в СССР в 1941 г., советско-английское военное сотрудничество, генерал Ф.Н. Мэйсон-Макфарлейн.

Вопрос о деятельности британской военной миссии в СССР в 1941–1942 гг. не нашел еще подробного освещения в отечественной историографии, и данная тема является малоизученной. В нашей работе на основе документов Национального архива Великобритании и Архива внешней политики РФ, а также работ отечественных и британских исследователей предпринята попытка рассмотреть вопрос создания и функционирования британской военной миссии, ее структуру, проанализировать ее цели и задачи в начальный период войны, вплоть до сентября 1941 г.

Дело в том, что начало Второй мировой войны и обстановка, сложившаяся в Европе к середине 1941 г., никак не предполагали создания полноценного военно-политического союза между Великобританией и СССР. Если обратиться к истории советско-английских отношений в этот период, можно заметить, что они носили противоречивый

характер. Однако позиция премьер-министра У. Черчилля по этому вопросу давала надежду на создание основы для сотрудничества. В октябре 1939 г. он заявил советскому послу И.М. Майскому: «Расхождение между Англией и СССР – печальное недоразумение. По существу, интересы Англии и СССР в настоящее время совпадают. СССР не может желать усиления гитлеровской Германии, захвата ею Прибалтики, выхода на Балканы и Черное море...» [5]. После этого были предприняты попытки наладить более тесное сотрудничество в различных сферах, прежде всего, в экономической и политической. В ходе дальнейших переговоров Англия стремилась «навести мосты», а СССР – не сжигать их. В Лондоне переговоры, в основном, велись между Майским и парламентским заместителем министра иностранных дел Р. Батлером. В них также участвовали министры иностранных дел: Э. Галифакс (1938–1940 гг.), позднее Э. Иден (1940–1945 гг.), а в Москве – британский посол Р.С. Криппс [8, с. 69]. Однако реализоваться во что-то большее они еще не могли. Важно подчеркнуть, что для английского руководства на тот момент самой главной проблемой была, как казалось, неизбежность вторжения немцев на Британские о-ва, и все остальное отходило на второй план. Однако к лету 1941 г. проблема вторжения на острова была уже менее злободневной, хотя об этой эвентуальной угрозе Черчилль помнил всегда и учитывал ее в своих планах по противодействию Германии и сохранению Британской империи.

Естественно, что разворот на 180 градусов, произошедший в политике и стратегии А. Гитлера, не мог не радовать британские политические круги. На совещании членов Военного кабинета¹ 23 июня 1941 г. обсуждались различные вопросы, возникшие в связи нападением Германии на СССР [14]. Члены кабинета обсудили также и вопрос, связанный с отправкой в СССР британской военной миссии на принципах взаимности (СССР также был вправе отправить в Великобританию военную миссию, наделенную соответствующими полномочиями). Обсуждался вопрос и о выборе ее главы. В ходе дискуссии высказали мнение, что главой миссии должен быть офицер высокого ранга, при этом – выдающаяся личность. Техническими вопросами будут заниматься другие члены миссии. Было подготовлено распоряжение об отборе офицеров для миссии, а также о возвращении в Москву Криппса вместе с членами миссии [Там же].

Днем 22 июня 1941 г. Майский побывал с визитом у Идена, обсудив с ним создавшееся положение, и зондировал мнение британского

¹ Специальный орган, созданный на время войны, куда вошли члены правительства, а также ряд высших военных чинов, представлявших различные рода войск.

правительства на предмет заключения соглашения о взаимной помощи и борьбе против общего врага [12, с. 46]. Естественно, что эти переговоры были санкционированы свыше. В дальнейшем напор советской стороны по этому вопросу нарастал, и это имело вескую причину. Начало войны на западной границе уже показало трагизм и ожесточение начавшейся борьбы, которая вела к катастрофе 1941 г. Это сразу же стало понятно советскому руководству, прежде всего, И.В. Сталину. Поэтому советское дипломатическое ведомство в лице наркома иностранных дел В.М. Молотова и Майского вело консультации как внутри ведомства, так и за его пределами. В ходе встречи Молотова с английским поверенным в делах в Москве Г.Л. Баггалеем британский дипломат отметил: «Английское правительство могло бы оказать помощь в снабжении СССР через Владивосток или Персидский залив, а также для оказания помощи советскому командованию послать в СССР английских офицеров, имеющих опыт борьбы против германских танков» [4, с. 14].

В Великобритании после 23 июня активно шло формирование военной миссии, а также определение ее целей и задач. На заседании Комитета Начальников Штабов (КНШ), которое состоялось 24 июня, был утвержден глава миссии и выработаны директивы, которые должны были стать основой действий главы этой структуры. Так, в директиве было отмечено: «в составе миссии будет организовано три службы, каждой из которых выданы подробные инструкции в рамках настоящей директивы... Задачами миссии является оказание помощи русским, предоставив им воспользоваться нашим опытом в борьбе с немцами... укрепляя и увеличивая сопротивление... чтобы стимулировать русских принимать необходимые меры по нивелированию немецкого преимущества, которые они могут получить в ходе кампании... В качестве канала связи координировать совместные усилия против Германии... особенно важно не допустить попадания советских кораблей в руки немцев... В случае краха организованного русского сопротивления, вы должны рассмотреть возможность разделения миссии и отправки офицеров в те районы, где сопротивление продолжится... Вы не можете вступать ни в какие политические обязательства, а все запросы вы должны отправлять в КНШ. Для этих целей вы можете пользоваться любыми каналами связи» [17].

Главой миссии был назначен генерал-лейтенант Ф.Н. Мэйсон-Макфарлейн, который наиболее полноценно отвечал предъявляемым требованиям. Карьера Макфарлейна сочетала в себе и должный опыт командной службы в качестве командира войскового подразделения, имелся у него и опыт военно-дипломатической работы в качестве военного атташе в посольстве в Германии в предвоенный период. Более того,

у него имелся и весьма специфичный опыт, полученный им на должности начальника разведки Британского экспедиционного корпуса (БЭК) во Франции в 1940 г. На этой должности генерал Макфарлейн занимался вопросами контрразведки и разведки, цензуры исходящей корреспонденции: писем, газет, телеграмм, обеспечением безопасности тыловых участков фронта. Под его наблюдением находились аккредитованные корреспонденты и прибывающие из метрополии высокие гости. Естественно, что Макфарлейн постоянно контактировал с представителями соответствующих служб французской армии [15, р. 104]. После эвакуации английских войск из Франции Макфарлейн был назначен вице-губернатором Гибралтара, выполняя функции администратора, а позднее, по возвращении в Англию в апреле 1941 г., был командиром 44-й дивизии территориальной обороны. Таким образом, его кандидатура была наиболее подходящей с учетом опыта и квалификации для этой непростой должности. Этот фактор, скорее всего учитывал начальник Имперского Генерального штаба генерал Дж. Дилл, который имел возможность оценить Макфарлейна по совместной кампании на континенте, где они вместе служили в составе БЭК [Там же, р. 131–132].

В своем общении с вновь назначенным главой миссии Дилл подчеркнул, что одной из задач Макфарлейна будет обеспечение продолжительного сопротивления на Востоке после того, как централизованное сопротивление русских будет сломлено. Однако была еще одна важная составляющая миссии Макфарлейна, которая состояла в том, что он должен был выступать в качестве канала для связи с русскими и получить всю возможную информацию, которая поможет английским спецслужбам оценить мощь и потенциал противоборствующих сторон, как СССР, так и Германии, и сделать соответствующие выводы при планировании стратегии. Хотелось бы отметить еще один важный факт. С целью максимально полной осведомленности руководителя миссии, 26 июня 1941 г. главой Объединенного разведывательного комитета (Joint Intelligence Committee, JIC) была издана директива в адрес Адмиралтейства, Военного кабинета и Министерства авиации о подготовке и отправке в Москву ежедневных разведывательных отчетов для соответствующих секций миссии [27, р. 42]. Более того, Макфарлейн был проинструктирован в отношении того, что следует говорить об источниках информации, предоставленных британской стороной [Там же, р. 43].

При британской миссии № 30 на территории СССР были созданы соответствующие секции: морская секция, которую возглавил заместитель Макфарлейна контр-адмирал Дж.О. Майлз (4 чел.), секция сухопутных сил полковника К. Эксхэма (11 чел.), секция ВВС вице-маршала

Королевских ВВС А. Колльера (4 чел.), шифровальная секция капитана Д. Фокса (7 чел.), секция радиосвязи 2-го лейтенанта Т. Муррея (7 чел.) [1, л. 25]. Важно отметить, что все члены миссии в ранге офицеров имели дипломатические паспорта, которые наделяли их дипломатическим статутом на случай вынужденной посадки в нейтральной стране [Там же, л. 1].

Члены миссии прибыли в Советский Союз 27 июня 1941 г. вместе с Криппсом и практически сразу были приняты представителями советского военно-политического руководства. В ходе переговоров Криппс сообщил, что одной из важнейших задач членов военной миссии будет создание и поддержание контактов с представителями советских военных кругов [12, с. 47]. В дальнейшем задачами сотрудников миссии будет обмен информацией военного и военно-технического характера, оказание помощи в деле эксплуатации поставляемой военной техники и вооружения, контроль за поставками военного снаряжения, сырья и боеприпасов. Криппс в общении с Молотовым подчеркнул значительный опыт руководителя делегации: «Глава военной миссии Макфарлан (Так в тексте. – Д.Б.) принимал участие в военных операциях во Франции, находится в контакте с Генеральным штабом и знает все ошибки и оплошности, которые были допущены, методы, которых придерживается германская армия в своих военных действиях» [Там же, с. 49]. Необходимо заметить, что члены военной миссии действовали автономно и не подчинялись британскому послу, что позволяло им вполне объективно высказывать свои суждения и оценки, которые в форме отчетов посылались в Лондон. Таким образом, для британского военно-политического руководства существовали два независимых канала информации на территории Советского союза: сотрудники посольства и члены военной миссии № 30.

Говоря о деятельности миссии на территории СССР, стоит подчеркнуть, что недавние противоречия не могли не отразиться как на контактах, так и в оценках ситуации и друг друга. К сожалению, это очень серьезно осложнило работу миссии и наложило определенный отпечаток на поведение членов миссии во взаимоотношениях с советской стороной. Более того, в дальнейшем это приводило к взаимным упрекам и снижению эффективности совместных действий. Естественно, что британское руководство и членов Военного Кабинета в первую очередь волновала обстановка на советско-германском фронте и, соответственно, именно это учитывалось при планировании стратегии как в отношении Германии, так и в отношении СССР. В каком-то смысле главе британской военной миссии предстояло стать глазами и ушами руководства Великобритании в СССР.

Прибыв в Москву, члены миссии начали обустройство на месте. Одновременно с этим продолжался процесс доукомплектования секций миссии новыми сотрудниками, которые продолжали прибывать. 30 июня 1941 г. прибыли 6 членов миссии, а к 5 июля 1941 г. – еще двое [1, л. 4]. В этот же день Молотов встретился с членами военной и экономической миссий, причем значительное место в обсуждении различных вопросов заняло обсуждение помощи со стороны английского флота и авиации в районе Петсамо и Мурманска. Правда, на заседании сразу же наметились противоречия, которые ясно продемонстрировали всем участникам переговоров разный подход к проблеме взаимопомощи. Так, например, Макфарлейн пояснил, что только на основе информации от соответствующих членов миссии правительство Его Величества будет принимать какие-либо действия. В свою очередь Молотов заявил, что общее положение на фронтах известно, а дополнительно информацию можно почерпнуть из сводок Совинформбюро (!) и в советских газетах [12, с. 57]. Однако Макфарлейн настаивал на своем: «он лишь хочет получить соответствующие необходимые сведения от советского Генерального штаба, которые он мог бы сообщить в Англию» [Там же]. Далее он отметил, что Генеральный штаб Англии можно будет уговорить принять какие-либо операции лишь после того, как будет известно положение советских Вооруженных сил. Что касается вопроса об операции в районе Петсамо и Мурманска, Макфарлейн обещал сообщить в Лондон план, если таковой имеется у советского командования, и еще раз подчеркнул обоюдную значимость помощи Англии Советскому Союзу.

Здесь следует пояснить, что настойчивость англичан в отношении получения информации от советского Генштаба была вызвана как незнанием оперативной и стратегической обстановки на фронте, так и опасением того, что эта помощь может быть захвачена немцами ввиду их стремительного наступления практически на всех участках фронта. Более того, вплоть до сентября 1941 г. правительство Великобритании всячески оттягивало вопрос оказания соответствующей помощи СССР, колеблясь в принятии решений и продолжая с недоверием относиться к своему союзнику. Фактически, советская сторона настаивала на незамедлительном участии англичан в военных действиях против немцев, в т.ч. и на территории СССР, что для английского военно-политического руководства было неприемлемо.

По итогам состоявшихся переговоров глава миссии подготовил телеграммы в Лондон, где обрисовал ситуацию и запросил разъяснения по ряду возникших вопросов в деле налаживания военного сотрудничества и обмена информацией. КНШ подготовил свой ответ, в котором

была предложена схема обмена важной военной информацией с русскими. Так, на заседании КНШ от 30 июня 1941 г. было сказано: «В отношении поставок технической информации мы предоставили бы такую подробную информацию, которая уже была бы в немецких руках, например, детали зажигательных бомб. Информация о секретных устройствах типа бортового радиооборудования ночного истребителя будет представлена в общих чертах» [23, р. 269].

К началу июля 1941 г. советско-английские отношения находились на стадии перехода от отчуждения к сотрудничеству. Однако реальных шагов с британской стороны пока не предпринималось [9, с. 30]. 2 июля консультации Криппса с Молотовым продолжились, причем в переговорах участвовал и Макфарлейн. В процессе переговоров британская сторона уведомила наркома иностранных дел о прибытии в СССР еще одной группы военных экспертов в количестве 11 чел., в т.ч. военного корреспондента [2, л. 8]. На замечание Молотова о затяжке с принятием решения по организации операции в районе Мурманска было вновь отвечено, что без наличия детальной информации от своих морских представителей об особенностях местности и специфических деталях Генеральный штаб Великобритании не пойдет на осуществление этой операции [12, с. 59]. Одной из причин такой принципиальной позиции может быть тот факт, что британский флот действовал с огромным напряжением сил на различных морских театрах военных действий, продолжалась битва за Атлантику, в которой британский флот нес серьезные потери. Поэтому наличие еще одного, хотя и вспомогательного театров военных действий, требовало точного анализа текущей обстановки, чтобы принять оптимальное решение с учетом сил и возможностей.

В начале июля 1941 г. Макфарлейн выступил с предложением в адрес советской стороны о сотрудничестве в сфере обмена данными по результатам радиоперехвата (анализ частотных диапазонов, перехват и дешифровка сообщений на тактическом уровне) [27, р. 45]. Более того, он выступал за тесное сотрудничество в сфере обмена данными о боевых уставах, местах дислокации и численности частей немецкой и японской армии. Особый интерес для сторон имела информация о расположении японских войск на Дальнем Востоке. 7 июля 1941 г. на заседании КНШ (в котором приняли участие заместитель начальника Генштаба генерал Г. Паунолл, заместитель начальника Морского штаба вице-адмирал Т. Филипс и вице-маршал авиации Н. Боттомли, представлявший заместителя начальника штаба ВВС, а также начальник военной разведки генерал-майор Ф. Дэвидсон) было принято решение, касавшееся деятельности миссии № 30. В ходе обсуждения было решено, что вся информация, которую британское военное руководство планирует

передать советской стороне, должна идти через руководство британской миссии в Москве и не иначе. Далее стороны согласились с тем, что копии сообщений можно предоставлять сотрудникам советской военной миссии в Великобритании, хотя это и нежелательно, и диктуется только соображением укрепления взаимоотношений [24].

В этот же день, 7 июля 1941 г., на заседании Военного кабинета, на котором присутствовали, в числе прочих, У. Черчилль, лорд-хранитель печати К. Эттли, министр снабжения У. Бивербрук, А. Иден, а также первый морской лорд Д. Паунд, Д. Дилл и другие члены кабинета, обсуждалась обстановка на советско-германском фронте. В ходе дискуссии участники отметили: «Красная Армия до сих пор воюет лучше, чем мы могли надеяться», однако последующий комментарий ясно показывает, что полной уверенности в возможностях удержания фронта у наших союзников все-таки не было: «В течение нескольких следующих дней все решится, однако пока неясно, будут ли остановлены немецкие войска» [19]. В этой связи важно отметить, что среди высшего военного руководства Великобритании существовал вполне определенный скепсис в отношении СССР и его возможности эффективно противостоять немецкой военной машине. Паунолл заявил: «...трудно сказать, сколько продлится сопротивление русских – три недели или три месяца?... Главное сейчас то, что они продолжают сражаться... Но они (немцы. – Д.Б.) еще не получили стратегический прорыв, и он уверен, что они, должно быть, сильно потеряли в людях и снаряжении» [22, р. 29–30]. Фактически, это свидетельствует о том, что полноценного доверия между союзниками не было, и неуверенность вынуждала сотрудников британской миссии тщательно отслеживать обстановку как в Москве, так и за ее пределами.

Более того, недостаток информации приводил к еще большей неуверенности по поводу обстановки на фронте и вынуждал правительство Великобритании очень осторожно проводить в жизнь политику сотрудничества в деле борьбы с общим врагом. Тем не менее, несмотря на колебания, политическое руководство Великобритании санкционировало подписание документа, в котором были оговорены вопросы совместной борьбы с Германией. Через несколько дней глава миссии отправил в адрес Военного министерства доклад, в котором подчеркнул: «русские вряд ли [в состоянии] в это время предпринять адекватные усилия и я хочу, чтобы вы поняли это в случае, если вы рассчитываете на русских, [чтобы] провести эту явно жизненно важную задачу...» [18, р. 55]. Хотя дело и касалось предполагаемых совместных действий в борьбе с использованием немцами нефтяных месторождений

в Румынии, оно показывает те трудности, с которыми пришлось столкнуться уже в первые месяцы войны [18, р. 55].

В это же время, параллельно с происходящим, в Лондоне обсуждали и план проведения операции на Севере в рамках помощи СССР. На заседании КНШ от 10 июля 1941 г. адмирал Паунд отметил, что ведется предварительная проработка вопроса об отправке на Север соединения британских крейсеров и эсминцев, при условии соответствующего уровня защиты военно-морской базы от атак с воздуха. Во время дискуссии было также отмечено, что советская сторона (т.е. сотрудники советской миссии генерала Ф.И. Голикова в Лондоне), судя по всему, не понимает тех трудностей, которые при этом возникают для британской стороны [16].

12 июля 1941 г. было подписано «Соглашение между правительством СССР и Великобритании о совместных действиях против Германии», которое и стало политической основой для взаимной помощи. Через несколько дней в СССР прибыла очередная группа британских военных специалистов (моряков) во главе с контр-адмиралом Ф. Вианом в количестве 6 чел., четверо из которых входили в состав военно-морской секции миссии. 15 июля, в соответствии с ранее достигнутыми договоренностями, из Москвы на Север вылетели адмиралы Виан и Майлс. В их задачу входило изучение возможностей базирования в г. Полярном британского соединения, а также решение других вопросов, касающихся взаимодействия двух флотов [3, с. 18]. Выводы, сделанные Вианом, были удручающими. До того, как русские многократно усилят противовоздушную оборону Мурманска и Полярного, нечего и думать о пребывании там крупных надводных кораблей. Союзники пообещали лишь организовать удары палубной авиации по Киркенессу и Петсамо и прислать пару подводных лодок [6, с. 48].

В начале июля 1941 г., в первой декаде месяца, обстановка на советско-германском фронте продолжала ухудшаться. Фактически, начался первый этап Смоленского сражения, развернувшегося на фронте до 650 км и в глубину до 250 км, наступление противника на Москву было приостановлено, но лишь временно [11, с. 53]. Ухудшение стратегической обстановки вызвало тревогу не только в советском Генеральном штабе, но и среди британских союзников. Макфарлейн постоянно добивался встреч с полномочными представителями Генштаба и ряда ведомств. Более того, он настаивал на посещении участка фронта действующей армии, чтобы своим глазами убедиться, в каком состоянии сейчас находится Красная армия. Однако можно предположить, что инициатива исходила не от самого главы миссии, что это была попытка

выполнить распоряжение руководства Великобритании, чтобы удостовериться в том, что Красная армия продолжает сражаться и, соответственно, может рассчитывать на помощь. Фактически, в первый период деятельности миссии, который охватывает несколько недель с момента ее прибытия на территорию СССР, можно отметить, что она выполняла роль наблюдателя, тщательно анализируя получаемую информацию и все, до мельчайших подробностей, докладывала в Лондон.

В рамках оказания помощи союзнику было начато проведение операции «EF», которое спланировало Адмиралтейство, для нанесения авиаударов по портам Киркенес и Петсамо морской авиацией британского флота. Для этой операции было выделено 2 авианосца и отряд прикрытия и обеспечения в составе 2 крейсеров, 8 эсминцев и танкера [21]. В Полярном началось формирование миссии старшего британского морского офицера (Senior Naval British Officer, SNBO), которую возглавил контр-адмирал Р. Беван, подчинившийся контр-адмиралу Майлзу [26, р. 81]. В Архангельске миссию в течение нескольких лет возглавлял капитан 1-го ранга Г. Монд. Уже к концу лета 1941 г. между командованием Северного флота и английским Адмиралтейством были достигнуты соглашения о разграничении операционных зон, базировании английских кораблей в советских портах, общих опознавательных сигналах [9, с. 5–6]. В это же время, Макфарлейн отчетливо представлял, что СССР может выдержать немецкий натиск и настало время для серьезной помощи [18, р. 86].

Между тем, обстановка на фронте продолжала ухудшаться. 28 июля был взят Смоленск, советские войска Западного фронта начали отход в район Брянск–Вязьма–Ржев, где стабилизировали линию фронта и начали проводить контрудары против немецких войск, пытаясь изменить стратегическую обстановку в свою пользу. Детальный анализ обстановки на советско-германском фронте на начало августа 1941 г. позволяет сделать вывод, что и в это время московское направление продолжало оставаться решающим как для германского Верховного командования сухопутных сил (ОКХ), так и для Верховного главнокомандования вермахта. Временная задержка продвижения частей группы армий «Центр» на Восток была болезненна для германских генералов, рассчитывавших завершить к этому времени уничтожение основных сил Красной армии, однако она не влияла пока на осуществление общей стратегической концепции «блицкрига». В телеграмме генштаба ОКХ от 31 июля 1941 г. группе армий «Центр» было приказано по-прежнему «готовиться к наступлению на Москву» [7].

Это не ускользнуло от внимания английских союзников, и Макфарлейн снова обратился за разрешением посетить участок советско-

германского фронта. В начале августа члены КНШ обсуждали ситуацию, сложившуюся на Восточном фронте. 4 августа 1941 г. представители КНШ на своем заседании отметили: «было бы весьма нелогично, если бы генерал Макфарлейн вернулся, не побывав на участке фронта, где ведутся тяжелые бои» [20]. Причем, в качестве меры психологического воздействия, генерал-майор Дж.Н. Кеннеди (представитель заместителя начальника Генштаба, начальник оперативного управления) предложил показать телеграмму начальнику Разведывательного управления Генштаба РККА генералу А.П. Панфилову, который контактировал с руководством миссии в качестве офицера связи [Там же].

В августе, по распоряжению заместителя народного комиссара обороны и по совместительству командующего Западным фронтом маршала С.К. Тимошенко, Макфарлейн получил разрешение прибыть в расположение частей 50-й стрелковой дивизии 19-й армии Западного фронта, которая участвовала в Смоленском сражении, в районе г. Ярцево. Правда, когда Макфарлейн заявил, что он хотел бы взять с собой в качестве сопровождающего вице-маршала авиации Кольера, который хорошо знал русский язык, ему отказали. В итоге, Макфарлейн отправился на фронт с полковником Э. Гриром в сопровождении представителя маршала Тимошенко. В своем отчете, который был представлен членам Военного кабинета, глава миссии подробно, объективно и без лишних слов описал увиденное. Так, он пишет: «Главное впечатление от того, что я увидел в пути туда и обратно таково, что дивизия в хорошем состоянии. Накануне дивизия провела тяжелый бой. Захвачены не менее 4 немецких полевых батарей, три из них я видел. Поле боя зачищено методично и быстро. Большинство погибших уже похоронены, но некоторых немцев мне показали. Взаимодействие танков, самолетов и других сил тесное и эффективное. Моральный дух высок со всеобщей ненавистью к “фашистам” (так они называют немцев). Отношения между чинами – отличные. Русские отлично разбираются в маскировке. За время моего визита было довольно много спорадических обстрелов с обеих сторон. Русские очень стойки под обстрелами, хорошо укрываются и замирают при появлении вражеской авиации. Меня сопровождал комиссар штаба дивизии, т.к. командир дивизии был очень занят боем. Мне не позволено приближаться к переднему краю, т.к. командиру дивизии было сказано, что ему не поздоровится, если со мной что-то случится» [28].

Посещение войск РККА состоялось 21 августа, а спустя несколько дней отчет об увиденном лег на стол Черчилля и был представлен членам Военного кабинета. Эта информация продемонстрировала, что управление войсками находится в надежных руках и Красная армия

способна противостоять немцам. Интересно, что фактически сразу же в СССР был направлен первый конвой, PQ-0 «Дервиш» в составе 7 транспортных судов, в охранении судов британского королевского флота, который прибыл в Архангельск 31 августа 1941 г., доставив стратегическое сырье и военные материалы. В каком-то смысле можно сделать вывод о том, что данные отчета Макфарлейна убедили британских военных и политиков в том, что оказанная помощь будет использована по назначению и окажет важный моральный эффект для сражающейся Красной армии.

В составе конвоя, прибывшего в СССР, находилась первая партия самолетов «Харрикейн» и личный состав 151 авиационного крыла, сформированного в июле 1941 г. специально для отправки в СССР и переброшенного в Заполярье для участия в совместных боевых действиях и обучения русских летчиков управлению английскими самолетами с последующей передачей их советским ВВС [13, с. 32]. Интересно, что англичане находились в оперативном подчинении начальника ВВС Северного флота генерала А.А. Кузнецова, однако должны были докладывать о своем участии в воздушных операциях в штаб Министерства авиации Великобритании, а в случае невозможности таких действий обязаны информировать руководство британской военной миссии в Москве [20]. В продолжение темы стоит отметить, что британские летчики находились в Заполярье до 21 октября 1941 г., когда из Англии пришел приказ о возвращении. Самолеты британских летчиков были переданы в состав 78-го истребительного авиационного полка (иап) ВВС Северного флота.

Тем не менее, ситуация оставалась весьма неопределенной, и на заседании Военного кабинета, состоявшемся 25 августа 1941 г., было принято решение временно отозвать Макфарлейна в Лондон для отчета и консультаций по вопросам военного сотрудничества [25]. 25 августа Макфарлейн вылетел через Стокгольм в Лондон для доклада. Фактически, в Лондоне решался вопрос о том, в какой форме продолжать сотрудничество: на декларативной основе или все-таки перейти к оказанию непосредственной военно-технической помощи, в том числе и проведению совместных операций на Восточном фронте или на каком-либо ином участке театра военных действий. Мнение Макфарлейна было очевидным для него и его команды: Советский Союз будет сражаться до последнего, и никакого сепаратного мира между СССР и Германией быть не может. Подобное предположение, кстати, вызывало опасения в Уайтхолле. По-видимому, мнение главы британской военной миссии нашло отражение в изменившейся политике Черчилля, т.к. он отметил в инструкции лорду Бивербруку, что в своей поездке в Москву, на трехстороннюю конференцию между СССР, США и Великобританией,

он «должен предложить долговременный срок поставок русской армии. Нормы поддержки ограничены возможностями портов и нехваткой тоннажа для поставок, поэтому важное значение приобретает южный коридор из Персии... Тем не менее, наш долг и обязанность дать максимально возможную помощь России даже ценой серьезной жертвы для себя... Однако большого потока [поставок] не должно начаться до середины или конца 1942 года... Необходимо убедиться, что мы не обескровлены в процессе [войны]» [18, р. 88–89].

Как мы видим, здесь снова возникает проблема Закавказья и Персии, которую представители британской стороны будут постоянно поднимать в ходе политических, военных и экономических переговоров. Понимая, что будущее антигитлеровской коалиции все еще весьма туманно, все заинтересованные стороны приняли решение о проведении в Москве трехсторонней встречи, которая должна была решить возникшие проблемы советско-английского и советско-американского сотрудничества. Запланирована конференция была на конец сентября 1941 г., причем в ее работе предстояло принять участие и британским военным из миссии № 30 во главе с Макфарлейном.

Таким образом, можно сделать несколько выводов. На начальном этапе деятельности британской военной миссии в Москве главной ее задачей был анализ обстановки на советско-германском фронте и передача информации в Лондон. Наряду с этим, глава миссии Макфарлейн налаживает сотрудничество с высшим военно-политическим руководством СССР и проводит в жизнь военное сотрудничество между двумя странами, хотя и весьма ограниченной форме, следуя установленным директивам. При принятии решений и Макфарлейн, и члены Военного кабинета исходили, прежде всего, из национальных интересов своей страны. Стоит также подчеркнуть, что недооценка сил и возможностей советской стороны превалировала в мнениях британского союзника. Однако в данной связи уместно отметить, что основной центр принятия решений находился в Лондоне, и вскоре в СССР это прекрасно поняли. Фактически, речь на первоначальном этапе шла не о помощи, а о возможности продления сопротивления советских вооруженных сил при содействии сотрудников британской военной миссии.

Можно также сделать вывод о том, что английский союзник ждал кардинального изменения событий на советско-германском фронте, что должно было стать сигналом либо к свертыванию сотрудничества, либо, наоборот, привести к его активизации. Однако в дальнейшем оценки были скорректированы, и немалую роль в вопросе оказания действенной военной и военно-технической помощи предстояло сделать главе миссии и его сотрудникам.

Библиографический список

1. Английская военная миссия в Москве // Архив внешней политики РФ. Ф. 69 (Референтура по Великобритании, 01.01.1941–31.12.1941 гг.). Оп. 24. Д. 15. Папка 72. Л. 1, 4, 8.
2. Английская военная миссия в Москве // Архив внешней политики РФ. Ф. 69. (Референтура по Великобритании, 01.01.1941–31.12.1941 гг.). Оп. 30. Д. 12. Папка 104. Л. 8.
3. Браун Д. Северная Россия и британский военно-морской флот // Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы. Вып. 2. М., 1994. С. 17–29.
4. Запись беседы Первого заместителя Народного комиссара Иностраннных дел СССР А.Я. Вышинского с временным поверенным в делах Великобритании Г. Баггалеем // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Т. XXIV. М., 2000. С. 14–15.
5. Майский И.М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. Ташкент, 1980.
6. Морозов М.Э. Союзники в Заполярье // Флотомастер. 2000. № 2. С. 48–54.
7. Мягков М.Ю. Вермахт у ворот Москвы, 1941–1942. М., 1999.
8. Мягков М.Ю. Военные ведомства СССР и Англии в 1941–1945 годах: союз и противоборство // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 67–81.
9. Печатнов В.О., Магадеев И. Э. Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны: В 2-х т. Т. 1. М., 2015.
10. Пузырев В.П. Боевое содружество на Севере // Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы. Вып. 2. М., 1994. С. 4–16.
11. Ржешевский О.А., Мягков М.Ю. Все о Великой Войне. М., 2010.
12. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943. М., 1983.
13. Супрун М.Н. Британские королевские ВВС в России 1941–1945 // Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы. Вып. 2. М., 1994. С. 30–45.
14. British military mission to USSR / Conclusions of War Cabinet 62 (41) // The National Archives, CAB 65/18/41. P. 96.
15. Butler E. The Life of Lieutenant-General sir Noel Mason-Macfarlane. L., 1972.
16. Co-operation with USSR / Minutes of meeting held 10th july, 1941 // The National Archives, CAB 79/12/29. P. 269.
17. Draft directive to the Head British Liaison Mission to Russia / Mission to Russia / COS 41(223) / War Cabinet // The National Archives, CAB 79/12/23. P. 233.
18. Lytton A. British aid to Soviet Union, June-September 1941. Calgary, 2012.
19. Military operations. USSR / Conclusions of War Cabinet 66 (41) // The National Archives, CAB 65/19/2. P. 121.
20. No. 30 military mission to Moscow / Minutes of meeting held 4th august, 1941 / Chief of Staff Committee COS 41 (275) // The National Archives, CAB 79/13/25. Pp. 199–200.
21. Operation EF. URL: <http://codenames.info/operation/ef-ii/9> (дата обращения: 01.11.2017).
22. Pownall H. Chief of Staff. The Diaries of Lieutenant-General Sir Henry Pownall. Vol. 2. L., 1974.

23. Russia / Minutes of meeting held 30 June // The National Archives, CAB 79/12/39. P. 348.
24. Russia: No. 30 mission / Minutes of meeting held 11 July, 1941 / Chief of Staff Committee COS 41(242) // The National Archives, CAB 79/12/42. P. 378.
25. Russia: Visit of General Mason Macfarlane to London / Minutes of meeting held 25th August 1941 / Chief of staff committee / COS 41(27) // The National Archives, CAB 79/55/62. P. 226.
26. Ryan F. The Royal Navy and Soviet Seapower, 1930–1950: Intelligence, Naval Cooperation and Antagonism. PhD thesis. Hull, 1996.
27. Smith B. Sharing secrets with Stalin: How the Allies traded intelligence 1941–1945. Kansas, 1996.
28. Visit of General Macfarlane to the Russian front / War Cabinet W.P. 41(204) // The National Archives, CAB 66/18/27. Pp. 130–134.

Блинтсов Дмитрий Александрович – аспирант Высшей школы общественных наук Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого; научный сотрудник научно-экспозиционного отдела, ГБУК Республики Крым «Ливадийский дворец-музей», г. Ялта

E-mail: d.blintsov@yandex.ru

D.A. Blintsov

The activity of the British military mission in the Soviet Union in the initial period of the Great Patriotic War (June-September 1941): Goals and objectives

The article refers to the establishment of a British military mission, its goals and objectives, which were set by the higher military-political leadership of the country. The basis of the study of the activities of the British military mission in the USSR in 1941 was the documents of the National archives of the UK and the Archive of foreign policy of the Russian Federation, which relate to important and relevant issue – the history of creation of the anti-fascist coalition of Britain and the USSR in the initial period of the war. The presented materials allow us to conclude that in the initial period of the war, the main task of the British mission was to inform his leadership about the situation on the Soviet-German front. During this period the British government considering its own interests had not planned the provision of substantial military and technical aid to its new ally, waiting for further developments on this theater of operations.

Key words: Soviet Union, United Kingdom, Great Patriotic war of 1941–1945, British mission in the Soviet Union in 1941, Soviet-British military cooperation, General F.N. Mason-MacFarlane.

Blintsov Dmitry A. – graduate student of the Higher School of Social Sciences of the Humanitarian Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; researcher at the Livadia Palace-Museum, Yalta, the Republic of Crimea

E-mail: d.blintsov@yandex.ru

А.А. Ковалев

Исследование проблем безопасности в Санкт-Петербургском государственном университете: итоги и перспективы

Цель статьи – представить важнейшие теоретические достижения в изучении проблемы комплексной безопасности, достигнутые учеными Санкт-Петербургского университета за последние четверть века. В исследовании применены историко-логический и культурологический подходы, компаративистика. Исследование проблемы комплексной безопасности обуславливает решение конкретных задач во взаимосвязи теоретических и практических задач в области национальной и международной безопасности. Первостепенными среди них явились следующие направления: исследование исторического и логического оснований политической мысли по проблематике безопасности; разработка и систематизация теоретических и методологических аспектов анализа безопасности; изучение генетической взаимосвязи и взаимозависимости безопасности государства и общества с военной безопасностью и политической системой.

Ключевые слова: комплексная безопасность, политология, военная безопасность, политологи Санкт-Петербургского государственного университета, глобализация.

В России на протяжении всей ее сложной истории проблема комплексной безопасности относилась к разряду тех важнейших вопросов, от правильного решения которых зависела социально-экономическая

и политическая судьба страны. При всей практической важности обеспечения безопасности, в этой проблеме, как ни в какой другой, важна солидная теоретическая база, долженствующая включать исследования в самых различных областях гуманитарных наук. Изучением проблемы безопасности традиционно занимаются философы, политологи, социологи, юристы.

Одну из ведущих позиций в рейтинге исследований проблемы безопасности занимают ученые Санкт-Петербурга – города со славной историей, который несколько раз на протяжении своего трехвекового существования подвергался разнообразным внешним опасностям. За последние годы Россия столкнулась с целым комплексом внутри- и внешнеполитических проблем, которые в переживаемую человечеством эпоху противостояния цивилизаций актуализировали проблему комплексной безопасности. Образование однополярного мира после гибели Советского Союза уже привело к геополитическим катаклизмам, которые могут привести к уничтожению всего человечества.

В настоящей работе освещены важнейшие достижения в теоретическом изучении проблемы безопасности, достигнутые учеными Санкт-Петербургского университета и учеными, защищавшими в СПбГУ свои кандидатские и докторские диссертации за четверть века существования современной России.

За период 1993–2016 гг. в Санкт-Петербургском государственном университете было подготовлено большое количество монографических и диссертационных исследований по вопросам безопасности. Их анализ позволит нам выявить общие тенденции во взглядах исследователей на формирование и развитие отечественных и зарубежных политических течений в области обеспечения национальной безопасности, а также обозначить перспективные направления дальнейших исследований.

Исследования проблем безопасности ведутся с привлечением богатого исторического материала. Сама комплексность проблемы обуславливает необходимость изучения отдельных тематических узлов в русле политологических теорий различных авторов, позиция каждого из которых в ретроспективе представляется значимой для решения насущных вопросов.

Изучение проблемы безопасности условно можно разделить на 2 направления. Для первого характерно исследование международных конфликтов, терроризма, их причин, классификации и попытки формулирования моделей разрешения на основе анализа отечественной и зарубежной практики. В СПбГУ ведутся глубокие исследования проблемы военной безопасности отдельных стран и регионов. Для второго

направления характерно повышенное внимание к современному развитию мира в условиях глобализации. Ученые затрагивают вопросы безопасности экологической, энергетической, космической, информационной как составных частей проблемы комплексной безопасности.

В период 2000–2007 гг. произошло обострение кризиса систем как национальной, так и международной безопасности. После глобального структурного кризиса 2008 г. еще более очевидной стала неадекватность данных систем появившимся угрозам и вызовам нового столетия. Такая ситуация обострила потребность переосмысления концептуальных и методологических основ безопасности. Она продиктовала острую необходимость в переоценке механизмов и ресурсов обеспечения безопасности, выявления государственных интересов, тщательной расстановки и анализа приоритетов внешней и внутренней политики.

Ученые переходят к активной разработке новых методик и технологий управления конфликтными ситуациями, формулированию новых понятий и объяснению новых феноменов в соответствии с современными реалиями. Здесь большую роль играют разработки в сфере теоретической и практической конфликтологии, возникшей на стыке политологии, философии управления и психологии.

В 1980–1990-х гг. началось формирование новой парадигмы национальной безопасности, которая охватила, в первую очередь, безопасность личности, государства и всего общества. В ельцинские годы проблемам безопасности страны не уделялось должного внимания. Хотя и велись интенсивные теоретические разработки, но к голосу ученых-обществоведов не прислушивались. За последнее десятилетие серьезную силу набрали новые явления, не проявлявшиеся так очевидно в 1990-х гг.: развитие по нарастающей глобализационных процессов и сопротивление насильственной глобализации; тенденции кризиса национальной идентичности в таких странах, как Россия, Франция, Германия; зарождение и активизация транснационального терроризма; ослабление роли и даже деградация ООН и иных международных организаций; активизация агрессивных направлений в исламе.

Весь этот комплекс негативных и опасных явлений обострил проблему международной и национальной безопасности и потребовал ее глубокого осознания. Само исследование проблемы национальной безопасности порождает необходимость создания и использования соответствующего понятийно-категориального аппарата, разработкой которого занимаются представители различных отраслей общественности. Соответственно, рассмотрение системы обеспечения национальной безопасности необходимо начинать с определения смыслового содержания ведущих понятий в данной области.

Несомненно, безопасность – крайне сложное многомерное понятие со своей структурой и системой взаимосвязей. Безопасность – это ключевая составляющая для безопасности национальной. Существует многочисленные и разнообразные определения как видов безопасности вообще, так и национальной, в частности. Это объясняется целым рядом причин.

В первую очередь, в законодательстве не имеется строгого оформления классификации безопасности. Законом «О безопасности» поставлено равенство между понятиями «национальная безопасность» и «безопасность». В нем лишь перечисляются ее отдельные виды: государственная, общественная, экологическая и др. Во-вторых, не имеется единых оснований классификации. Некоторые исследователи разделяют виды безопасности в зависимости от носителей: общества, государства, личности. Другие – по национальным угрозам, где каждый вид связан с обеспечением противостояния конкретной угрозе. Третьи классифицируют их с позиции имеющихся в стране ценностей и ресурсов. Существует также и определенная зависимость между периодом становления государства и видами его безопасности. В различные десятилетия постсоветского времени на первый план выдвигались разные направления ее обеспечения. В свою очередь, специфика внутренней и международной обстановки вызывает возникновение и новых видов безопасности.

Наличие четкой классификации играет важную методологическую роль в построении всей системы безопасности и ее правовом регулировании. Возможной основой для разработки классификации являются различные факторы политической и социокультурной реальности: объективные потребности России и мирового сообщества; увеличение количества вызовов и угроз; понимание уязвимости социума и индивида в современную эпоху противостояния цивилизаций, когда любой локальный конфликт может перерасти в глобальный ядерный апокалипсис.

Высказав эти первоначальные соображения, перейдем к рассмотрению конкретного вклада петербургских ученых в изучение различных аспектов проблемы комплексной безопасности.

И.В. Радиков рассматривал безопасность как состояние жизнедеятельности социума, его структур и институтов, гарантирующее их качественную определенность в количественных параметрах надежности существования и устойчивости развития [29]. По его мнению, модель обеспечения национальной безопасности России на протяжении всей истории страны игнорировала значимость индивида и общества. Такая же ситуация сохраняется и сегодня. Если Запад развивался по схеме «от безопасности личности к безопасности государства»,

то России всегда присуще доминирование принципа безопасности государства. В XXI в., по мнению ученого, «возникает потребность в новой парадигме безопасности и осуществляющей ее на практике системы безопасности» [31, с. 5]. При этом национальную безопасность он предлагает рассматривать как «триаду, включающую национальное выживание, национальное благополучие или национальное процветание и национальное развитие» [30, с. 64].

В.В. Кириллов провел социально-политический анализ опыта СССР и России в вопросах оптимизации оборонного строительства [11]. В своей работе он наглядно продемонстрировал, что оборонное строительство является частью государственного строительства.

В исследовании по геополитической обусловленности военной политики России В.В. Пыж на основе комплексного анализа геополитики выработал конкретные теоретические положения и практические рекомендации по разработке и реализации военной политики страны, строительству и реформированию армии и флота на начало XXI в. [28]. Автор провел структурно-методологический анализ геополитики как мировидения и социального явления, а также исследовал понятие геополитики, ее источники, основные идеи и принципы.

Генерал-майор Р.Ш. Нехай разработал модель оптимальной системы обеспечения военной безопасности отдельно взятого региона Российской Федерации [22]. В его работе подробно проанализированы этапы эволюции взглядов на проблемы безопасности, что позволило автору прийти к современному пониманию военной безопасности. Автор делает акцент на различии категорий «система военной безопасности» и «система обеспечения военной безопасности». Система военной безопасности – это функциональная система, отражающая процессы взаимодействия интересов страны и военных опасностей и угроз. А система обеспечения военной безопасности – это уже организация системы органов, сил, средств, различных организаций, призванных решать задачи по ее обеспечению.

Ю.Н. Крючков исследовал особенности формирования военной политики России на разных этапах ее развития, дал полный всесторонний анализ войн и военных конфликтов России и авторскую трактовку классификации войн России [14]. В частности, автором выделены несколько теорий и политических подходов к оценке военно-политической активности России на протяжении веков. Им дана подробная характеристика всех войн нашей страны с внешними врагами и анализ войн в целом в работах зарубежных и отечественных авторов. Войны систематизированы автором по наиболее важным признакам: по принадлежности к историческим эпохам; по противоречиям, лежащим в их основах;

по социальному характеру и значению; по средствам и способам ведения; по социальным результатам.

А.В. Набока в труде, посвященном проблемам сотрудничества России и государств-участников СНГ в сфере военной безопасности, в теоретической части показывает политическую составляющую безопасности и военной безопасности, анализирует связанные с ними понятия «вызов», «опасность» и «военная опасность», «угроза» и «военная угроза», дает им авторские трактовки [21]. Автор сделал прогноз относительно перспектив сотрудничества России и стран СНГ в сфере военной безопасности, а также предложил решения по преодолению выявленных проблем.

В последнее время исследователи также обращаются к проблеме ядерной безопасности. Так, А.А. Малыгина в своей диссертации изучает феномен ядерного оружия в современном мире и перспективы режима его нераспространения [19]. В теоретической части работы подробно рассмотрены подходы к осмыслению феномена ядерного оружия. Автор в отдельности проанализировал технократический, социологический, этический, глобалистский подходы. Ядерное оружие – это символ военной и политической мощи государства, поэтому отдельным вопросом в исследовании обозначена эволюция представлений о назначении ядерного оружия. Проблемам ядерной безопасности в Северной Европе посвящено исследование А.В. Лобова, который рассмотрел эволюцию понятия ядерной безопасности. По мнению автора, для улучшения ядерной безопасности в гражданской и военной сферах необходимо международное сотрудничество, которое выражается в наличии международно-правовой базы. Особое внимание ученый уделил новой составляющей проблемы ядерной безопасности – «ядерной терпимости», под которой он понимает отсутствие у населения страха перед атомной войной или его невысокий уровень. Автор детально рассматривает угрозы ядерной безопасности на северо-западе России и сотрудничество по обеспечению ядерной безопасности в регионе Баренцева моря, а также взаимоотношения России и стран Северной Европы по вопросам хищения и контрабанды ядерных материалов [18].

А.А. Ковалев в своей диссертации на основе анализа властных механизмов обеспечения российской военной безопасности разработал и дал обоснование конкретных способов повышения их эффективности в отношении структурной реорганизации [12].

Большая часть трудов ученых Санкт-Петербурга, наравне с исследованиями военной безопасности и военной политики, посвящена темам политических и этнополитических конфликтов, созданию и укреплению политической безопасности. М.Р. Харлампьев посвятил свое

исследование определению конфликтной среды этнополитических разногласий, их сущности и природе. При этом он придерживается точки зрения, что большинство отечественных технологий управления этнополитическими ситуациями заимствуются из зарубежного опыта. Питающей средой этнополитических конфликтов автор называет власть [37]. Н.В. Филатова посвятила свое исследование мирным стратегиям управления политическими конфликтами. Ею был проведен комплексный анализ подходов к природе политических конфликтов. Автор определяет не только роль мирных стратегий в управлении политическими конфликтами, но и раскрывает их функции и возможности [36]. Раскрытию конфликтного характера становления и развития федерализма в России посвящена диссертация В.А. Верховской, которая уделила особое внимание типологизации политических и социально-экономических причин этнополитических конфликтов. Исследователь раскрыла современные политико-правовые технологии, применяемые в регулировании этой конфликтности [4]. В.А. Ачкасова в своей диссертации исследовала взаимоотношения между властными структурами, произошедшие в ходе становления в России новой формы федерализма. Она рассмотрела воздействие этнополитических и социально-экономических факторов на региональные политические процессы. Изучив отечественный и зарубежный опыт, автор выявила общие и индивидуальные черты протекания региональных конфликтов в Российской Федерации и зарубежных странах, проанализировав стратегии их разрешения [1].

Проблема региональных конфликтов тесно связано с явлением политического терроризма. Н.Н. Кудрина провела анализ феномена «политический терроризм». Ее диссертация посвящена определению терроризма и его сущности, классификации его видов и форм. Особого внимания заслуживает оценка состояния политического терроризма и выявление тенденций его распространения на международной арене. Автору удалось определить его специфику в различных странах – в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Западной Европе и в России. На основе проведенного исследования Н.Н. Кудрина разработала собственные рекомендации по борьбе с международным терроризмом и, в частности, по совершенствованию механизмов противодействия его существования в политической сфере [15].

К.В. Гуляев выявил тенденции эволюции международного терроризма в период перехода к глобализации. На разных исторических этапах развития международных отношений он проанализировал взаимодействие права и политики по данной проблематике. Автор выделил объективные и субъективные сложности политического сотрудничества в противодействии международному терроризму на современном этапе.

Он проанализировал международно-правовые основы борьбы с терроризмом в условиях глобализации [7]. Аналогичного взгляда придерживается В.А. Рукинов, который раскрыл концептуальные основы конфликта и политической безопасности, а в 2010 г. в своей докторской диссертации [32] провел политологический анализ процесса социализации политической безопасности в современной России.

Проблемы экологической безопасности затронуты Г.О. Ярыгиным и М.И. Крыжовой. Г.О. Ярыгин выявил взаимодействие России по решению данной проблемы с США, Канадой и Евросоюзом, анализируя развитие их экологической политики. Автор отметил существенные различия, обусловленные разнящимися государственными приоритетами и применяемыми подходами [40]. М.И. Крыжова посвятила свое исследование перспективам развития институционализации экологической безопасности в мировых масштабах. Ею выделены различные подходы к пониманию феномена «экологическая безопасность» и определены формы становления этого явления [13].

В последнее время исследования национальной и международной безопасности стали затрагивать ее энергетическое направление [8; 27]. Исследованиям военно-политических факторов в освоении космического пространства посвящены диссертации А.И. Павловского и Е.А. Манжула. А.И. Павловский выявил космический аспект политики безопасности современных государств [24], а Е.А. Манжула исследовала категорию космической безопасности в политической науке и осуществила анализ подходов к ее обеспечению [20].

Одной из наиболее современных и актуальных проблем является модернизация национальной безопасности России в современных условиях глобализации под влиянием информационных факторов. Такое исследование проведено генерал-лейтенантом М.М. Кучерявым. В своей докторской диссертации он обосновывает необходимые меры по модернизации российской национальной безопасности в контексте увеличения роли информативности. Автор показал и оценил воздействие политики информационной безопасности на национальную безопасность России, а также раскрыл специфику обеспечения российской информационной безопасности в региональном контексте. Были определены особенности глобального информационного противоборства в условиях новейшей трансформации геополитического пространства [16].

Р.В. Болгов исследовал политическую роль информационных технологий в военных стратегиях ведущих мировых держав и их союзов, а также в современных вооруженных конфликтах. Автор решил ряд терминологических проблем, связанных с понятиями «конфликт», «война»

и «политика» и, параллельно с этим, проанализировал основные концепции конфликтов информационной эпохи [3]. К.А. Панцерев проанализировал информационную политику стран Тропической Африки и выявил типологические отличия их модели информационного общества [26].

Профессор кафедры конфликтологии Института философии СПбГУ Г.Г. Газимагомедов в докторской диссертации рассматривает конфликт рынка и государства, раскрывая характер формирования социальной безопасности в России и роль социальной политики в укреплении безопасности российского общества, снижении его конфликтного потенциала [5].

В своем диссертационном исследовании А.В. Яшина проанализировала концепции и системы национальной безопасности в различных демократических странах. Она провела сравнение устоявшихся демократий с молодыми посткоммунистическими государствами, выявив возможные угрозы национальной безопасности и инструменты ее обеспечения [41].

Значительная часть диссертаций ученых, защищавшихся в Санкт-Петербургском университете, написана по проблемам международной безопасности (Н.В. Серебренникова, Ф.И. Усмонов, К.В. Гуляев, Я.В. Лексютина). Ими были исследованы международные военно-политические отношения и их влияние на российскую военную политику, место Военно-морского флота России в военной национальной политике, направления строительства российских Вооруженных сил. В данном контексте проведено и диссертационное исследование Я.В. Лексютиной на тему американо-китайских отношений, посвященное их наиболее острым проблемам и противоречиям. На основе анализа динамики взаимоотношений США с Китаем автор определила потенциал их соперничества и партнерства [17].

Проблеме борьбы с международным терроризмом в современных условиях глобализации посвящена диссертация К.В. Гуляева, который проанализировал направления совершенствования международно-правовых основ по данной проблематике [7].

Ученые Санкт-Петербурга выполнили ряд плодотворных исследований политики в области обеспечения безопасности Европейского Союза (ЕС), НАТО и ООН. И.А. Новиков определил перспективные направления в развитии стратегического сотрудничества РФ с ЕС. Автор проанализировал феномен стратегического сотрудничества в международном масштабе, разработал собственную методологию анализа его понятия, выявил общие интересы ЕС и России, проанализировал правовую основу их сотрудничества и определил факторы, влияющие на развитие стратегического партнерства [23]. В целях формирования оптимальной

модели взаимодействия региональных и универсальной систем безопасности в условиях современной глобализации Е.В. Голованов исследовал возможные варианты реформирования Совета Безопасности ООН на основе оценки эффективности его работы [6]. Ю.А. Богуславская исследовала содержание американских концепций по трансформации НАТО, а также особенности их появления и развития. Посредством сопоставления их содержания с актами Североатлантического союза она выявила их практические различия и сходства [2]. Ю.А. Рябов провел сравнительный анализ принципов, механизмов и тенденций формирования внешнеполитического измерения пространства свободы, безопасности и правосудия как самостоятельного направления внешней политики ЕС [33].

Петербургскими учеными продуктивно исследуется опыт взаимоотношений различных регионов по вопросам международного сотрудничества, интеграции и обеспечения безопасности: США, Европы, Центральной и Средней Азии, Закавказья и их взаимодействия с Россией. Например, комплексному политологическому анализу военно-политической программы США Европейская противоракетная оборона (ЕвроПРО), а также ее воздействию на международную безопасность посвящен труд В.И. Шацкой. Автор выработала методику оценки международной безопасности в случае реализации ЕвроПРО и исследовала возможные российские ответные действия в политической и военно-технической сферах [38].

Отдельные труды посвящены проблемам безопасности, истории и перспективам особо проблемных российских регионов (Кавказа, Дальнего Востока). Е.Л. Сокирянская рассмотрела методы и техники, которые применялись в разрешении этнополитических противоречий в российско-чеченских отношениях. Автор выявила детерминанты произошедшего конфликта и дальнейшей эскалации боевой деятельности. Ею был проведен анализ российско-чеченского переговорного процесса [35]. Вопросам развития Дальневосточного региона РФ и его возможностей во время интеграции России в новое информационное, технологическое и экономическое международное пространство посвящено исследование В.В. Ершова, который выявил соотношение различных потенциалов для развития данного региона: военно-стратегического, геополитического, природно-ресурсного. В его исследование включен анализ причин, препятствующих успешному развитию Дальнего Востока [9].

Значительная часть исследований ученых Санкт-Петербургского университета была направлена на изучение глобализации как реальности современной эпохи. К числу диссертаций по данной тематике относятся

работы А.А. Яхно, С.Г. Еремеева, И.Ю. Киселева. Авторы уделили особое внимание основным подходам к феномену глобализации и роли государства в современную эпоху. Они рассмотрели перспективы и особенности выстраивания российского национального государства на современном этапе, а также общий образ государства и его национальную концепцию на мировой арене.

Становление глобализации неразрывно связано с процессами интеграции, оказывающими определенное влияние на государственную и международную безопасность. Поэтому в исследованиях проблемы безопасности в Санкт-Петербургском университете прослеживается тема интеграционной политики. Н.М. Сланевская проанализировала интеграционную политику австралийского союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 1990-е гг., выявила ее периодизацию, интеграционные факторы, механизмы осуществления [34]. Трансграничной интеграции в Европе посвящена работа Г.О. Ярового, который проанализировал политическую природу Еврозоны, определил идеологию трансграничной интеграции ЕС и России, а также исследовал факторы, воздействующие на развитие европейских регионов при участии субъектов РФ [39].

Две работы посвящены политическим процессам и международным отношениям на постсоветском пространстве. О.В. Золотокрылин комплексно исследовал конфликты, сопутствующие международным интеграционным процессам на постсоветском пространстве. Исследовал природу политических противоречий и факторы, оказавшие влияние на их формы и протекание, автор разработал типологию конфликтных противостояний на постсоветском пространстве и проанализировал основные технологии урегулирования политических конфликтов [10]. Пак Сан Ву проанализировал особенности построения международных отношений на территории бывшего СССР. Автором изучены причины конфликтов, дана их классификация и выявлены оптимальные пути разрешения. На основе проведенного исследования он спрогнозировал развитие взаимоотношений России с другими постсоветскими странами в ближайшей перспективе [25].

Сделанный нами обзор позволяет констатировать, что главные исследования проблемы комплексной безопасности в Санкт-Петербургском университете обуславливают решение теоретических и практических задач в области национальной и международной безопасности. Первостепенными среди них явились следующие направления: исследование исторического и логического оснований политической мысли по проблематике безопасности; разработка и систематизация теоретических и методологических аспектов анализа безопасности; изучение

генетической взаимосвязи и взаимозависимости безопасности государства и общества с военной безопасностью и политической системой; исследование механизмов обеспечения национальной безопасности в различных политических режимах, в т.ч. в переходный период конструирования властных отношений; разработка главных направлений улучшения военно-политического механизма по обеспечению национальной безопасности.

Диссертационные исследования, защищенные в Санкт-Петербургском университете за последние четверть века, целостно и объемно раскрывают теоретические и методологические проблемы формирования политики национальной безопасности. В них обосновываются основные условия, оказывающие влияние на современное состояние безопасности, определяются интересы и цели России в начале XXI в., а также ее геополитическое и геостратегическое положение.

Теоретические исследования последних лет по проблемам безопасности свидетельствуют о том, что комплексная безопасность представляет собой предельно широкое явление. В современных условиях безопасность характеризуется как:

- отсутствие опасностей, которые угрожают личности, обществу, стране;
- обеспечение условий достойной жизни гражданского общества;
- свойство общества сохранять собственную целостность, устойчивость и самостоятельность, способность к постоянному развитию;
- стабильность общественного состояния, его качественная определенность, прогрессивное и устойчивое развитие в международных отношениях;
- система мер, которые направлены на предотвращение угрозы, опасности, вид специализированной деятельности.

Жизнь не стоит на месте, поэтому возникают все новые политические коллизии, которые должны быть подвергнуты теоретическому осмыслению. Функция теоретического осмысления политики неразрывно связана с практическим преобразованием социального бытия. С развитием социума объективно осуществляется расширение понимания и знаний в области безопасности, поскольку растет количество опасностей и угроз, а также усложняются их качественные черты.

Исследователи, связанные с СПбГУ как с крупнейшим центром изучения проблем комплексной безопасности в нашей стране, рассматривают феномен безопасности с разных сторон. Исследуются различные виды безопасности, вырабатываются новые методологии, модели и стратегии по их обеспечению.

В отношении тематических направлений исследований первенство занимают проблемы военной и политической безопасности. В последнее

время, в связи с процессами глобализации, технологическим развитием мира и переходом к информационному обществу, особую актуальность приобретают различные аспекты таких видов безопасности, как экологическая, энергетическая, космическая и информационная. Думается, что и в будущем исследование самых разнообразных аспектов проблем комплексной безопасности в СПбГУ будет интенсивным и конструктивным.

Библиографический список

1. Ачкасова В.А. Региональные политические конфликты: российский контекст: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2002.
2. Богуславская Ю.К. НАТО в глобальной политике США: американские концепции трансформации: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.
3. Болгов Р.В. Информационные технологии в современных вооруженных конфликтах и военных стратегиях: политические аспекты: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2011.
4. Верховская В.А. Конфликтные формы взаимодействия в этнополитической суверенизации: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2005.
5. Газимагомедов Г.Г. Конфликт рынка и государства в становлении системы социальной безопасности современной России: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2005.
6. Голованов Е.В. Проблема соотношения универсальной и региональных систем безопасности и реформа Совета Безопасности ООН: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.
7. Гуляев К.В. Проблема противодействия международному терроризму в современных условиях: политические и правовые аспекты: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008.
8. Емелин К.Н. Особенности внешнеполитической стратегии Польши в обеспечении энергетической безопасности: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014.
9. Ершов В.В. Социально-политическое развитие российского Дальнего Востока: соотношение геополитической и глобализационной стратегий: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2004.
10. Золотокрылин О.В. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: противоречия и конфликты. Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008.
11. Кириллов В.В. Оптимизация оборонного строительства (социально-политический анализ опыта СССР и России): Автореф. дис. ... канд. философ. наук. СПб., 1993.
12. Ковалёв А.А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015.
13. Крыжова М.И. Экологическая безопасность и ее институционализация на глобальном уровне: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2010.
14. Крючков Ю.Н. Эволюция военной политики России: историко-политологический анализ: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008.
15. Кудрина Н.Н. Политический терроризм: сущность, формы проявления, методы противодействия: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2000.

16. Кучерявый М.М. Информационное измерение политики национальной безопасности России в условиях современного глобального мира: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2014.
17. Лексютина Я.В. Американо-китайские отношения в условиях трансформирующейся международной системы в начале XXI в.: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2012.
18. Лобов А.В. Политические аспекты проблемы ядерной безопасности в странах Северной Европы: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2009.
19. Малыгина А.А. Феномен ядерного оружия в современном мире и перспективы режима нераспространения ядерного оружия: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2007.
20. Манжула Е.А. Фактор космической безопасности в современных мирополитических процессах: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.
21. Набока А.В. Проблемы сотрудничества России и государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере военной безопасности: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.
22. Нехай Р.Ш. Система обеспечения военной безопасности региона Российской Федерации: проблема функционирования и совершенствования: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2006.
23. Новиков И.А. Отношения России и Европейского союза: проблемы и факторы развития стратегического партнерства. Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2011.
24. Павловский А.И. Мирополитические аспекты освоения космического пространства. Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2011.
25. Пак Сан Ву. Теория международных отношений и политические процессы на территории бывшего СССР: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2002.
26. Панцеров К.А. Информационная политика стран Тропической Африки в условиях глобализации мирового порядка: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2011.
27. Пацек М. Энергетическая безопасность Словацкой Республики в контексте отношений Российской Федерации и Европейского Союза: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2011.
28. Пыж В.В. Геополитическая обусловленность военной политики России: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2004.
29. Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2000.
30. Радиков И.В. Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2007. Т. 3. № 1. С. 64–82.
31. Радиков И.В. Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 5–11.
32. Рукинов В.А. Социализация безопасности и политической безопасности в современной России: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2010.
33. Рябов Ю.А. Формирование внешнеполитического измерения пространства свободы, безопасности и правосудия Европейского союза: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014.
34. Сланевская Н.М. Интеграционная политика австралийского союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 90-е годы XX века: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2000.

35. Сокирянская Е.Л. Методология и техники разрешения этнополитических конфликтов: на примере российско-чеченского конфликта 1991–1994 гг.: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2002.
36. Филатова Н.В. Мирные стратегии управления политическими конфликтами: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2004.
37. Харлампьев М.Р. Сущность и природа этнополитического конфликта: источники противостояния и пути урегулирования: Дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2001.
38. Шацкая В.И. Формирование программы США ЕвроПРО и ее влияние на международную безопасность: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014.
39. Яровой Г.О. Трансграничная региональная интеграция в Европе. Проблемы и перспективы развития «внешних» еврорегионов на примере еврорегиона «Карелия»: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2006.
40. Ярыгин Г.О. Проблемы экологической безопасности в политике США, Канады и Европейского союза: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2007.
41. Яшина А.В. Концепции обеспечения национальной безопасности в демократических государствах: сравнительный анализ: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.

Ковалев Андрей Андреевич – кандидат политических наук; доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

E-mail: senator23@yandex.ru

A.A. Kovalev

The Study of the security problems in St. Petersburg State University: Results and perspectives

The purpose of the following article is to present the most important theoretical achievements in the study of the problem of integrated security achieved by the scientists of St. Petersburg University in the last quarter of the century. The research was based on historical-logical and culture-logical approaches and comparative methods. The study of the problem of integrated security determines the solution of specific problems in the interrelationship of theoretical and practical tasks in the field of national and international security. The most important among them are the following areas: the study of the historical and logical foundations of the political thought on the subject of security; development and systematization of theoretical and methodological aspects of safety analysis; the study of the genetic interrelation and interdependence of the security of the state and society with military security and political system.

Key words: comprehensive security, political science, military security, political science, St. Petersburg State University (SPbSU), globalization.

Kovalev Andrey A. – PhD in Political Science; associate professor at the Department of State and Municipal Management, North-West Institute of Management, branch of RANEPA, St. Petersburg

А.М. Сайдарханов

О методологических основах изучения национальных стилей развития политических процессов

В статье проводится лингвистический и содержательный анализ политологических терминов «цивилизационные и национальные стили развития политических процессов», включенных в пункт 9 паспорта научной специальности 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» для обозначения одной из отраслей научных исследований. На основе сравнительного анализа опыта применения термина «национальный стиль» в различных науках автор делает вывод о возможности использования этого термина для характеристики тенденций изменений совокупностей устойчивых структурно-функциональных, институциональных, нормативно-правовых, коммуникативных и деятельностных особенностей политических процессов, их соответствия культурному своеобразию соответствующих наций, этносов. На материалах Чеченской Республики показывается специфическая взаимосвязь культуры народов республики и регионального политического процесса, стиль развития которого, по мнению автора, можно именовать «национальным».

Ключевые слова: национальный стиль, национальная культура, региональный политический процесс, национальный стиль развития политического процесса.

После обновления номенклатуры специальностей научных работников в 2009 г. [19] в пункте 9 паспорта научной специальности 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» в качестве одной из отраслей политологических исследований указаны «цивилизационные и национальные стили развития политических процессов» [5]. Приведенная формулировка содержит два термина – «цивилизационные

стили развития политических процессов» и «национальные стили развития политических процессов», каждый из которых может использоваться для обозначения качественных характеристик деятельности акторов политики по развитию политических систем. В политологии эти термины не имеют широкого применения, вероятно, в связи с их усложненными дескрипциями и включением в описание политических процессов словосочетаний «цивилизационный стиль развития» и «национальный стиль развития», не имеющих однозначных научных определений [6; 10; 13; 25; 29]. Поэтому исследования феноменов, в названиях которых применяются указанные политологические термины, представляются перспективными, имеющими академическое и прикладное значение для понимания закономерностей политических процессов и их практического использования.

В таких работах должна учитываться многозначность термина «цивилизация» (от лат. *civilis* – гражданский, государственный), используемого и для описания общества, управляемого государством, и в качестве синонима культуры, и обозначения стадии (ступени) развития материальной культуры всего общества (мировая цивилизация), его политически организованной социально-экономической формации или конкретного государства (локальная цивилизация) [11, с. 59–84; 16, с. 714; 27, с. 239–281; 28, с. 239–281]. По этому поводу российский социолог П.А. Сорокин высказал критическое замечание, имеющее важное методологическое значение. Он считал самой серьезной ошибкой цивилизационных теорий смешение в них культурных и социальных систем, а также обозначение термином «цивилизация» существенно различных социальных групп и их общих культур – этнических, религиозных, государственных, территориальных, разных многофакторных групп, а то и конгломерата различных обществ с присущими им совокупными культурами, в результате чего невозможно выявить главные критерии вычленения цивилизаций [23, с. 38–46].

В связи с дискуссионным характером определений сущности цивилизации, в конструкт которой современные ученые вкладывают новые смыслы [10; 24; 27; 30], полагаем необходимым более подробно рассмотреть в отдельной статье представления о цивилизационных стилях развития политических процессов.

Следует отметить появление в научной литературе первых работ, посвященных национальным стилям развития политических процессов. Так, Е.А. Тюрин и Е.Н. Савинова описали национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии и пришли к выводу о том, что такой стиль формируется на основе национальной и государственной идентичности шотландцев, а проявляется он, прежде всего,

в деятельности Шотландской национальной партии [25]. Опыт подобных исследований заслуживает обобщения для выработки и внедрения в политологию методологических основ изучения аналогичных объектов познания.

Лингвистический анализ термина «национальный стиль развития политического процесса» показывает, что в динамических характеристиках политики слово «стиль» может применяться в одном из его многочисленных значений – метод, совокупность приемов какой-либо работы, деятельности, поведения [16, с. 626]. Вследствие этого, исследования стилей развития политических процессов могут нацеливаться на выявление теоретически и эмпирически определяемых методов, совокупностей приемов деятельности акторов политики, обеспечивающих изменения политической системы общества, ее структурных элементов и способов их функционирования, что обнаруживает такие особенности общегосударственных, региональных или местных политических процессов, которые правомочно называть национальными стилями их развития в зависимости от обнаружения соответствующих квалифицирующих признаков в изучаемых предметах.

Очевидно, на развитие политического процесса в Российской Федерации оказывают влияние международные и внутрисоциальные факторы, важнейшие из которых обусловлены социокультурной средой, созданной многонациональным народом России, за его многовековую историю превратившимся в суперэтнос, подробно описанный Л.Н. Гумилевым [8; 9].

В августе 1991 г. политический процесс в России достиг своеобразной точки бифуркации, от которой дальнейшее развитие его структуры и способов деятельности акторов политики нацеливалось на их приведение в соответствие с либеральной моделью демократии, якобы доказавшей в США и странах Западной Европы преимущества по сравнению с советской государственной моделью [21]. В то время группа из семи государств (G7 – США, Канада, Франция, Великобритания, Германия, Италия и Япония), господствовавших в мировой экономике и глобальной политике, одобряла и стимулировала такие тенденции российского политического процесса посредством допуска представителей России к участию в обсуждении некоторых вопросов на встречах руководителей высшего уровня по формуле «G7 + 1». В 1997 г. после ободряющего признания в итоговом коммюнике Денверского саммита (20 июня 1997 г.), что Россия «завершает историческую трансформацию в демократическое государство с рыночной экономикой» [2; 18], РФ стала полноправным членом этой группы, председательствовавшим на некоторых встречах (1996 г.) и саммитах (2006 г.). Но Россия была наказана

исключением из группы в 2014 г. за действия по поддержке референдума жителей Крыма о возвращении региона в состав России, состоявшегося в соответствии с демократическими процедурами, существующими в международном праве.

Для РФ последствиями либеральных реформ 1990-х гг. стали утрата унаследованного от СССР высокого статуса в глобальном политическом процессе, депрессивное состояние национальной экономики, превращенной в сырьевой придаток международных картелей, накопление многомиллиардных внешнеэкономических долгов и многочисленных внутривнутриполитических проблем, создавших реальные угрозы национальной безопасности и государственному суверенитету [15; 22]. Осознание национальных интересов и стратегических приоритетов России, новых угроз им и мер противодействия выражено в Концепции и Стратегиях национальной безопасности РФ, Стратегии–2020, Концепции и Стратегии государственной национальной политики РФ, а также в посланиях Президента России Федеральному Собранию РФ и других государственных документах, свидетельствующих о постепенном развороте российского политического процесса от либеральной космополитической модели в сторону национальных интересов. Для их реализации необходимо существенное повышение эффективности российского политического процесса, национального по ментальности и формам. Потребности его научно-обоснованной организации актуализируют и придают практическое значение исследованиям национального стиля развития политических процессов в РФ, ее регионах, а также в зарубежных странах.

Для выявления сущности национального стиля развития политического процесса обратимся к опыту использования термина «национальный стиль» в философии, лингвистике и других науках, содержащих большое количество его разнообразных определений, как правило, признающих первостепенное значение культуры для формирования соответствующего ей стиля поведения людей [6; 10; 12; 14]. По этому поводу О. Шпенглер писал: «Стиль, как и культура, есть первофеномен в строжайшем гегелевском смысле, все равно стиль искусств, религий, мыслей или стиль самой жизни. Как и «природа», стиль есть вечно новое переживание бодрствующего человека, его *alter ego* и зеркальное отображение в окружающем мире. Оттого в общей исторической картине какой-либо культуры может наличествовать только один стиль – стиль этой культуры» [29, с. 373].

Как утверждает профессор польского Института полонистики и культурологии С. Гайда, термин «национальный стиль» введен в научный оборот И.И. Винкельманом, И.Г. Гердером и И.В. Гёте в период

германского предромантизма (конец XVIII – начало XIX вв.) для характеристики «национального духа» и описания его влияния на радикальные социокультурные изменения, связанные с образованием наций и выработкой критериев национальной идентичности [6, с. 33–34]. Но применительно к социальному управлению, с которым непосредственно связан политический процесс, вопросы национального стиля впервые стали рассматриваться в начале XX в. американскими антропологами Р. Бенедиктом и М. Мидом, а позже – социологом А. Инклесом и психологом Д. Левинзоном, определявшими ключевые параметры национальных стилей через культурологические показатели: отношения людей к власти; режим взаимодействия государства и общества; средства разрешения конфликтов, включающие контроль агрессии и выражения чувств; формирование национальных особенностей семьи, образования, здравоохранения, экономики, политической системы, религии, систем социализации и отдыха [17].

В 1960–1980-х гг. голландский ученый Г. Хофстеде, изучивший особенности стиля управления экономикой в 40 странах, обнаружил взаимозависимость национальных культур с поведением менеджеров и рабочих [Там же]. Современные экономисты и психологи также отмечают национальные особенности систем управления персоналом в России, США, Украине, Японии и других государствах [26].

Российские ученые провели масштабные исследования национальных стилей в литературе, журналистике, вербальных и невербальных коммуникациях.

Так, М.П. Брандес выяснила, что «стиль – явление не объективно-го, а субъективного мира, это явление второй, человеческой природы, и в этом качестве он относится к миру культуры, т.е. миру вещей в широком смысле, созданному человеком» [3, с. 17].

Н.И. Клушина, признающая национальный стиль выражением уникальной идеологии, эстетики и этики нации, стремящейся к гармонии с Универсумом, отмечала, что национальный стиль в кросс-культурных исследованиях предстает как типизированный стиль «типизированного» представителя конкретной нации, и если национальный стиль рассматривать как феномен духовной жизни нации, то он, наоборот, предстает не как усредненный стиль национальной коммуникации, а как эталонный стиль нации [12].

В то же время, профессор Кёльнского университета М. Райхлен обнаружил в исследованиях связей стилей управления помимо теоретико-методологического подхода, условно называемого «зависимостью от культуры», наличие альтернативного подхода, названного «свободой от культуры» [20]. По причине всеобщей взаимосвязи условно

абстрагированных подсистем общества эти подходы могут применяться при изучении стилей развития всех социальных процессов, включая политические.

Методологический подход «зависимость от культуры» идеализирует доминантное влияние национальных культур на политическую жизнь общества, которая, несмотря на интеграционные кросс-культурные процессы в полиэтничных государствах [20, с. 34], сохраняет национальное своеобразие. Поэтому влияние культуры на формирование соответствующего ей стиля политической деятельности прямо зависит от того, насколько современное общество принимает, сохраняет в неизменности, эволюционно трансформирует или радикально обновляет ценности национальной культуры, дуализм которой проявляется, с одной стороны, в способностях к консервации ценностных компонентов, а с другой – к динамичному сущностному обновлению их субкультурных и контркультурных компонентов, стремящихся к интериоризации во все сферы общественной жизни.

Зависимость стиля развития политического процесса от культуры проявляется в том, что социокультура сообществ создает предпосылки для формирования своеобразных ментальностей и ритуалов поведения сограждан, а каждое новое поколение, постепенно замещающее предков, включается в политический процесс в ходе социализации, воспринимает утвердившиеся в обществе порядки и вынуждено воспроизводить доминирующую модель стиля поведения, поддерживаемую старшими поколениями посредством социального контроля. Вследствие этого, культура стабилизирует и закрепляет в общественном сознании и поведении такие стереотипы, которые общество признает своими национальными особенностями и стилем, идентифицируемым с конкретной этнической группой по ряду внешних признаков.

Методологический подход «свободы от культуры» исходит из того, что стиль управления не детерминирован социокультурной средой, а обусловлен технологическим прогрессом, проникающим во все сферы общества и предопределяющим их развитие согласно принципам рыночной конкуренции [Там же, с. 34–41]. Такой подход к изучаемому предмету имеет индетерминистский характер, исключающий объективность причинно-следственных связей (онтологический индетерминизм) либо эвристическую ценность их выявления и объяснения (методологический индетерминизм). По нашему мнению, такой подход ошибочно отрицает влияние национальных культур на стили управления из-за недостаточного учета диалектики технологических процессов, циклы которых состоят из периодов эволюционного нарастания внутренних противоречий и революционных скачков качества технологий,

переводящих процессы на новые уровни эволюционного развития до следующих качественных скачков, обусловленных новыми переходами количественных изменений в качественные.

Кроме того, промежуточные результаты процессов, имеющие отдаленные последствия и исторические перспективы, по-разному оцениваются индивидами и социокультурными группами в зависимости от доминирующих в их сознании социальных нормативов и ожиданий. В большой зависимости от культуры, включающей доминирующие технологии, акторы политики по-разному относятся к инновациям: поддерживают новые методы, способы функционирования и развития политических процессов или противодействуют им.

Согласно принципам синергетики, личностные качества акторов политики и другие субъективные факторы способны оказывать большее влияние на политические процессы, чем социокультурные и иные объективные доминанты [4]. С этим связана роль лидеров и иных структурных компонентов элиты в политике, а также невозможность безоговорочного использования принципа причинности при определении стилей развития политических процессов и объяснении выбора методов, способов действий их участников.

Поэтому в исследованиях сущности феномена, называемого «национальным стилем развития политического процесса», целесообразно использовать интеграционный методологический подход, который учитывает возможности воздействия на конкретно определенный местный, региональный, общегосударственный или глобальный политический процесс как социокультурной среды, организованной четко описанной в пространстве и времени национальной (этнической) группой, так и субъективных факторов, созданных акторами политики, способными действовать вопреки объективным предпосылкам и условиям. Для выявления субъективных факторов изучение стилей развития политических процессов необходимо начинать со структурно-функционального анализа конкретно определенного в пространстве, социокультурном окружении и времени политического процесса и выявления поведенческих характеристик основных акторов политики.

Предложенный нами интеграционный методологический подход может использоваться в исследованиях политических процессов в многонациональных государствах и регионах, где генезис национальной культуры осложнен полиэтничным составом политической элиты и характером взаимоотношений ее этнокультурных групп, варьирующимся в широком диапазоне от равноправного взаимодействия (этнического равноправия) до абсолютного доминирования представителей одного или нескольких родственных этносов, конфессиональных групп

(этнического или конфессионального доминирования). С учетом этих обстоятельств многонациональная политическая элита корпоративно вырабатывает компромиссный концепт «национального» стиля поведения, который либо интегрирует ценности этнокультур совместно проживающих народов, либо навязывает всем согражданам культурные ценности доминирующей нации или идеологизированные инокультурные космополитические ценности глобальной цивилизации. Легитимность, масштабы распространения и жизнеспособность такого концепта политическая элита обеспечивает посредством его оформления нормативно-правовыми актами, методами пропаганды и агитации, средствами государственно-правового и общественного контроля, вследствие чего указанный корпоративный концепт становится эталоном национальной идентичности и закрепляется в массовом сознании как национальный.

Однако политика мультикультурализма, проводившаяся в странах Западной Европы с 1960-х гг., породила искусственно созданные мозаичные поликультуры, включающие множество капсулированных этнических сообществ и ложно-национальных стилей поведения, претендующих на повышение их социального статуса и признание «общенародными», «национальными». Поэтому в полиэтничном обществе возможно формирование множества т.н. национальных стилей литературы, архитектуры и т.п. Их сравнительное исследование представляет академический интерес, связанный с разработкой моделей «национальных», «наднациональных», «глобальных», «цивилизационных» культур и соответствующих им стилей управления различными сферами общественной жизни.

Очевидное практическое значение имеют исследования национального стиля развития политического процесса в тех государствах и их регионах, в которых нации, этносы проживают компактно и не утратили национально-культурного своеобразия. К таким регионам РФ относится Чеченская Республика (ЧР). Среди ее населения (1,4 млн. чел.) 95,3% составляют чеченцы [7]. Их интериоризация в многонациональное российское общество сочетается с бережным отношением к материальным и духовным ценностям культуры чеченцев и других народов республики.

На материалах ЧР можно изучать своеобразие регионального политического процесса и национального стиля его развития, выявлять их зависимости от факторов общероссийского политического процесса и от культуры, менталитета народов республики.

В институциональной подсистеме регионального политического процесса, помимо республиканских органов государственной власти, высокий статус имеют традиционные институты гражданского общества,

образованные нахскими народами в средневековом периоде. К ним относятся чеченские тайпы и ингушские тейпы – местные сообщества территориально организованных самоуправляемых объединений родственников, свойственников. В Чечне более 150 тайпов с многолетней историей. Их привлечение к решению актуальных социально-политических проблем стало национальным признаком регионального политического процесса и стиля деятельности органов государственной власти республики. Так, первый президент ЧР А.А. Кадыров опирался на старейшин и других авторитетных лидеров тайпов в работе с населением районов республики, освобождаемых от незаконных вооруженных формирований ваххабитов и их сторонников.

Национальную специфику региональному политическому процессу придает совместная деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, духовенства и лидеров тайпов по примирению более 350 кровников (людей, находящихся в отношении кровной мести с другими родами), в социальной реабилитации молодых людей, подвергшихся влиянию экстремистских организаций или употребляющих наркотики.

По предложению главы ЧР Р.А. Кадырова тайпы в соответствии с народными традициями решили острые социальные проблемы обеспечения достойной жизни детей-сирот, одиноких стариков и инвалидов, которые, независимо от их национальности и вероисповедания, взяты в семьи родственников или под опеку соседей. Необходимую помощь им оказывают все члены тайпов. Теперь в ЧР нет детских домов и интернатов для одиноких стариков, инвалидов, а высвободившиеся государственные средства направляются на обустройство профилакториев для ветеранов и других лиц, нуждающихся в специализированной медицинской и социальной помощи.

Активными участниками общественно-политической жизни региона являются религиозные объединения. Они выполняют функции выявления, артикуляции, агрегации, реализации и лоббирования интересов верующих через своих членов, работающих в органах государственной власти и местного самоуправления. Чеченцы признают ислам традиционным национальным вероучением и непримиримо относятся к попыткам ваххабитских проповедников исказить его. В целях создания благоприятных условий для соблюдения мусульманами обязательных ежедневных ритуалов, укрепляющих веру, органы государственной власти республики и органы местного самоуправления, руководство предприятий, учреждений и образовательных организаций оборудуют в своих офисах помещения для совершения молитв, учитывают в распорядках работы время намазов и 30-дневных постов – ураза.

Одобрается участие руководящих работников органов государственной власти и местного самоуправления республики в религиозных праздниках и ритуалах, признанных жителями республики традиционными, народными.

Национальный стиль развития политического процесса в ЧР проявляется в региональной политической культуре, к компонентам которой относятся государственные символы республики. Например, в центре Государственного герба ЧР, обрамленного чеченским орнаментом, стилизованно изображены национальные символы единства и вечности: историческая башня вайнахов и нефтяная вышка, а на фоне горных вершин – полумесяц и звезда. Государственный флаг ЧР, украшенный национальным орнаментом, состоит из цветных полос, символизирующих верность исламским традициям, плодородие земли, вечность и богатство, добрые помыслы и стремление к миру, благородство, отвагу и мужество. Текст и музыка Государственного гимна ЧР написаны чеченскими авторами в стиле, характерном для национальной поэзии и музыки.

Особенности менталитета чеченцев, проявляемые в национальном стиле регионального политического процесса, сформировались под влиянием духовно-нравственных учений авлия (правоверных религиозных деятелей), последователи которых создали своеобразные общины – вирды (братства по вере, объединяющие последователей авлия, в Чечне традиционно относятся к Накшбандийскому и Кадирийскому суфийским тарикатам). Так, обращение особо почитаемого вайнахами суфийского шейха Кунта-Хаджи Кишаева (1812–1867) со словами: «Злого победи добротой и любовью. Жадного победи щедростью. Вероломного победи искренностью. Неверного победи верой. Будь милосердным, скромным, готовым жертвовать собой» [1] и призывами к всеобщему миру, аскетизму, духовному совершенствованию, богопознанию нашли всенародную поддержку, легли в основу конфессиональной и национальной морали, а стремление к соответствующему этим словам образу жизни вошло в число эталонных признаков стиля поведения не только религиозных и политических деятелей, но и большей части жителей республики, стало критерием национальной идентичности.

Еще одна особенность менталитета чеченцев – свободолюбие и нетерпимость к его притеснению – связана с отсутствием в истории народа периодов сословного деления общества. По этой причине социально-политические коммуникации в регионе строятся на принципах равноправия, а легитимность и общественное признание политиков определяется согражданами по соответствию их деятельности принципам добропорядочности, благочестия и общественной пользы. Причем, согласно

народным традициям, оценочные суждения об отдельных людях распространяются в общественном сознании на всех членов семей, родов, тайпов, вирдов и иных объединений, к которым они принадлежат. Такие традиции стимулируют социальный контроль старших поколений и сверстников за поведением сограждан, мотивируют их общественно полезную деятельность.

Региональное законотворчество, являющееся составной частью политического процесса, строится с учетом национального обычного права, выраженного в адате (своде обычно-правовых норм, регулирующих разнообразные сферы имущественных, семейных и иных отношений, созданном на основе национальных культурных традиций, исторического опыта нормотворчества и правоприменения). Это способствует формированию единого правового пространства, которое органы государственной власти и органы местного самоуправления поддерживают с использованием имеющихся в их распоряжение средств правового принуждения, а институты гражданского общества, включая тайпы, конфессиональные и иные общественные объединения, – с применением морально-психологических мер социального контроля и не запрещенного законодательством общественного воздействия. Например, борьба с пьянством и табакокурением стала всенародным делом. В ЧР предприятия торговли и общественного питания, независимо от их форм собственности, не продают алкогольные и табачные изделия, а появление пьяных или курящих людей в общественных местах считается грубейшим нарушением общественного порядка. За такие проступки государственные и муниципальные служащие могут быть дисциплинарно наказаны, вплоть до увольнения с работы. Таким образом, здоровый образ жизни становится отличительным национальным признаком политической элиты.

Результаты нашего включенного наблюдения за коммуникациями акторов политики ЧР совпадают с выводами Т.В. Лариной о том, что национальный стиль обнаруживается в вербальной коммуникации как национально-специфическом типе коммуникативного поведения, формируемом под влиянием социально-культурных отношений, культурных ценностей, норм и традиций [14, с. 26–31]. Однако своеобразный кодекс чести чеченцев – свод национальных этических норм «Нохчалла» – содержит описания традиционных ритуалов и обрядов, правил поведения в семье и общественных местах, в которых большое внимание уделяется мимике и пантомимике, выбору пространства межличностного общения и другим невербальным сигналам. Поэтому в ЧР национальный стиль обнаруживается как в вербальной, так и в невербальной коммуникации.

Национальный колорит проявляется в архитектуре зданий органов государственной власти и органов местного самоуправления республики, окружающем их ландшафтном дизайне. Так, автодорожные въезды на территории ЧР, г. Грозный и других муниципальных образований, резиденции главы, правительства и парламента республики украшены стилизованными вайнахскими сторожевыми башнями и надписями-указателями на чеченском и русском языках.

В стиле одежды политических деятелей ЧР присутствуют национальные компоненты, которые получили развитие в молодежной моде, одобряются старшими поколениями, уместно использующими этот же стиль.

Для многих чеченцев эталонным является стиль поведения главы республики Р.А. Кадырова. В его стиле поведения проявляются верность общероссийским национальным интересам, приверженность культуре многонационального народа ЧР, исламской религиозной морали и адату.

Приведенные примеры способствуют пониманию проблем формирования национального стиля поведения политической элиты полиэтничных народов, каждый из которых в процессе эволюции выработал собственную этнокультуру и соответствующий ей национальный стиль социального поведения в различных сферах общественной жизни, включая политику.

Таким образом, термин «национальный стиль» можно использовать для обозначения устойчивых особенностей мировоззрения, менталитета, мотивов поведения акторов политики, соответствующих культуре определенных наций, этносов, а термин «национальный стиль развития политического процесса» – для характеристики совокупности устойчивых структурно-функциональных, институциональных, нормативно-правовых, коммуникативных и деятельностных особенностей политических процессов, изменяющихся согласно культурным традициям конкретной нации или суперэтноса.

Так как политическая система определяется территориально и функционально на разных уровнях политической организации человеческого общества, то употребление термина «национальный стиль развития политического процесса» приобретает практическое значение только при идентификации с конкретной нацией, этносом, а термин «цивилизационный стиль» может использоваться для характеристики национально не определяемой (наднациональной, цивилизационной) модели развития политических процессов.

Библиографический список

1. Акаев В.Х. Жизнь и учение Кунта-Хаджи. Грозный, 1994.
2. «Большая восьмерка»: возрождение лидерства // Россия в глобальной политике. 2003. № 2. 10 июня. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_1008 (дата обращения: 15.09.2017).
3. Брандес М.П. Стилистика текста: теоретический курс (на материале немецкого языка). 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
4. Буданов В.Г. Синергетическое моделирование сложных систем и практическая философия // Философские науки. 2007. № 5. С. 57–66.
5. ВАК. Нормативно-справочная информация. Паспорта научных специальностей. URL: <http://vak.ed.gov.ru/316> (дата обращения: 12.09.2017).
6. Гайда С. Национальный стиль как стилистическая категория // Жанры речи. 2016. № 2. С. 33–40.
7. Глава и Правительство Чеченской Республики. Официальный портал. URL: <http://vestikavkaza.ru/analytics/Klany-i-tarikaty-v-Chechne-1.html> (дата обращения: 15.09.2017).
8. Гумилёв Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992.
9. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1992.
10. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: Коллективная монография / Под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. 3-е изд. М., 2016.
11. Ионов И.И. Рождение теории локальных цивилизаций и смена научных парадигм // Образы историографии: Сб. М., 2001. С. 59–84.
12. Клушина Н.И. Язык прессы. Медиазация современной культуры и русский национальный стиль // Русская речь. 2014. № 1. С. 66–73.
13. Кребер А. Стиль и цивилизация // Культурология: Дайджест. № 1 (16) / Гл. ред. И.Л. Галинская. М., 2001.
14. Ларина Т.В. Национальный стиль вербальной коммуникации: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2005. № 7. С. 26–31.
15. Никулин Н.М. Россия на рубеже веков. Конец XX – начало XXI в. М., 2016.
16. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стеротип. М., 1988.
17. Пермякова Л.Д. Влияние национальной культуры на организационную культуру публичной службы // Электронный журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. URL: <http://jurnal.org/articles/2012/kult2.html> (дата обращения: 18.09.2017).
18. Полторецкий С.В. Основные этапы участия Российской Федерации в «Группе семи». URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-politology-2016-2/2-poltoretskii.pdf> (дата обращения: 14.10.2017).
19. Приказ Минобрнауки РФ от 25 февраля 2009 г. № 59 «Об утверждении номенклатуры специальностей научных работников». URL: <http://vak1.ed.gov.ru/ru/docs/?id54=2&i54=1> (дата обращения: 12.09.2017).
20. Райхлен М. Влияет ли национальная культура на стиль управления? // Экономическая стратегия. 2001. № 4. С. 34–41.
21. Рандма-Лийв Т. О применимости «западных» теорий государственного управления в посткоммунистических странах // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 2. С. 73–87.
22. Семенов В.С., Гранов В.Д., Наумова Т.В. Россия в начале XXI века: новый курс / Отв. ред. В.С. Семенов. М., 2005.

23. Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. М., 1998. С. 38–46.
24. Старобинский Ж. Слово «цивилизация» // Поэзия и знание. История литературы и культуры / Старобинский Ж., Васильева Е.П., Дубин Б.В. и др. В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 110–149.
25. Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской национальной идентичности // Власть. 2015. № 4. С. 195–200.
26. Фантаз С. Национальные особенности систем управления персоналом: Япония, США, Россия, Украина. URL: <http://www.hr-portal.ru/article/nacionalnye-osobennosti-sistem-upravleniya-personalom-yaponiya-ssha-rossiya-kraina> (дата обращения: 12.10.2017).
27. Февр Л., Бобович А.А., Гуревич Ф.Я. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Бой за историю. М., 1991. С. 239–281.
28. Швейцер А. Об этических основаниях цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. М., 1998.
29. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории / Пер. с нем., вступ. ст. и прим. К.А. Свасьяна. М., 1993.
30. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2003.

Аюб Магомедович Сайдарханов – кандидат политических наук; заместитель директора, гимназия имени К.Б. Гумхановой, г. Грозный

E-mail: a.maret@mail.ru

A.M. Saydarkhanov

On the methodological basis of study of national styles of political processes development

The article provides a linguistic and informative analysis of the political science terms “civilizational and national styles of development of political processes” included in point 9 of the passport of the scientific specialty 23.00.02 “Political institutes, Processes and Technologies” to designate one of the branches of scientific research. On the basis of comparative analysis of the experience of applying the term “national style” in various scientific areas, the author concludes that this term can be used to characterize the trends in changes in the aggregate of stable structural, functional, institutional, regulatory, legal, communicative and activity features of political processes, their conformity to the cultural originality of the corresponding nations, and ethnic groups. The materials of the Chechen Republic show a specific interrelationship between the culture of the peoples of the republic and the regional political process whose development style, in the author's opinion, can be called “national”.

Key words: national style, national culture, regional political process, national style of political process development.

Saydarkhanov Ayub M. – PhD in Political Science; deputy director, Gymnasium named after K.B. Gumkhanova, Grozny

Л. Саваста

Легитимность сирийских курдов: вызовы и пути достижения

В статье рассматривается современное положение сирийских курдов с политической точки зрения, в частности, как они могут получить легитимацию (политическую и гражданскую) в региональном контексте, что подразумевает международную оценку этого процесса. В начале статьи автором дается определение этнической группы «сирийские курды», исследуется ее статус (в прошлом и в настоящем) как крупнейшего этнического меньшинства, непризнанного в Сирии, представители которого проживают на территории четырех государств (Турции, Сирии, Ирана и Ирака), что существенно осложняет их положение. В статье рассматривается понятие политической легитимации, определяются субъекты (региональные и международные), обладающие правом легитимации сирийских курдов, раскрывается процесс легитимации, а также отличие статусов «легитимный» и «легальный». В качестве примера в статье рассматриваются попытки легитимации одной из партий, представляющих интересы курдского меньшинства, – партии «Демократический союз» (Partiya Yekîtiya Demokrat, PYD), а также роль России в определении места данной партии в политической структуре Сирии. Это касается также того, как Россия может влиять на окончательное решение относительно определения возможной позиции партии внутри страны. В заключительной части статьи описываются несколько путей достижения легитимации партии «Демократический союз», учитывающих позицию гражданских, региональных и международных субъектов (в частности, России, Турции и США), способных признать право на существование политической партии или группы внутри страны.

Ключевые слова: сирийские курды, Россия, моральная легитимность, международная легитимность, партия «Демократический союз» (PYD).

L. Savasta

The case of Syrian Kurds: challenging and challenged legitimation inside the country

This article discusses the position of Syrian Kurds under the political point of view, in the specific of how they can obtain legitimation (political and civil) from a regional vision, touching also the international point of view. It starts giving an overview of who are Syrian Kurds, the current and past conditions as unrecognized minority inside the Syrian borders and the fact that their presence in four countries (Turkey, Syria, Iran and Iraq) complicates their problem more than how it is. It introduces the concept of legitimation in political science, it explains the actors that can define somebody as legitimate or not (regional and international). It develops the way in which they can do it and it makes also a distinction from the term 'legal'. It describes how the Democratic Union Party, known as PYD (Partiya Yekîtiya Demokrat), is in search for legitimation inside the country and how it can gain it taking into consideration as main factors the military power and the already working institution in their territory. It touches also how Russia can influence the final decision regarding which will be the possible position inside the country. The final part of the text gives a series of ways of how this legitimation can be reached. It takes into consideration civil, regional and international actors (as Russia, Turkey and US) which can make this declaration that can define a political party or a group as legitimate inside the country, giving them in this way the moral and legal right to rule.

Key words: Syrian Kurds, legitimization, Russia, moral legitimization, international legitimization, Partiya Yekîtiya Demokrat (PYD).

Introduction

The Kurds have, from the Ottoman Empire, had an unstable and not clear status, they have achieved a special form of national existence and depends entirely on the goodwill of the countries where they reside, goodwill that often is not so visible. In some of these countries Kurds can have a measure of self-rule form, as the example in Iraq, but their security cannot be always granted; in Turkey, the use of the Kurdish language is barely tolerated, and Kurdish national rights are not recognized. Regarding Iran and Syria, Kurds are/were subjected to the rigors of repressive rule. The Kurds of Syria,

in contrast to the Kurds of Iraq and Turkey, are little known in the West, but they have similarly strained relations with the state that governs them and face human rights abuses as a minority. The Syrian state's repression of its Kurdish population, which thus far has not sought a separate state, may contribute to Kurdish claims for self-determination in Turkey, Iran, and Iraq [8, p. 48–53]. According to current estimates, there are nearly 1.5 million Kurds in Syria, or approximately 9% of a total population of 22 million, making them the largest non-Arab minority in the country [Ibid.]. They are concentrated primarily in the north and northeast of the country, in the Jazeera, Efrin, and Ain al-Arab regions [16, p. 1–12]. A substantial Kurdish population also lives in Hasakah province in the northeast; a smaller number live in Damascus. In Syria they've never had an easy life, the Syrian government even began to replace the names of Kurdish villages and sites with Arabic ones [ibid]. Moreover, the majority of Kurds are refused Syrian documents in Hasakah province, especially in Malkia and the cities of Qamishli and Ras al-Ain, either Kurds classified as foreigners carry red identity cards that permit them to be recorded as aliens in official records [Ibid.]. They cannot, however, obtain a passport or leave the country. Concealed Kurds carry only a yellow definition certificate, or residence bond, issued by a local *mukhtar* (chieftain) and used purely to identify the holders whenever authorities found it necessary to do so [9, p. 1–12]. Though authorities issue the certificates, official Syrian institutions do not accept them, so for all intents and purposes the holders of yellow documents have no official status as Syrian citizens [16, p. 1–12]. The issue of Kurdish rights in Syria started to become quite known worldwide in the last 20 years, but it was not until the 1980s and 1990s, these years have been crucial to both national and regional politics. The Kurds lived outside Syria have been a constant concern in the region because of the conflict between Iraqi Kurds and the Saddam Hussein regime as well as the brutal longstanding struggle between the Kurdistan Workers Party (PKK) and the Turkish government [3, p. 1]. The Kurds of Iran have appeared traditionally less threatening to political stability, perhaps because Tehran controls Iran's population so stringently.

What is legitimation and how it appears

A good start for better understanding the situation is to give a sort of comprehension regarding the meaning of legitimacy. In political science, legitimacy is the right and acceptance of an authority, usually a governing law or a régime where as “authority” denotes a specific position in an established government the term “legitimacy” denotes a system of government, wherein “government” denotes “sphere of influence” [13]. An authority viewed as legitimate often has the right and justification to exercise power.

Political legitimacy is considered a basic condition for governing, without which a government will suffer legislative deadlock(s) and collapse [13].

In moral philosophy, the term “legitimacy” is often positively interpreted as the normative status conferred by a governed people upon their governors' institutions, offices, and actions, based upon the belief that their government's actions are appropriate uses of power by a legally constituted government. The political legitimacy of a civil government derives from agreement among the autonomous constituent institutions-legislative, judicial, executive-combined for the national common good. One way civil society grants legitimacy to governments is through public elections. [Ibid.] We have different examples in political philosophy of what does this term means, many of them have various views about it; I think that we could concentrate all these ideas in Kant's view, which says that political authority is created by the establishment of political institutions in the civil state. It does not pre-exist in individuals in the state of nature, what exists in the pre-civil social state, according to Kant, is the moral authority of each individual rational being and a moral obligation to form a civil state. Legitimacy, for Kant, depends on a particular interpretation of the social contract [Ibid.]. The juridical concept of political legitimacy is often seen as a sort of justification for those that are ruling at the moment, in this way the main function of political legitimacy is to explain the difference between merely effective or *de facto* authority and legitimate authority. The main function of legitimacy is precisely to justify coercive power, the main problem that a conception of legitimacy aims to solve is how to distinguish the rightful use of political power from mere coercion. One way to capture the thought is that legitimacy relates to the way in which the rightful use of political power creates or constitutes political authority [Ibid.].

There is a difference to point out, which is the one between legalization and legitimation. In our case, both political parties which represent the Syrian Kurds are legal, also the PYD, even if Turkey continues to accuse it as a ‘divided brother’ of the PKK. Maybe at the birth of this party the ideology could have been the same, or very similar, to the one of the Turkish representative, but the matrix is absolutely a different one, this is the main reason why in Syria they are legal. To be legal describes something or someone as having to do with or being permitted by the law or system of laws in a country or organization [7, p. 1].

But how a party or a group can gain legitimation inside the country? First of all it has to be in a position to exercise authority; there must be a transformation of power into this one. They should have a moral right to rule, which means that they have to gain the consent of the people which allow to govern them, and when there are formal constitutional basis we can see legitimacy [Ibid.].

Syrian Kurds belong both to the Kurdish National Council (KNC) or the Democratic Union Party (Partiya Yekîtiya Demokrat, or PYD), a branch of the anti-Turkish Kurdish Workers' Party (Partiya Karkerên Kurdistan, or PKK) that is based in northern Iraq. Syrian Kurdish political demands can be seen and perceived in two/three different ways: from assimilation into a new Syrian state to self-rule or outright independence [7, p. 1]. KNC has said it is interested in federalism and political decentralization, which suggests an autonomous Kurdish government to apply wherever a Kurd is. Regardless, Syria's Kurds seem unwilling or unable to articulate how their vision for a new state would work in practice [Ibid.]. They will probably reject any post-Asad settlement or transitional government in which Turkey can be involved, but they have few alternatives. Syrians Kurds are unlikely to play a significant role in ending or rescuing Asad's regime, but they are armed and dangerous and could pose a major challenge to a post Assad government. But, whatever their ambitions or hopes, they have to be ready to be opposed by Turkey.

Syrian war and Kurdish political and military impact

The establishment of *de facto* autonomy in Syria's Kurdish majority areas has turned the Kurds into key actors in the conflict in Syria. Since then the connection between the conflict in Syria and Kurdish politics in Turkey and Iraq has increased significantly, as seen most strikingly during the siege of the Syrian town of Kobane [4, p. 1–20]. The establishment of the Kurdistan Regional Government (KRG) in Iraq, which governs the Kurdistan Region of Iraq (KRI), and a limited rapprochement between the Turkish state and its Kurdish population in the 2000s gave rise to a feeling of unprecedented opportunity for the more than 35 million Kurds in the region. This feeling intensified in late 2013 with the creation, as a result of the civil war in Syria, of the autonomous administration of Rojava (Western Kurdistan) [Ibid.]. Across the region, Kurds seem to sense that their moment has arrived. Syrian Kurdish representatives and opposition groups have diverging views about the nature of Kurdish rights in a post-conflict Syria. This key issue prevents the inclusion of Kurdish demands into the program of the Syrian National Coalition and other Syrian opposition groups. The Kurdish movement in Syria is itself deeply divided, and these splits are exacerbated by the influence of Kurdish and state actors outside Syria [Ibid.]. The legitimacy of the dominant Syrian Kurdish political party, the Democratic Union Party (PYD), is questioned by other Kurdish parties in Syria (and elsewhere), by the Syrian opposition and by neighbouring states. Moreover, the PYD and the Rojava project need to be understood within the broader context of trans-state Kurdish nationalist politics, the key factors in which are the influence of Turkey's Kurdistan Workers.

Party (PKK) and the tension between that movement and the KRG in Iraq [8, p. 48–53]. Another consequence of the Syrian war for the Kurds has been the disruption caused by jihadist groups in both Syria and Iraq – particularly by Islamic State of Iraq and Syria (ISIS), as its offensive against the Kurds demanded a military response [5]. Kurdish forces in Syria have been fighting jihadists since 2012, most notably during the recent siege of Kobane. ISIS's impact has extended beyond the military sphere, as its emergence has loosened previous alliances and enmities among the Kurds [4, p. 1–20]. The 2011 civil war in Syria and have created the conditions for a major shift in Kurdish politics and society in Syria. Most Kurdish political parties trace their descent from the Kurdistan Democratic Party of Syria – the first Kurdish nationalist party – which was founded in 1957 [Ibid.]. The PYD is openly a member of the Union of Kurdistan Communities (KCK), the umbrella body for groups supportive of PKK ideology and goals. At the outbreak of the Syrian civil war, the PYD was one player among many in Syrian Kurdish politics [Ibid.]. By the summer of 2012, as Syria collapsed into warring factions and fiefdoms, the PYD moved decisively to assert control over three pockets of territory with majority Kurdish populations in the north of the country: Jazira, Kobane and Afrin [8, p. 48–53]. By late 2013/early 2014 the PYD had styled these as cantons of local administration under the collective name Rojava ('West') to represent Western Kurdistan, and had held elections to local assemblies [4, p. 1–20]. The official Syrian government and the PYD are not natural bedfellows, but the expedience of war and the fact that both share mutual enemies have led to an understanding for the time being. Rojava marks the first attempt at government based on the political theory of democratic confederalism (or democratic autonomy), but till nowadays the project remains quite fragile. Whatever it will be its future, the creation has somehow altered the Kurdish nationalist discourse; trapped in such a hostile and dangerous environment, Kurds have had no alternative but to create their own government as a means of protecting their security [Ibid.]. The demise of state authority in Syria is creating an unprecedented opportunity for Kurds in the country and in the region, who have acted with speed to organize themselves politically and militarily. However, despite constituting roughly 10% of Syria's population, the Kurds do not on their own have the sufficient political or military power to determine the outcome of the conflict or their own future trajectory. In Syria, as we saw, the Kurds are short of friends, the Arab nationalist Assad government is and has always been implacably opposed to their autonomy, and would not remain passive if it were able to act against Rojava [11, p. 16–32]. Islamist groups are committed to Rojava's destruction, and the non-Islamist parts of the Syrian opposition remain Arab nationalist in orientation and therefore do not support Kurdish autonomy [Ibid.]. Turkey

is opposed to Rojava as much as to the Iraqi Kurds (in this moment maybe even more to these after the referendum for the independence), and the international community is unsure how to deal with the enclave. Kurdish political parties in Syria do not advocate the creation of an independent Kurdish state; rather, their goal is extensive autonomy, pluralist democracy and recognition of the rights of all ethnic and religious minorities in Syria [4, p. 1–20]. Kurdish political issues must be viewed simultaneously as domestic issues in each of the four states and as regional geopolitical issues.

For whom they are legitimate and when

During the conference in Damascus in the beginning of May 2017, it has been shown one of the strongest signs of support for Syria's Kurds when it has been officially recognized that the Syrian Democratic Force has been the most effective in fighting IS in Syria. Walid al-Moualem (Syrian Foreign Minister) said the Kurdish battle against the Islamic State (ISIS) inside Syria was "legitimate" and one aimed at helping to preserve Syrian unity [14]. Moualem responded to a question about U.S. support for Kurdish groups, including the People's Protection Units (YPG), during this conference. "I think that what the Syrian Kurds are doing in fighting Daesh is legitimate in the framework of their keenness on preserving the unity and integrity of Syrian territories", [15] he said using the Arabic acronym for ISIS. As I wrote already, Turkey sees the YPG and the Democratic Union Party (PYD) as "terrorist organizations" as it says they have ties with the Kurdistan Workers' Party (PKK), which is designated as a terror group by Turkey, the U.S., and the EU. Washington does not look them as terror groups, in contrast, the U.S. has actively cooperated with them in the fight against ISIS in Syria. Turkish President Recep Tayyip Erdogan threatened on April 30 to take further action against the Syrian YPG and the PKK, slamming the patrolling of U.S. troops alongside the YPG on the Syrian-Turkish border [14]. The fact is that Syria is without a functioning government in many areas but not without governance. As already said, the PYD took control of the region following the Syrian official government's handover, in doing so, it has displayed pragmatism and strategic clarity, and has benefited from the experience and institutional development of its affiliate organization, the Kurdistan Workers' Party (PKK) [12]. The PYD now seeks to further consolidate its power and to legitimate itself through the provision of security, services and public diplomacy; yet its local legitimacy remains contested. It is an effective provider of services, its provision varies across Rojava: in areas where the PYD co-exists with government's authorities, a myriad of institutions have developed, sometimes creating parallel structures [6, p. 1–28]. Meanwhile, in areas where the PYD enjoys greater control,

power remains centralized, despite that it claims to decentralize power to the local level. In Arab-majority areas such as Manbij, locals report that the PYD ensures that only representatives that are loyal to it are able to govern, undermining the legitimacy of the new structures in the eyes of the local community [6, p. 1–28]. Unlike other Kurdish parties, which were politically active, but institutionally weak, the PYD, through PKK affiliates, already had experience, networks and governance institutions set in place years before the Syrian civil war [Ibid.]. This infrastructure has played a key role in incubating the current Rojava project. The institutions built by this Kurdish group now run functions previously performed by the Syrian state, varying from the provision of security and public services to restructuring society in accordance to the PYD's own ideology. These functions are ostensibly managed in a decentralized manner by local councils and assemblies through the Democratic Autonomous Administration (DAA) system across three cantons which form Rojava [Ibid.]. For many locals, when questioned about the Rojava governance project, they complain in response, 'you mean the de facto authority?' [Ibid.]. The PYD's Kurdish opposition and critics exclaim that the Rojava leadership is illegitimate, authoritarian and seeks only to increase PYD power and control at the expense of its own population and local neighbours. Legitimacy itself as we saw at the beginning is a subjective concept, local legitimacy implies social and political trust, unforced public acceptance of the governing power relations and structures, as well as responsiveness to shared rights and obligations [Ibid.]. Without these, the effectiveness and legitimacy of any governance cannot be sustainable. But we have to take into account also the international actors that are now playing an important role in the country, as Russia and its proposal of making the Kurdish region independent. Kurds proposed a model of federal state where the now regions of Rojava can be autonomous but still a part of the whole Syrian state, so in their minds independence wasn't the last step. Of course the Assad official Syrian government denied any possible federalization of the state and recently the Assad's advisor Shaaban said earlier remarks made by Foreign Minister Walid al-Moualem that Damascus was ready to negotiate autonomy with the Kurds were "misinterpreted" [1].

PYD in search for legitimization

Benefitting from a huge and well working network locally, in Turkey and across Europe, the PYD relies on three governance factors to legitimize itself: The provision of security, public services, and public diplomacy [2, p. 393–413]. And while, under the DAA (Democratic Autonomous Administration) and TEV-DEM (The Movement for a Democratic Society), the PYD manages these factors relatively well in Kurdish-majority areas but

still with some problems, the main difficulty is the lack of true representation of local actors not subservient to the PYD in the Rojava project structures. This challenges both its quest for local legitimacy and its ability to govern effectively and sustainably. In order to assess these governance factors, it is first necessary to analyze the institutional development of the Rojava project [2, p. 393–413]. In doing so, it is clear that the infrastructure that has developed inside is complex and not uniform across its self-declared territories [6, p. 1–28]. Given the difficult conflict environment in which Rojava has emerged and the momentary success achieved, a critical question arises: to which extent Rojava represents the implementation of PKK leader Abdullah Öcalan's concepts of 'democratic confederalism' and 'democratic autonomy'? These concepts reject the hierarchical and patriarchal nation state, the beliefs of this political vision are radical democracy and self-governance, gender equality, an ecological society, and a cooperative economy [Ibid.].

The Rojava model of democratic autonomy represented by the DAA appears to possible mirror of the Group of Communities in Kurdistan (KCK). The KCK most likely formed the base of structures from which the Rojava project has developed, a comparison between the KCK and DAA structures, reveals parallels. The DAA consists of three cantons: Cezire (Jazira in Arabic), Efrin and Kobane (Ain al-Arab in Arabic). Each of these has its legislative, judicial and executive councils and one general coordinating council acting for all the cantons, these have academies, committees, commissions and cooperatives operating within them [Ibid.]. Committees and commissions under the executive function focus on areas related to diplomatic, social, political foundations, economic, legal and self-defence functions. According to the Rojava leadership, cantons work in a decentralized manner with administrative autonomy, each canton is said to have its own constitution, government, parliament, courts, laws and municipalities in a manner compatible with the charter of the democratic autonomy of Rojava [Ibid.].

The success of the PYD's fight against the Islamic State has given a sort of commonly approved legitimacy, on the international level and of course in Kurdish-majority areas in Syria, but still Arab-majority areas maintain a different dynamic and a different vision.

The United States sees the YPG as the most effective fighting force on the ground against ISIS. It has increased its level of assistance since the ISIS offensive in Kobane, which commenced in September 2014 and ended with the recapture of Kobane and its nearby villages from ISIS by early 2015 [Ibid.]. Instead the view of the other external player, Russia, is more difficult to discern, but it apparently sees the PYD as consistent with its anti-Free Syrian Army stance and with its support for the Assad official Syrian

government. Till now Russia has provided several diplomatic channels for the PYD, the last it was the possible invitation to the peace talks which were planned for the 18th November 2017 but at the beginning of November they decided to postpone them [10, p. 1–20]. The reasons can be several, one could have been the firm opposition by Turkish representative in dealing with a group that they consider as terroristic one. Voices from the Turkish side said that once the next date will be set the PYD will not be invited to the congress, which aims to discuss the future constitution of Syria [15].

The PYD/YPG had declared their desire for an autonomous region in Syria's north since the beginning of the Syrian civil war, and as the war progressed, it positioned itself as a key player for the future of Syria by overtaking large swaths of land in northern Syria with the help of the US [12].

Although backed by the US, Russia has also tried to get a hand on the group. After the first round of Astana talks in January, where Turkey had barred PYD/YPG participation, Russia invited various groups from Syria, including the PYD to a meeting for a draft constitution in Syria [9, p. 1–20]. The document included a provision on “autonomy of Kurdish regions” [15] and except Russia the only party which was ready with a draft of a new constitution were the Kurds; surprisingly their document didn't contemplate the independence of Syrian Kurds. Of course is not an easy situation the one that Russia has to face and it has to move quite carefully due to the other actors that are playing their cards in the conflict. But Russia always underscored that the Syrian crisis can only be resolved by political and diplomatic methods. [17] On September 14–15, 2017 in Astana a trilateral Iranian–Russian–Turkish coordinating centre has been established and four de-escalation zones were finalised [Ibid.]. This process has spurred intra-Syrian dialogue under the auspices of the UN. The deputy foreign minister Gennady Gatilov has remarked in his speech during the 72nd UN General Assembly, hold the 22nd of September 2017, saying that “it is necessary to ensure the participation of Kurdish representatives during dialogue with the Government of the Syrian Arab Republic. Efforts to bar them from searching for conflict resolution options might serve as a time bomb for the future of Syria and the entire region” [Ibid.].

Kurds' success on the battle against ISIS has given a boost to the Kurdish cause, and to the YPG/YPJ specifically. Minorities such as the Yazidis and the Syriac saw (and still they do) the YPG/YPJ protection against ISIS attacks as fundamental to their survival. The PYD's military success against ISIS derives from institutional and organisational strength, its members say that it benefits from fighters with years of experience fighting with the PKK but highlights that these are no longer PKK members and that they have no affiliation with the KCK or PKK organisations. The perceived local

legitimacy attributed to this military success and to the Rojava administration's security institutions, depends on the security context across the different PYD-controlled regions in Syria. Its effectiveness in the provision of services is a critical factor in building local legitimacy. Effectiveness here means these facilities need to be equitable and sustainable, it relates to what services are provided, how they are managed and by whom. The PYD has been outstanding in its ability to arrange these services despite the difficult situation in Syria. But in all the places ruled by them there are different opinions regarding this issue, mainly given by an ethnical factor and/or by the doubt of whether or not they can be trustable.

Conclusion: Looking for a way of diplomatic legitimation

The Rojava project is a good example for explaining Kurdish ability to communicate and create solidarity using traditional and new media (with the diaspora, mainly based in Europe, kurds were able to run global campaigns like the one for the Peace in Kurdistan and mobilize solidarity networks globally), as well as diplomacy institutions and networks. Moreover the institutions are well working if we compare with what we can find now in the rest of the territory of Syria, gender equality is a key discourse promoted for local Kurds showing the Kurdish struggle, protection and rights. The example of female fighters in the peshmerga forces is a very well developed system of gender equality. It also benefits from educated leaders capable of tailoring media messages to a diverse audience and from decades of activism, taking the path of diplomacy and law instead of speaking with the taste of hate in their mouth.

Regarding whether or not they can be described as a legitimate group acting for the freedom of the country, we still have to diversify it from local to international. At the local level, legitimacy means more than just the provision of services, security and public diplomacy image management, all of which even authoritarian states can do in quite a good way. Legitimacy here means a non-authoritarian approach that enjoys social and political trust from the different components of society (which means also different ethnic groups). It involves the ability of building a social contract based on real participation and representation from different components of the society and non-coerced acceptance of the institutions [6, p. 1–28]. If we instead pass to the international approach, things become more complex. For some countries Kurds are something to consider as dangerous and as possible destabilizing group, for other instead they are a sort of security, balance and ally in the fight against terrorism and extremism in the region. Russia for example has a difficult role in the Syrian war, because it recognizes the importance of the Kurds and how much they have helped in withdrawing ISIS

fighters, but it has also to confront its ideas regarding them with the ‘historical enemy’ of this ethnic minority, Turkey. The main problem that Russia has to face is how to deal with ‘cat and dog’, how to bring a sort of compromise between these two actors, and it’s hard to believe that if a decision will be made one of the two will agree and keep silence without trying to show (even with the violence) its disagreement. But even with the withdrawal of Russian forces, Russia plays a key role in the restoration of Syrian state and this can be somehow positive for Syrian Kurds too. How much this can be in Kurds’ favour will depend on how much Turkey will provoke.

References

1. Assad aide: Syrian Kurds must learn lesson from fate of Kurdistan region. *Rudaw*. 2017. November the 8th. P. 1.
2. Casier M. Designated Terrorists: The Kurdistan Workers' Party and its Struggle to (Re)Gain Political Legitimacy. *Mediterranean Politics*. 2010. Vol. 15 (3). Pp. 393–413.
3. Francis E. Iraq Kurdish vote may benefit Syrian Kurds, say their leaders. *Reuters*. 2017. September the 27th. P. 1.
4. Gunes C., Lowe R. The impact of the Syrian war on Kurdish politics across the Middle East. *The Royal Institute of International Affairs*. July 2015. Pp. 1–20.
5. Harrison R. Towards a regional strategy contra ISIS. *Parameters*. 2014. Vol. 44 (3).
6. Khalaf R. Governing Rojava. Layers of legitimacy in Syria. *The Royal Institute of International Affairs*. 2016. December. Pp. 1–28.
7. Khalil A. Syria’s Kurds are not the PKK. *Foreign Policy*. 2017. May the 15th. P. 1.
8. Kinninmont J. The Syria conflict and the geopolitics of the region. *Mediterranean Year Book*. 2014. Pp. 48–53.
9. Landis J., Pace J. The Syrian opposition. *The Washington Quarterly*. Vol. 30 (1). Winter 2006–2007. Pp. 45–68.
10. Lucas S. The effects of Russian intervention in the Syria crisis. Birmingham, UK, 2015. Pp. 1–20.
11. Palka E.J. Kurd-arab tensions along the green line: Iraq’s roadblock to long-term stability. *Scientia Military. South African Journal of Military Studies*. 2011. Vol. 39. No. 1. Pp. 16–32.
12. Said R. Syria's Kurds rebuked for seeking autonomous region. *Reuters*. 2017. March 16th.
13. Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/index.html>.
14. Syria’s foreign minister is describing the role of US-backed Syrian Kurds fighting the Islamic State group in Syria as “legitimate”. *The New Arab & Agency*. 2017. May the 9th.
15. Taskomur F. Russia’s PYD game in Syria. *TrtWorld*. 2017. November the 7th.
16. Ziadeh R. The Kurds in Syria. Fueling separatist movement in the region? *Special Report*. United State Institute of Peace, 2009. Pp. 1–12.

17. Выступление заместителя Министра иностранных дел России Г.М. Гатилова на мероприятии высокого уровня по Сирии «на полях» общеполитической дискуссии 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Сайт МИД РФ. Информационные материалы Генеральной Ассамблеи ООН (от 22.09.2017). URL: http://www.mid.ru/web/guest/general_assembly/-/asset_publisher/lrzZMhfoyrUj/content/id/2873017?p_p_id=101_INSTANCE_lrzZMhfoyrUj&_101_INSTANCE_lrzZMhfoyrUj_languageId=ru_RU (дата обращения: 25.01.2018).

Саваста Лукреция – аспирант департамента политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

E-mail: lucrezia.savasta@hotmail.it

Savasta Lucrezia – Postgraduate Student at the Department of Sociology of School of Political Science, Higher School of Economics – National Research University, Moscow

Д.С. Кузнецов

Практика наблюдения полиции за еврейскими партиями в 1884–1909 гг. (по материалам газеты «Еврейское слово», март 1918 г.)

В данной работе рассмотрен цикл статей «Сионизм в освещении “Охранки”» из газеты «Еврейское слово» (март 1918 г.), представляющих журналистское расследование С.Л. Мильнера деятельности «Охранного отделения» (жандармов) Российской империи по контролю за еврейскими организациями в 1884–1909 гг. Фактически этот цикл статей представляет собой политическую пропаганду, призванную создать положительный образ сионистов. Четко прослеживается тезис о том, что сионисты содействовали революционному движению и развитию демократических сил в России. Цикл статей начинается с вступительной части, в которой сообщается, что полиция вела тайное наблюдение за сионистами, составляя многочисленные отчеты об их деятельности, после Февральской революции 1917 г. эти документы стали доступны широкой общественности. По материалам этих документов С.Л. Мильнер приводит краткий обзор истории сионистского движения, при этом прослеживается тенденция к положительной оценке деятельности сионистов и оправданию спорных сторон их деятельности. В данной статье представлена первая часть цикла, опубликованная малым тиражом и давно ставшая библиографической редкостью.

Ключевые слова: Первая русская революция 1905–1907 гг., Российская империя, Гражданская война в России, сионизм, еврейское социалистическое движение начала XX в.

Цикл статей «Сионизм в освещении “Охранки”» вышел в свет в газете «Еврейское слово» в марте 1918 г. Автором этих статей был

С.Л. Мильнер¹. Газета, выходявшая минимальным тиражом, давно уже стала библиографической редкостью. А сам цикл статей является одним из первых популярных очерков по истории сионистского движения в России.

В текстах, написанных Мильнером, чувствуются его симпатии к сионизму. Сам материал статей выстроен по степени важности для автора. Первая и наиболее объемная часть посвящена «общим» сионистам². Следующим идет рассказ о «Поалей-Цион»³. Всем другим сионистским партиям уделено мало внимания. Главной задачей журналиста было создание положительного образа сионизма не только среди евреев, но и среди русской интеллигенции. Об этом говорит и то, что данный цикл статей был представлен в русскоязычной газете.

Стоит обратить внимание, что в тексте статей используется политическое клише – «Царская охранка». Под этим термином подразумевается «Охранное отделение»⁴. После Февральской революции многие документы полиции стали достоянием общественности. Журналист использовал различные тайные циркуляры и приказы полиции для написания цикла статей. Подбор выдержек из этих документов свидетельствует, что исследователь старался показать сионистов с лучшей стороны. Кроме того, материал однозначно рассчитан на то, что читающая публика будет сочувствовать социалистическим идеям.

Цикл статей «Сионизм в освещении “Охранки”» является не только примером агитации сионистов в 1918 г., но также ценен для изучения истории Первой русской революции 1905–1907 гг. В частности, полицией выдвигался тезис о том, что сионизм – нежелательное движение из-за его тесного переплетения с социалистическими партиями, т.к. последние могли «эволюционировать» в сторону радикально-революционных партий. Данный тезис небесспорный и требует отдельного исторического исследования.

В цикле статей четко прослеживаются следующие моменты: сионисты – жертвы царского режима; содействие сионистов революционному

¹ Мильнер Семен Львович – в 1918–1919 гг. сотрудник Всероссийского центрального союза потребительских обществ, затем – Наркомата внешней торговли. Корреспондент идеолога лидера анархистов П.А. Кропоткина.

² Общие сионисты – либеральное крыло в мировом сионистском движении.

³ Поалей-Цион (Рабочие Сиона) – общественно-политическое движение, сочетавшее политический сионизм с социалистической идеологией.

⁴ Полное наименование – «Отделение по охранению общественной безопасности и порядка» (в просторечии – «Охранка») – структурный орган Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи, ведавший политическим сыском. В системе государственного управления Российской империи в конце XIX – начале XX вв. это отделение занимало одно из важнейших мест.

движению и развитию демократических сил; отсталая и недалёковидная национальная политика Российской империи; агитация сионизма; привлечение новых сторонников из других еврейских партий и фракций.

Последний пункт заслуживает особого внимания, т.к. сочувствующие сионистам были членами различных движений. Кроме того, мы видим, что сионистские кружки могли «леветь» и принимать более радикальную программу. Данное положение сохранилось и после 1917 г. Но в период Гражданской войны это выразилось в дроблении крупных партий на «правых» и «левых». «Левые», обособившись, в конечном итоге, пополняли ряды большевиков. Наиболее ярко этот процесс виден на примере «Бунда»⁵ [12, с. 3–6, 12–13, 167–168].

Данная ситуация была характерна не только для организаций в целом, но и для самих участников. Например, для профессионального революционера Г.Я. Аронсона. В 1904–1908 гг. он был членом партии большевиков, в 1908–1921 гг. – членом «Бунда» и меньшевиком [7, с. 209, 217]. П.М. Рутенберг – политический деятель и предприниматель, активный участник русских революций 1905–1907 и 1917 гг. Вначале был близок к социал-демократами. Позже, с возникновением партии эсеров, вступил в нее. Впоследствии отошел от революционной деятельности и стал одним из руководителей сионистского движения [13, с. 1–14].

Кроме того, многие члены партии могли иметь и индивидуальную точку зрения. Показателен случай, произошедший в Самаре в 1918 г., когда один из видных местных активистов Поалей-Цион по личной инициативе агитировал голосовать не за социалистический блок, а за «общих» сионистов. Несмотря на это, самарская организация Поалей-Цион постановила голосовать за социалистов [11].

Можно сделать вывод, что анализируемая нами серия статей, опубликованных в газете «Еврейское слово» и посвященных истории сионистского движения, вышла неслучайно. Красной нитью в ней проходит идея, что все страдали от царского режима: и мирные сионисты, и социалисты, и революционеры. Понятно, что эта мысль находила сочувствие и у народа, не знакомого с «грызней» деятелей партийных верхушек.

При рассмотрении сионистской агитации нужно учитывать, что еврейские партии (как и общероссийские) были оторваны от основной массы населения. Основная еврейская масса была представлена

⁵ «Бунд» (идиш *Bund* – союз; «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России») – еврейская социалистическая партия, действовавшая в Восточной Европе с 1890-х до 1940-х гг. Будучи сугубо национальной организацией, «Бунд» претендовал на исключительную роль представителя интересов еврейского пролетариата в социал-демократическом движении. С первого дня существования он неуклонно выступал против сионизма и религиозных партий, но сотрудничал в различных областях с другими еврейскими рабочими партиями.

инертными «обывателями», для которых первостепенной задачей было выживание [2, с. 94]. Многие не стремились жертвовать деньги на партийные нужды. Поэтому, за исключением коротких периодов⁶, сбор денежных средств всегда был большим местом сионистов как до Февральской революции, так и в период Гражданской войны. Организация сионистов была настолько бедна, а доход от взносов так мал, что приходилось годами держать в секрете состояние финансов, чтобы не быть посмешищем [6, с. 155–156]. В анализируемых статьях бросается в глаза попытка заретушировать тему финансов. «Чтобы быть сионистом, – рассуждают далее знатоки из “охранки”, – необходимо внести 40 коп. Этот незначительный сбор для жителей Западного Края *представляется тяжелой жертвой*» (см. далее с. 132).

Впрочем, такая ситуация была характерна не для всех регионов. Так, имеется информация о сборе средств в 1920 г. в Пензе: «Пожертвования в национальный фонд проводятся сионистами как нечто обязательное для всего еврейского населения. Сборщики организации периодически обходят все еврейские квартиры в городе и собирают пожертвования, цифра взноса которого невелика и устанавливается организацией, причем взносы взимаются помесечно и в приеме таковых выдаются квитанции от имени “Пензенского Бюро Национального фонда”» [5, с. 82]. Ситуация со сбором денежных средств зависела от конкретного населенного пункта и от политической ситуации в каждом отдельном регионе. В целом, финансовое положение оставляло желать лучшего.

Естественно, возникает вопрос: насколько непредвзято написаны отчеты спецслужб, ведших наблюдение за сионистами? Ведь эти сообщения наполнены крайними выводами. Необоснованная субъективность характерна для многих отчетов о евреях. Так, например, в 1905 г. было организовано наблюдение за николаевским городским казенным раввином, и жандармерия в своих донесениях явно демонизировала его личность [14, с. 48].

Вообще, цитируемый журналистом «обзор» гораздо подробнее стандартных отчетов. Например, по сравнению с отчетом о еврейском территориальном обществе, датированном 1907 г. [10, л. 13–14]. В этом документе дается краткий исторический обзор сионистского движения. Далее говорится о действиях территориалистов. В заключении делается вывод об обществе сионистов-территориалистов в Киеве: «Члены правления... хотя и не привлекались к ответственности за политические

⁶ Например, в то время, когда до России дошла новость о «декларации Бальфура» (декларация, датированная 2 ноября 1917 г., от министра иностранных дел Великобритании А. Бальфура о доброжелательном отношении Великобритании к сионистским стремлениям евреев), вызвавшая народный подъем и энтузиазм еврейского населения.

преступления, но принадлежат к левым партиям, враждебно настроены к русскому правительству, а потому дальнейшее существование еврейского территориалистского общества является нежелательным» [10, л. 14].

Возможно, что 1909 г. был особым в плане составления отчетов. Интересно, что в этом же году появляется «обзор» деятельности РСДРП, представляющий собой краткий очерк истории партии [4]. Не исключено, что такая активность агентурной деятельности была связана с разоблачением провокатора Охранки в партии эсеров Е.Ф. Азефа.

Кроме того, в анализируемой серии статей упоминаются документы Варшавского и Воронежского охранных отделений. Возникает вопрос: откуда в распоряжении московского журналиста оказались такие документы? Маловероятно, что редакция газеты искала их по всей стране, логичнее всего предположить, что эти документы были отчетами Московского отделения: «Самой многочисленной, хорошо организованной и наиболее опытной в России была московская “Охранка”. Ее деятельность зачастую приобретала всероссийский характер...» [Там же, с. 19].

Стоит пояснить, что упоминаемое в статье IV отделение Охранки было создано в январе 1907 г. в результате реорганизации. «Особый отдел» стал включать в себя четыре отделения: «1-е – розыскные органы, шифровальная, химическая, фотографическая части, перлюстрация; 2-е – эсеры и анархисты; 3-е – РСДРП, Бунд и другие социал-демократические организации; 4-е – наблюдение за служащими железных дорог, почтово-телеграфного ведомства, польскими социалистами и всеми национальными партиями, кроме социал-демократических» [3].

Таким образом, представленный в газете «Еврейское слово» материал интересен исследователям и как источник по истории сионизма конца XIX – начала XX вв., так и в плане изучения сионистской агитации в России в 1918 г. Как мы видим, в Российской империи сионизм считали опасным течением. Материал наглядно показывает, насколько национальные движения были тесно переплетены с революционным до, во время и после Первой русской революции.

Необходимо помнить, что сионисты не были политической партией в современном смысле этого слова. Это было движение необычайно подвижное по своему составу, включавшее в себя самые разные слои еврейского общества. В пропагандистских материалах постоянно упоминаются участвующие в сионистской деятельности рабочие, учителя-гебраисты, военнослужащие, врачи, беженцы, лидеры местного еврейского самоуправления [1, с. 356–357; 5, с. 78–88; 8, с. 5–6]. «Левые» составляли значительный сектор электората «общих» сионистов [1, с. 356–357, 361–362].

Тексты публикуемой статьи переданы с сохранением стилистических и лексических особенностей, пунктуация и орфография приведены в соответствие с современными нормами русского языка.

С. Мильнер

Сионизм в освещении «охранки»⁷

Говорят, Герцль⁸ когда-то сказал, что русская жандармерия собирает богатый материал по истории сионистского движения в России, который, когда вспыхнет революция и уничтожит царскую Россию, попадет в наши руки, обогатив архив сионистской организации.

Герцль был прав. Сионизм не давал покоя русским жандармам и охранникам. Как из рога изобилия сыпались тайные циркуляры об отношении власти к сионизму и сионистам. Были даже написаны большие фолианты по истории сионистского движения, которые рассылались «секретно» и «весьма секретно» всем жандармским полковникам и начальникам «для руководства во время преследования сионистов». В этих исторических материалах чувствуется иногда опытная рука еврея-филера или, как охранники его называли, «нашего наемного сиониста»...

Для охранного отделения «сионист», «социалист» и «революционер» – синонимы. Несмотря на то, что исторические обзоры о сионизме, сфабрикованные охранниками, доказывают, что они великолепно разбирались в понятиях «буржуазный сионизм» и «социалистический сионизм», все-таки достаточно было заподозрить кого-либо в тяготении к сионизму – по малейшему поводу, чуть ли не за покупку шекеля, чтобы над евреем учинили немедленно «негласный надзор»...

Так, например, наш национальный поэт Х.Н. Бялик⁹ был в глазах «охранки» совершенно неблагонадежным только потому, что «он сионист и принимает горячее участие в сионистском движении».

В бумагах варшавского охранного отделения был найден такой документ о Х.Н. Бялике.

«Л[ист] № 3656. Хаим-Нахман Ицков Бялик, мещанин г. Житомира, писатель-сионист, принимает горячие участие в сионистском движении. На седьмом сионистском конгрессе в Вене неоднократно выступал с агитационными

⁷ Еврейское слово. 1918. 03.03 (18.02). № 4. С. 2–3.

⁸ Теодор Герцль (1860–1904) – еврейский общественный и политический деятель, основатель Всемирной сионистской организации, основоположник идеологии политического сионизма. Доктор юриспруденции. Журналист, писатель. – Здесь и далее комментарии в сносках мон. – Д.К.

⁹ Хаим Нахман Бялик (1873–1934) – еврейский поэт и прозаик, классик современной поэзии на иврите и автор поэзии на идиш. Участвовал в сионистских конгрессах 1907 и 1913 гг.

речами. Обратить внимание таможенного чиновника при возвращении Бялика через границу тщательно осмотреть его багаж. При обнаружении чего-либо преступного арестовать и телеграфировать департаменту для получения дальнейших указаний...».

В бумагах же воронежского охранного отделения найден такой же документ о Бялике, но в другой вариации.

«...Хаим Нахман Ицков Иосиф Бялик, житомирский мещанин. При возвращении через границу обратить внимание таможенного чиновника тщательным досмотром багажа. При обнаружении чего-либо преступного – арестовать и телеграфировать департаменту для получения дальнейших указаний; в противном случае – предоставить свободу следствия. Уведомить о направлении избранного пути». <...>

Я привел эти два документа исключительно для иллюстрации. Достаточно было заподозрить Х.Н. Бялика в сионизме, чтобы превратить его в «агитатора, принимающего горячее участие в сионистском движении...».

Все эти «тайные циркуляры» и «приказы» охраны имеют, безусловно, большое значение для изучения истории сионистского движения в России. Но еще более интересны те «исторические обзоры» охранного отделения, в которых русская жандармерия освещала сионистское движение в лице разных организаций, как, например, сионистской «Поалей-Цион», «сионистов-социалистов», «СЕРГ» и др.

В 1909 г. (5 августа) Департамент Полиции разослал всем жандармским и охранным отделениям «для руководства» довольно объемистую книгу, написанную на машинке, под названием «Обзор Организаций Сионистов и Социалистической еврейской рабочей партии». Этот «обзор» подписали следующие лица: «Заведующий Особым Отделом Департамента полиции «Полковник Климович»¹⁰ и «Начальник IV-го Отделения, подполковник Беклемишев»¹¹.

Я пользуюсь материалом этого «Обзора», оригинал которого находится у меня, для настоящей моей работы.

I. «Организация Сионистов»

В начале этой первой главы «Обзора Организаций Сионистов и Социалистической Еврейской Рабочей Партии» мы находим довольно обширное историческое обозрение сионистского движения (мессианское движение Саббатая

¹⁰ Е.К. Климович (1871–1932) – начальник (с 1906 г.) Московского охранного отделения, в 1909 г. – заведующий Особым отделом Департамента полиции. Впоследствии глава Департамента полиции.

¹¹ В.А. Беклемишев (1868–1911) – начальник IV отделения Департамента полиции. Составленный им в 1909 г. монументальный труд «Обзор революционного движения» стал одним из основных пособий для подготовки чинов русской политической полиции.

Цви¹²; Моисей Монтефиоре¹³; Шарль Неттер¹⁴ и т.п.) до восьмидесятых годов. Потом начинается эпоха «Ховевей-Цион»¹⁵. Движение это началось, читаем мы в «Обзоре», потому, что «в 1881–[18]82 гг. на юге России произошел ряд еврейских погромов», и евреи были «лишены крова и средств к существованию и не были уверены в своей безопасности». Во главе движения стала интеллигентная молодежь. В Киеве, Харькове и Одессе многие евреи покидали университеты и гимназии и образовывали группы, которые должны были направиться в Палестину или другую страну, где будет приобретена особая территория для еврейского народа. Далее мы находим историю возникновения кружков «палестинофилов» в России, Галиции, Румынии и Болгарии и студенческих союзов в Вене, Берлине, Гейдельберге, Париже и других университетских городах. Особенно выделяет Департамент Полиции «духовное палестинофильство» и объясняет их отличие от «практических палестинофильцев».

После этого автор «Обзора» особенно подробно останавливается на «политическом сионизме» и деятельности Герцеля. Здесь обзор конгрессов и деятельности русских сионистов в Петербурге, Москве, Киеве, Гомеле, Сувалках, Одессе, Минске и других местностях. Особенно подчеркивается деятельность «агитатора» Коган-Бернштейна¹⁶, «центрального руководителя всех кружков в России». Но, по мнению «охранки», «успех сионизма, однако, не был на самом деле велик и существенен: он был скорее кажущийся». Здесь речь идет о периоде после первых конгрессов. «Герцель, правда, сразу, нашел себе последователей несколько сот человек, среди которых были лица, пользовавшиеся известностью, обладавшие недюжинными способностями, но в общем все же их было

¹² Шабта́й Цви (Саббатей Цви, Саббатай Цви) (1626–1676) – каббалист, один из самых известных еврейских лжемессий. Лидер массового движения XVII в., охватившего многие еврейские общины. Мессианское движение почти прекратилось, когда он неожиданно принял ислам.

¹³ Мозес (Моше) Хаим Монтефиоре (1784–1885) – один из известнейших британских евреев XIX в., финансист, общественный деятель и филантроп.

¹⁴ Неттер Ицхак (1826–1882) – еврейско-французский общественный деятель, один из основателей и лидеров первой современной международной еврейской организации – «Всемирный еврейский союз» (Альянс).

¹⁵ Ховевей Цион (букв. «любящие Сион»; в рус. традиции – палестинофилы) – движение, основанное из разрозненных кружков и групп (главным образом, из России). Первый их съезд состоялся в 1884 г. «Ховевей Цион» явилось связующим звеном между идеей возвращения к Сиону и началом политического сионизма, провозглашенного Т. Герцлем на I-м сионистском конгрессе.

¹⁶ Скорее всего, здесь говорится об Я. Бернштейне-Когане (Кохене) [1859–1929] – еврейском общественном деятеле. Он был делегатом I-го сионистского конгресса, активным членом и идеологом Демократической фракции (1901 г.) и одним из лидеров оппозиции русских сионистов «плану Уганды» (план по созданию автономного еврейского поселения в Британской Восточной Африке (ныне – часть территории Кении), предложенный британским правительством в 1903 г.). В 1907 г. поселился в Палестине. Был одним из основателей Объединения врачей в Палестине в 1908 г. В 1910 г. вернулся в Кишинев.

все же немного. Главная масса еврейства, все многомиллионное население русских городов и местечек, было чуждо пониманию истинного сионизма.

Но тут следует характерное объяснение причин этого «неуспешного развития» сионизма в России. Охранка не любит и не способна задумываться. А потому она приходит к абсурдному и смешному заключению, что в этом виноват шекельный взнос в 40 коп. «Чтобы быть сионистом, – рассуждают далее знатоки из охранки, – необходимо внести 40 коп. Этот незначительный сбор для жителей Западного Края *представляется тяжелой жертвой*¹⁷. В черте оседлости средний заработок еврея-ремесленника, при недельном расчете, достигает не более двух рублей. Следовательно, взнос когда бы то ни было в 40 коп. является для подобного еврея, вдобавок семьянина, *непосильной тяжестью*. *Но энергичные собиратели шекеля сулят ему взамен обетованную землю в количестве нескольких десятин* и, следствие этого, бывали примеры, что бедняк шекеледатель, сделавшийся членом сионистского общества, распродал свое имущество, бросал работу и требовал себе земли: понятие планомерного переселения было ему, конечно, совершенно недоступно».

Вот почему массы еврейские не примкнули к сионизму! Всеведущий охранник понимает, что ввиду тяжести для массового еврея платить 40 коп., он вынужден был встать вдали от народного движения... Удивительная жандармская логика! Но наши Аргусы из «охранки», убежденные в том, что «жиды – мошенники», указывали и на то, что сионисты для получения 40 коп. обманули «бедняка-шекеледателя» и обещали ему за эти же 40 коп. «взамен обетованную землю».

Это – о еврейских трудящихся массах. Как же интеллигенция отнеслась к сионизму? На этот вопрос «охранка» в своих «научных трудах» отвечает совсем курьезно: *«Еврейская интеллигенция, не будучи уверена в том, как отнесется правительство к возникшему движению, боялась подвергнуться из-за него преследованию»*¹⁸.

Такой ответ неожиданно поражает нас потому, что жандармы всегда были совершенно обратного мнения о еврейской интеллигенции. «Очаг русской революции, – писал когда-то кишинёвский жандармский полковник в своем докладе к Плеве, – это еврейская интеллигенция. Еврейский интеллигент по натуре своей *бесстрашен и готов даже пойти на верную смерть*, коль скоро он защищает свой идеал. *Вот почему еврейская интеллигенция является авангардом русского революционного движения»*.

Сионисты работали, узнаем мы со слов охранника в своем «Обзоре» (так в тексте. – В.К.), в подполье. Это особенно злит его. «Необходимо заметить, – пишет он, – что сами сионисты виноваты в нарушении правил, выработанных

¹⁷ Курсив здесь и далее С. Мильнера.

¹⁸ Как мы видели выше, на примере Бялика, опасения были небезосновательными.

на конгрессе. Согласно § 8 проекта организации, последняя «по форме должна быть утверждена правительством»¹⁹. Между тем, о таком утверждении не только не возбуждалось вопроса, но и в период времени между I и II конгрессами²⁰ всякая организация и даже деятельность сионистов *тщательно ими скрывались*. Только в последующие годы, видя оказываемое им правительством снисхождение (!) и нередко получая от местных властей разрешение на устройство собраний, сионисты решили придать своей деятельности немного более открытый характер.

Охранник, написавший этот «обзор», видимо, не отличался особенной памятью. Забыв о своем первоначальном утверждении, что еврейская молодежь из-за боязни правительства русского неохотно примкнула к сионизму, он вдруг заявляет, что после II конгресса еврейская молодежь начала «стремиться сочетать сионистское движение с социалистическим». Вот что он говорит: «Об отношении в этот период времени сионизма к социал-демократическим учениям Герцль, в беседах с одним лицом, высказывал, что сионизм в основе своей есть движение легального характера, но еврейская молодежь стремится сочетать сионистское движение с социалистическим: еврейские социалисты в Вене во главе с доктором Ландау задались целью воспользоваться сионизмом для пропаганды социалистических идей, так как заметили, *что еврейское простонародье очень склонно к восприятию сионистского учения*».

После IV конгресса²¹, замечает далее охранник, «еврейская учащаяся молодежь в России, начиная с гимназистов 5-го класса, *усиленно* примыкает к сионистским теоретическим кружкам и занимается культурной работой. Эти новые силы направили сионизм по новой дороге: представители их преследовали идеалы и стремления, далеко не укладывавшиеся в рамки первоначальной программы сионизма». «С течением времени теоретические кружки, приобретая ту или иную окраску, присвоили себе соответствующие наименования. Так, в Чите организовался “сионистский демократический кружок”, в Одессе – “кружок сионистов-социалистов” и т.п.».

«Таким образом, первоначальные сионистские и практические кружки, стоявшие в стороне от современных политических течений и *считавшие их вредными для еврейского народа (!)* путем постепенного распространения “теоретических кружков”, носящих политическую окраску, незаметно готовятся к слиянию с социал-демократическими фракциями. В свою очередь еврей-социалисты, усматривая в сионистских кружках благодатную почву для пропаганды своих воззрений, начинают в большом количестве поступать в число членов

¹⁹ Обычное дело – в уставе может быть прописано одно, а де-факто политика партии другая.

²⁰ I конгресс проходил в Базеле (Швейцария) 29–31 августа 1897 г. II конгресс проходил там же, 28–31 августа 1898 г.

²¹ Лондон, 13–16 августа 1900 г.

теоретических кружков и стремятся преобразовать их в направлении, наиболее соответствующем видам социалистов. Социалисты, вступившие в число членов теоретических кружков, стали пропагандировать идеи так называемой социалистическо-сионистской группы в Лондоне, выпустившей прокламацию «к русской молодежи». Согласно программе сионистов-социалистов, решение еврейского вопроса сводится к деятельности в двух направлениях: 1) к социал-демократической организации еврейского пролетариата в его теперешних местах жительства и 2) к социалистическо-сионистской пропаганде.

После V конгресса²² (в декабре 1901 г.) русские сионисты воспользовались решением конгресса о допущении группировок сионистов согласно их мировоззрению и направлению (при наличии не менее 50 кружков с общим числом шекеледателей в 5000 человек) и образовали различные группы и фракции. Среди этих фракций «охранка» обращает особое внимание на «сионистско-демократическую фракцию» и на группу «сионистов-социалистов». Первая «частью опиралась на Базельскую программу²³, а *частью сливалась с социал-демократическими элементами сионизма*» (?). Вторая состояла из сионистов других групп, главным образом, из учащейся молодежи и «выставила своей программой социал-демократическую организацию еврейского пролетариата и широкую пропаганду социалистическо-сионистских идей».

После V конгресса усиливается рост сионизма в России. Причину этого роста «охранка» видит вот в чем: «Делу распространения сионизма в России много помогло постановление пятого конгресса о том, что сионизм не исключает иной деятельности сиониста на пользу народа. ***Это постановление дало возможность сионистам, оставаясь таковыми, вступить в ряды даже явно революционных партий, но, впрочем, не в качестве сионистов.***»

Шестой конгресс²⁴ и «угандский раскол» описываются довольно ярко и верно. Неверна только заметка о том, что национальный фонд²⁵ был основан после шестого конгресса. Здесь уже «охранка» напутала. Ложно и то сообщение, что после этого конгресса выяснилось, что в России, кроме «мизрахистов»

²² Базель, 26–30 декабря 1901 г.

²³ Базельская программа – первая официальная программа сионистской организации. Принята на 1-м сионистском конгрессе. Программа сформулировала цель сионистского движения: «Сионизм стремится создать для еврейского народа обеспеченное публичным правом убежище в Палестине. Для достижения этой цели Конгресс рекомендует: 1) содействие поселению в Палестине евреев-земледельцев, ремесленников и рабочих; 2) организацию и объединение всего еврейства с помощью местных и международных учреждений в соответствии с законами каждой страны; 3) укрепление и развитие еврейского национального чувства и национального самосознания; 4) предварительные меры для получения согласия правительства на осуществление целей сионизма».

²⁴ Базель, 23–28 августа 1903 г.

²⁵ Фонд сионистского движения для приобретения и освоения земли в Эрец-Исраэль. Основан 29 декабря 1901 г. на V сионистском конгрессе в Базеле.

и «политических сионистов», имеются еще какие-то «фракционеры», к которым «примыкают капиталисты, ученые и часть сионистов-социалистов»²⁶. Многие из этой группы – бывшие революционеры и лица, готовые перейти в ряды революционеров в тот момент, когда сионизм потерпит полную неудачу.

Как капиталисты и социалисты могут работать в «одной группе фракционеров», «охранка» нам не объясняет. Есть более абсурдно указание охранника, что «эти капиталисты и социалисты», составляющие одну группу «фракционеров», придали своему течению «полную демократическую окраску из общей социал-демократической программы». Вот чем еврейские капиталисты занимаются! И эти «фракционеры имеют своей целью осуществление социалистической организации общественно-экономических отношений в “обществе будущего” в пределах своей нации».

Кроме того, узнаем, что на VI конгрессе было довольно много «крайних левых из русских сионистов», но они «не выступали из боязни навлечь гонение на евреев со стороны русского правительства».

На VIII конгрессе (1/14²⁷ 1907 г. в Гааге) «охранка» обнаружила среди «2000 человек», принимавших участие в конгрессе, «**более 150 русских евреев-революционеров**», приехавших в качестве делегатов русских сионистских кружков. «Несмотря на возражения этих многочисленных русских евреев-революционеров, участвовавших в конгрессе», было принято решение: **«участие сионизма в политике разных стран исключается»** (курсив «Охранки». – Д.К.). Но русские сионисты, по словам «охранки», не хотели подчиниться этому решению. «Это относится главным образом, – пишет охранник, – к русским сионистам, во главе которых стоит сионистско-еврейская социал-демократическая рабочая партия “Поалей-Цион”».

В этой же главе мы находим обзор деятельности почти всех сионистских институций и органов. Резюмируя сказанное, охранка разбивает всю сионистскую организацию России на три группы, постоянно враждующие между собой и преследующие различные цели.

«Первая группа – раввинистов (мизрахи), – читаем мы в «обзоре» охранки, – не желая уступать своего исторического влияния на еврейскую массу, создала так называемый ортодоксальный сионизм». «Представители этой фракции в проповедях своих **стараятся возбудить еврейский народ против христиан и внушить ему древне-еврейский фанатизм**».

²⁶ Нет оснований считать данное утверждение ложным, учитывая рыхлую либеральную структуру «общих» сионистов, допускающих существование самых различных фракций. Показателен пример фракции сионистов «Цейре-Цион», принявших социалистическую программу в 1918 г. Интересна реакция на это событие: некоторые потребовали выхода из «общих» сионистов или отмены социалистической программы «Цейре-Цион» (Еврейская мысль. 7 сентября 1918 г. № 10. С. 2).

²⁷ 8-й Сионистский конгресс. Гаага (Нидерланды), 14–21 августа 1907 г.

«Вторая группа²⁸ – капиталистов, с некоторыми учеными, спасая свой капитал и свое положение от покушения на них революционных масс, создала прогрессивную фракцию, принявшую в основу своих идей культурно-экономическую деятельность. Эта фракция стремится захватить рабочее движение в свои руки и дать ему желательное для него направление (политические сионисты и фракционеры)».

«И, наконец, третья группа, состоящая из учащейся молодежи, интеллигентного и рабочего пролетариата, создала молодую фракцию, по идее и программе своей *совершенно тождественную с программой и основами "Бунда"*, но на национальной почве²⁹.

Таким образом старалась «охранка» превратить русских сионистов в «революционеров» и «неблагонадежных». Даже мизрахисты неблагонадежны [из-] за их «агитации против христиан!» ... А потому вполне понятно, что эта глава о русском сионизме в «Обзоре» «охранки» заканчивается циркуляром Департамента Полиции по 4-му Делопроизводству (от 21 мая 1908 г. за № 65470) о том, «что никакие организации сионистов не должна быть допущены в России, в виду преследуемых ими политических задач, ведущих к обособлению еврейских масс, с целью активной борьбы с существующими условиями правовой жизни еврейства, и обострению национальной вражды с коренным населением».

Более интересный материал дает нам «охранка» о партиях «Поалей-Цион», «СЕРП» и «С.-С.»³⁰. Но о них в следующих статьях.

Библиографический список

1. Аграновский Г. Документы по истории сионистского движения начала XX столетия в Государственном историческом архиве Литвы // Архив еврейской истории / Гл. ред. О.В. Будницкий. М., 2006. Т. 3. С. 355–384.
2. Булдаков В.П. Российское еврейство и большевистский переворот в Петрограде, октябрь 1917 – январь 1918 // Архив еврейской истории / Гл. ред. О.В. Будницкий. М., 2007. Т. 4. С. 92–124.
3. Колпакиди А., Север А. Спецслужбы Российской Империи. Уникальная энциклопедия. Гл. 13. Особый отдел Департамента полиции. М., 2010.
4. Кошель П. История сыска в России. URL: <http://iknigi.net/avtor-petr-koshel/2272-istoriya-syska-v-rossii-qn1-petr-koshel/read/page-19.html> (дата обращения: 26.08.2015).
5. Кузнецов Д.С. Движение за объединение еврейского народа в г. Пензе в 1917–1920 гг. // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2015. № 1–2. С. 68–94.

²⁸ Под второй группой подразумевается руководящая верхушка «общих» сионистов. Интересно, что схожую оценку верхушке сионистов давали чекисты в 1920 г. [5].

²⁹ Тут, несомненно, говорится о «Поалей-Цион», «Цейре-Цион» и о группах, имеющих сходную с ними программу.

³⁰ Сионисты-социалисты.

6. Лайкер В. История Сионизма / Пер. с англ. А. Блейз, О. Блейз. М., 2000.
7. Макаров В.Г., Христофоров В.С. Из истории меньшевиков в 1921–1923 годах (по материалам Центрального архива ФСБ) // Архив еврейской истории / Гл. ред. О.В. Будницкий. М., 2007. Т. 4. С. 189–218.
8. Медико-санитарное дело в Самарской общине // Еврейская мысль. 29 сентября 1918 г. № 11. С. 5–6.
9. Мильнер С. Сионизм в освещении «охранки» // Еврейское слово. 1918. 03.03 (18.02). № 4. С. 2–3.
10. О еврейском территориалистическом обществе «ЕТО». О действиях эмиграционного Общества // Российский государственный исторический архив. Ф. 1284 (Департамент общих дел Министерства внутренних дел. Отделение III. Стол I). Оп. 224. Д. 209.
11. Предвыборная агитация // Еврейская мысль. 7 сентября 1918 г. № 10. С. 9–10.
12. Рафес М.Г. Два года революции на Украине (Эволюция и раскол «Бунда»). М., 1920.
13. Хазан В.И. Пинхас Рутенберг: от террориста к сионисту (Опыт идентификации человека, который делал историю). М., 2008. Т. 1.
14. Шукин В. Дело по обвинению николаевского казенного раввина Лейба Виленского в революционной пропаганде // Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». Новые исследования по еврейской истории: материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2012. Т. 3. С. 45–51.

Кузнецов Данила Сергеевич – студент историко-филологического факультета, Пензенский государственный университет

E-mail: cosmopolit_88@mail.ru

D.S. Kuznetsov

Routines of police surveillance for the activity of Jewish parties in 1884–1909 (on the basis of the newspaper “Evrejskoe slovo” (“The Hebrew word”) publications, March 1918)

This paper is focused on a series of articles “Zionism in the coverage of “Okhranka”” from the newspaper “Evrejskoe Slovo” (“The Hebrew Word”) (March 1918) representing a journalist investigation of Dr. S.L. Mil'ner of the activities of the Russian Empire gendarme department “Okhranka” for the control of the Jewish organizations in 1884–1909. In fact, this series of articles is a political propaganda aimed at creating a positive image of the Zionists. It is clearly shown that Zionists had contributed to the development of the revolutionary movement and democratic forces in Russia. The series of articles begins with the introductory part, in which it is shown that the police conducted secret surveillance of the Zionists, making numerous reports on their activities. After the February Revolution of 1917, these documents became available to the public. A brief overview of the history of the Zionist movement is also presented. There is a tendency to a positive evaluation of the Zionists and justification

of the controversial aspects of their activities. The paper presents only the beginning of the series of articles which came out with a minimal circulation and has long become a bibliographic rarity.

Key words: First Russian revolution of 1905–1907, Russian Empire, Civil War in Russia, Zionism, Jewish Socialist movement at the beginning of XX.

Kuznetsov Danila S. – student at the Department of History and Philology, Penza State University

В.В. Савицкий

Историк Александр Николаевич Попов (1820–1877). К 200-летию со дня рождения (свидетельства архивных документов)¹

В 2020 г. исполнится 200 лет со дня рождения Александра Николаевича Попова (1820–1877), выдающегося русского историка XIX в. Сегодня это имя мало известно любителям истории и профессиональным исследователям. Но возродить память о нем необходимо, поскольку он был автором многих ценных, до сих пор не потерявших своей актуальности, исследований по важным проблемам русской истории и отношений России с другими странами с начала XI до середины XIX вв. Попову принадлежит фундаментальная монография об Отечественной войне 1812 года, отдельные главы которой были удостоены Уваровской премии Императорской Академии наук в 1877 г. Однако этот труд Попова никогда не был полностью опубликован. Более того, с 1913 г. его произведения не переиздавались вплоть до 2008 г. Новые архивные документы, помещенные в данной публикации, позволяют выявить некоторые, до сих пор неизвестные, факты биографии Попова.

Ключевые слова: Александр Николаевич Попов, история России XI–XIX вв., русская историография XIX в., Отечественная война 1812 года, новые архивные документы.

Имя Александра Николаевича Попова, выдающегося русского историка XIX в., сегодня мало известно любителям истории, да и профессиональным исследователям. Оно лишь упоминается в ряде энциклопедий и словарей. В «Русском биографическом словаре» А.А. Половцова есть статья, посвященная Попову, в которой его монографии об Отечественной войне 1812 года отведен один абзац [18]. Очень коротко о Попове сказано в «Биографическом словаре...» И.В. Добролюбова, но зато там приводится обширный список его работ [4]. В «Советской исторической энциклопедии» о нем сказано, в частности, следующее: «С позиций буржуазной историографии написал ряд работ по истории внешней политики России и истории Отечественной войны 1812 [г.]» [21, с. 407]. Нет имени историка в справочнике «Историки России. Биографии» [9]. В энциклопедии «Отечественная война 1812 года» помещен небольшой,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации проекта № 18-09-00056А «Документальное и эпистолярное наследие А.Н. Попова».

но качественно (с научных позиций) написанный очерк о Попове, однако там, к сожалению, нет его портрета [3, с. 582]. В этой связи не кажется удивительным, что Александра Николаевича Попова в некоторых публикациях путали с Нилом Александровичем Поповым (1833–1891), историком-славистом, архивистом, профессором Московского университета.

Как уже отмечалось, новое издание работ А.Н. Попова было осуществлено в 2008 г., когда в издательстве «Минувшее» вышел первый том его монографии «Отечественная война 1812 года». Второй и третий тома вышли соответственно в 2009 и 2010 гг. В 2019 г., после публикации четвертого тома в рамках реализации проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Документальное и эпистолярное наследие А.Н. Попова», издание монографии будет завершено.

В процессе работы над первым томом упомянутой монографии сотрудником издательства С.А. Никитиным, который являлся редактором-составителем, и мной была подготовлена биографическая статья о Попове. В 2006 г. она была опубликована в журнале «Вопросы истории», но, в силу определенных причин, лишь под авторством Никитина [13]. В 2009 г. вышла наша совместная статья, посвященная Попову [14]. За прошедшее время после выхода упомянутых статей было обнаружено несколько важных архивных документов о жизни и творчестве Попова, которые приводятся в настоящей публикации.

Долгое время была неизвестна точная дата рождения Попова, а в исследованиях о нем указывались различные годы: 1820 и 1821. И только в 2012 г. рязанский историк И.П. Самойлова опубликовала точную дату рождения Попова – 25 августа 1820 г. [19, с. 224]. В метрической книге Екатерининской церкви г. Рязани за 1820 г. в записи о рождении № 39 сказано: «25 августа, у коллежского регистратора Николая Иванова Попова – сын Александр. Крещен 26 августа. Восприемник – коллежский ассессор Николай Алексеев сын Андреев» [12, л. 43].

Отец рано умер, и мальчик остался на попечении матери Авдотьи Павловны, урожденной Трубниковой, дочери капитана в отставке П.К. Трубникова. Александр, единственный ребенок в семье, первоначальное образование получил в домашних условиях, а затем поступил в Рязанскую Первую гимназию, которую закончил с серебряной медалью в 1835 г. [10, с. 181]. В августе 1835 г. Попов пишет прошение о принятии его в число студентов Императорского Московского университета «по Нравственно-Политическому отделению» (т.е. на юридический факультет), которое дополняет «Свидетельством» (оба документа представлены в данной статье) о рождении и крещении [17]. Полученное «Свидетельство» позволяло продолжить учебу в университете.

Московский университет Попов окончил в феврале 1839 г. первым кандидатом по юридическому факультету и сразу же приступил к работе над магистерской диссертацией. Ему потребовалось всего два года, чтобы подготовить диссертацию («Русская Правда в отношении к Уголовному праву». М., 1841), которую он с блеском защитил в 1842 г. После этого Попов около двух лет совершенствовал свое образование в Европе. Первоначальной целью его поездки был Берлин, где он намеревался посвятить длительное время изучению немецкой философии. В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) хранится диплом Университета Фридриха-Вильгельма в Берлине о присуждении Попову степени магистра философии, выданный в 1842 г. [7]. Интересно отметить, что сведения о получении диплома не содержатся в формулярных списках о службе Попова, и ничего не говорится об этом в его переписке и в мемуарных источниках.

Неожиданно для своих московских друзей он недолго пробыл в Берлине и в том же 1842 г. совершил путешествие в Черногорию. Из числа русских он едва ли не первым посетил эту страну как простой путешественник, по личной инициативе, без официального поручения. Результатом поездки была книга «Путешествие в Черногорию» (СПб., 1847). В этой, одной из первых работ Попова, в полной мере проявились свойственные ему как историку подходы: внимательное и всестороннее изучение существа дела, стремление как можно более многогранно осветить предмет исследования, четкость и безукоризненная обоснованность выводов, хороший литературный язык. Высоко оценил «Путешествие в Черногорию» выдающийся русский историк К.Н. Бестужев-Рюмин [20, с. II].

По возвращении Попова в Россию возник вопрос об определении его на новую кафедру истории русского права юридического факультета Московского университета, и он именно с этим связывал свои надежды на будущее. Однако кафедру Попов не получил и в октябре 1845 г. отправился в чиновный Петербург определяться на службу. Все этапы его служебной карьеры, в основном, во II Отделении Собственной Е.И.В. Канцелярии, отражены в публикуемом нами полном формулярном списке за 1877 г.

За годы службы в Петербурге он написал и частично опубликовал несколько десятков работ исторического, историко-юридического и искусствоведческого характера. Разнообразной была научно-общественная деятельность Попова. Многие годы он был действительным членом Общества истории и древностей российских при Московском университете, а также действительным членом Русского географического общества. С 1851 и до 1864 г. Попов занимал должность секретаря

Археологического Общества. Кроме ведения корреспонденции Общества, в его обязанности входила издательская деятельность, в те годы весьма обширная. 7 декабря 1873 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук по разряду историко-политических наук Историко-филологического отделения [1, с. 146].

Особое место среди исторических работ Попова занимают исследования, посвященные Отечественной войне 1812 года. К основному труду Попова, его главной книге, судьба оказалась явно неблагоприятной. При жизни ему удалось опубликовать в «Журнале Министерства Народного Просвещения» статью «Сношения России с европейскими державами перед Отечественной войною 1812 года» – большой фрагмент, который впоследствии стал рассматриваться как I том монографии об Отечественной войне 1812 года, и три фрагмента в журналах «Русский архив» и «Русская старина»: «Москва в 1812 году», «Французы в Москве в 1812 году» и «От Малоярославца до Березины» (публикация последнего фрагмента завершилась в ноябре 1877 г.), которые предполагалось включить в следующие тома. Три первых фрагмента были высоко оценены критикой и удостоены Уваровской премии за 1877 г. Смерть Попова все изменила, и только через 15 лет после его кончины в течение более 20 лет (1892–1913 гг.) в тех же журналах, примерно в 30 книжках, было опубликовано еще девять более или менее крупных фрагментов монографии.

Исследование Попова занимает особое место в литературе о 1812 г. Он приступил к работе по этой теме, когда уже были опубликованы, хорошо известны и получили общественное признание труды военных историков А.И. Михайловского-Данилевского и М.И. Богдановича. Александр Николаевич прекрасно осознавал, что вряд ли он может добавить что-либо существенное к предыдущим исследованиям с точки зрения описания военных операций и анализа боевых действий. Поэтому в его монографии почти отсутствуют описания сражений и боевых эпизодов в ходе Отечественной войны 1812 года, даже самых крупных, решающих, хотя, конечно, совершенно уйти от этого в монографии, посвященной войне, он не мог. Во всяком случае, акценты в его работе сделаны на совсем иных событиях и фактах. В письме к главному управляющему II Отделением кн. С.Н. Урусову Попов так определил свою задачу: «...Мое внимание преимущественно обращено на внутреннюю жизнь России того времени... Много лет я посвятил собиранию материалов для составления полной биографии гр. Ростопчина, особенно об внутренней истории нашей в эпоху войны 1812 года и времени, непосредственно ей предшествующей и за нею следовавшей» [5, с. 401–402].

Даже беглый взгляд на перечень трудов Попова, а нами их выявлено более 80, поражает, прежде всего, многообразием направлений, тем, областей исследований, причем временные рамки его исторических работ охватывают тысячелетие – с начала XI до середины XIX вв.

Попов всю жизнь был страстным собирателем старинных книг, рукописей, документов, исторических материалов и к концу жизни обладал богатейшим собранием и библиотекой, особенно по истории Александровской эпохи. Книги из библиотеки Попова посвящены разным отраслям знаний, но основной массив – это книги по истории России, зарубежных стран, военным вопросам, гражданскому праву разных времен. Представлены труды практически всех русских историков, мемуары государственных деятелей, русские летописи, сборники архивных документов. После преждевременной смерти «превосходная библиотека А.Н. Попова пожертвована в Рязанскую гимназию, где он воспитывался», – писал П.И. Бартеков в послесловии к публикации письма И.С. Аксакова к К.П. Победоносцеву [15, с. 104]. В настоящее время 40 книг хранятся в фондах библиотеки Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.

О последних неделях жизни Попова перед кончиной мы знаем только из некролога в «Журнале Министерства Народного Просвещения» [8], а также из воспоминаний М.И. Семевского [2]. В метрической книге Владимирской церкви в Петербурге за 1877 г. есть запись о смерти тайного советника Александра Николаевича Попова, 56 лет, от мозгового кровоизлияния 16 ноября. В качестве места погребения указано с. Лубянок Рязанской губернии [11, л. 324]. К сожалению, нам сегодня неизвестно, где точно было совершено погребение тела Попова и сохранилась ли его могила.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) хранится дело о смерти тайного советника Попова и о назначении пенсии его вдове Марии Петровне Масаловой (Мосоловой). В данной статье публикуется переписка главного управляющего II-м Отделением кн. С.Н. Урусова и министра финансов М.Х. Рейтерна по поводу этого события.

Судьба архива Попова и его собрания исторических материалов печальна. Его вдова сложила все рукописи в два сундука. Присутствовавший при этом И.С. Аксаков советовал ей передать материалы в Русское историческое общество, рекомендовал людей, к которым следовало обратиться, чтобы разумно распорядиться научным наследием [15; 16]. По-видимому, какая-то часть документов была возвращена «по принадлежности» в государственные и частные архивы, хотя вряд ли кто-то разбирался, являются ли эти исторические материалы взятыми на время

работы из архивов или появились у него как результат его собирательской деятельности. Скорее всего, этим их помощь и ограничилась.

В 1915 г. часть бумаг Попова, остатки его когда-то большого архива, поступила в Военно-исторический архив (ныне РГВИА), где находится и поныне (фонд 226). В РГИА хранятся «Формулярные списки о службе А.Н. Попова» (фонд 1261. Оп. 3, 1877 г. Д. 129). Личные документы Попова находятся и в других архивохранилищах: в Государственном архиве Рязанской области, в Институте русской литературы (Пушкинском доме) РАН в Петербурге (фонд 466) и Государственном историческом музее (фонд 231). Вероятно, какие-то материалы, относящиеся к жизни и творчеству Попова, могут быть и в других архивах России. Они еще ждут своих исследователей и, конечно, помогут в возрождении памяти об этом замечательном русском историке в преддверии 200-летия со дня его рождения.

В правление Императорского Московского Университета

От ученика Рязанской Гимназии
Александра Николаева сына Попова

Покорнейшее прошение²

Окончив, в Августа Месяце сего 1835-го года, в Рязанской Губернской Гимназии Курс наук, ныне имею намерение продолжить учение в Императорском Московском Университете по Нравственно-Политическому отделению, почему представляю у сего свидетельство о рождении и [документ] о звании, покорнейше прошу Правление Императорского Московского Университета принять меня в число студентов Университета. Августа (Дата не указана. – В.С.) дня 1835-го года. – По сему прошению ученик Рязанской Гимназии Александр Николаев сын Попов руку приложил.

Свидетельство³

Из Рязанской Духовной Консистории Титулярного Советника Николая Иванова Попова сыну Александру в том, что он по случаю пропуска Рязжской Округи села Лубянок Священно-церковнослужителями Запискою в Метрических книгах по удостоверению из них Дьякона Алексея Матвеева, дьячка Николая Казмина, бывшей у него, Александра, от восприемницы штабс-капитанши Нимфедоры Сычевой дочери Колетиной, помещика артиллерии майора Петра

² Прошение А.Н. Попова о принятии его в число студентов Императорского Московского университета, август 1835 г. с приложением «Свидетельства» о рождении и крещении // Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 418 (Канцелярия Московского университета). Оп. 105. Д. 189. Л. 2–4.

³ Там же. Л. 5–6.

Саликова и поручика Петра Федорова Рудинкова письменными показаниями, что он, Александр, действительно рожден от сего господина Попова в законном браке двадцать пятого октября, а крещен первого числа ноября умершим того села Священником Евдокимом Семеновым тысяча восемьсот осьмнадцатого (т.е. 1818-го. – *В.С.*) года⁴, в следствии чего по прошению родительницы его вдовы Титулярной советницы Авдотьи Павловой дочери Поповой, на случай определения его, Александра, в какое-либо казенное заведение оное свидетельство на основании указов из Святейшего Правительствующего Синода от 8-го июня 1809 года и Августа 26 числа 1824 года, за подписанием присутствующего и с приложением Казенной печати и выдано января 29-го дня 1830 года.

Дело о смерти тайного советника Попова и назначении пенсии его вдове

Главноуправляющий II-м Отделением
Собственной Е.И.В. Канцелярии кн. С.Н. Урусов –
управляющему письмоводством II-го Отделения В.И. Авчинникову.
Без даты⁵

От супруги А.Н. Попова был у меня тайный советник Степанов и объявил мне, что г-жа Попова находится ныне в весьма затруднительном денежном положении и что даже на случай кончины ея мужа она не будет иметь средств для воздаяния ему последнего долга.

Далее Урусов предлагает испросить указаний товарища (заместителя) главноуправляющего II-м Отделением Фёдора Антоновича Бруна, что можно сделать в этой ситуации.

Урусов – министру финансов М.Х. Рейтерну от 16 ноября 1877 г.⁶

Сообщает о кончине в этот день А.Н. Попова, прослужившего во II-м Отделении Собственной Е.И.В. Канцелярии более 32-х лет.

Во внимание к особым заслугам и ученым трудам покойного тайного советника Попова и на основании примеров всемилостивейшего пожалования

⁴ Расхождение в датах рождения и крещения Попова, указанных в «Свидетельстве» (родился 5 августа 1818 г., крещен 1 ноября того же года) и в метрической записи (25 и 26 августа 1820 г., соответственно) можно объяснить тем, что это для заявительницы, матери Попова, не имело значения. В данном случае ей было необходимо только документально подтвердить законность ее брака с умершим мужем и то, что она является матерью Александра. Это связано с тем, что в то время в метрической записи о рождении имя матери вообще не указывалось.

⁵ Дело о смерти тайного советника Попова и о назначении пенсии его вдове, 1877 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1261 (Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Оп. 3, 1877 г. Д. 129. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 10.

водам умерших чиновников на похороны их мужей единовременных денежных вспомоществований [просит передать императору свое ходатайство о пожаловании вдове Попова на расходы по погребению тела ее мужа и на возмещение расходов по лечению 3000 руб. из Государственного казначейства].

Свидетельство, выданное М.П. Поповой на свободное жительство во всех городах Российской империи, где пожелает, от 9 декабря 1877 г. за подписью князя Урусова⁷

Прошение М.П. Поповой об исходатайствовании ей пенсии от 8 декабря 1877 г.⁸

Рейтерн – Урусову от 10 декабря 1877 г.⁹

Сообщает об открытии сверхсметного кредита в 3000 руб. для отпуска их Поповой без вычета в пособие на покрытие расходов на лечение и погребение ее супруга.

Урусов – Рейтерну от 23 декабря 1877 г.¹⁰

Сообщает свое предположение о назначении Поповой пенсии в размере 2000 руб. в год.

Объявление о панихиде по Попову, данное под роспись чиновникам II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. Без даты¹¹

Панихиды по усопшем совершаются ежедневно в час полудни и в 8 часов вечера. Вынос тела из квартиры (Николаевская, дом Губиных, № 13) в церковь Владимирской Божия Матери имеет быть в субботу, 19 ноября, в 9 часов утра, а отпевание после обедни.

На панихидах быть в виц-мундирах, а на выносе и отпевании в мундирах.

Рейтерн – Урусову от 31 декабря 1877 г.¹²

Сообщает о том, что не видит препятствий к исходатайствованию у императора Александра II пенсии Поповой в размере 2000 руб. в год.

⁷ Дело о смерти тайного советника Попова и о назначении пенсии его вдове, 1877 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1261 (Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Оп. 3, 1877 г. Д. 129. Л. 15.

⁸ Там же. Л. 16.

⁹ Там же. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 19.

¹¹ Там же. Л. 36.

¹² Там же. Л. 38.

Ходатайство Урусова на имя императора о назначении Поповой пенсии в 2000 руб. в год¹³

В верхней части листа резолюция: «Высочайшее соизволение последовало в Санкт-Петербурге. 19 января 1878 года».

Урусов – Рейтерну от 20 января 1878 г.¹⁴

<...> О таковой Монаршей воле имею честь сообщить Вашему Высокопревосходительству для надлежащего исполнения касательно производства г-же Поповой Всемилостивейшее пожалованной ей пенсии по месту жительства ее из Тульского губернского казначейства. <...>

Попова – Урусову от 31 января 1878 г.¹⁵

[Благодарит за назначение пенсии], за которую я тем более признательна, что мое расстроенное здоровье требует издержек, которые я бы не могла осуществить одними своими средствами.

Формулярный список о службе тайного советника Попова, 1877 г.¹⁶

Тайный советник Александр Николаевич Попов, причисленный ко II-му Отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии по особому Высочайшему повелению. 57 лет. Православного вероисповедания. Кавалер орденов: Белого Орла, Св. Владимира 2-й степени, Св. Анны 1-й степени, Св. Станислава 1-й степени и имеет медали: бронзовую на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 гг., и золотую на Александровской ленте в память освобождения помещичьих крестьян. Получает жалования 2000 руб., столовых 1000 руб., квартирных 1300 руб., аренду 2000 руб. Итого 6300 руб.

Из дворян.

Имение родовое: за родительницею в Рязанской губернии 900 десятин земли с 100 временно-обязанными крестьянами.

Имение благоприобретенное: не имеет.

Имение у жены родовое: Тульской губернии 850 дес[ятин] земли с 175 временно-обязанными крестьянами.

Имение у жены благоприобретенное: не имеет.

¹³ Дело о смерти тайного советника Попова и о назначении пенсии его вдове, 1877 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1261 (Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Оп. 3, 1877 г. Д. 129. Л. 39.

¹⁴ Там же. Л. 40.

¹⁵ Там же. Л. 42.

¹⁶ Формулярный список о службе тайного советника А.Н. Попова. 1877 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1261 (Второе Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Оп. 3, 1877 г. Д. 129. Л. 20–34.

Прохождение службы: по окончании курса наук в Императорском Московском университете по Юридическому факультету удостоен ученой степени магистра 29 мая 1842 г.

По прошению определен на вакансию секретаря в 1-й департамент Правительствующего Сената 22 ноября 1845 г.

Правительствующим Сенатом утвержден 22 ноября 1845 г. в чине титулярно-го советника со старшинством 22 ноября 1845 г.

По докладу статс-секретаря графа Блудова всемилостивейше повелено заниматься в свободное от служебных обязанностей время работами по II Отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 15 января 1846 г.

По Высочайшему повелению причислен ко II Отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии для составления истории уголовного судопроизводства и гражданского права с увольнением от службы в Правительствующем Сенате, с жалованием по 1500 руб. сер. в год из экономических сумм Типографии II Отделения – 17 августа 1846 г.

Всемилоостивейше пожаловано ему в единовременное награждение 400 руб. сер. – 20 июня 1846 г.

Всемилоостивейше пожалован в коллежские асессоры со старшинством с 22 ноября 1847 г. – 11 апреля 1848 г.

Всемилоостивейшим приказом по гражданскому ведомству 6 декабря 1849 г. (№ 241) Всемилоостивейше произведен за отличную службу в надворные советники со старшинством с 22 ноября 1849 г.

За успешное составление и напечатание 1-го тома Дворцовых разрядов высочайше повелено прибавить к получаемому им 1500 руб. сер. окладу еще по 500 руб. в год – 27 апреля 1850 г.

Всемилоостивейше пожаловано ему в единовременное пособие 1000 руб. сер. 29 марта 1851 г.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 11 марта 1852 г. (№ 50) Всемилоостивейше произведен за отличие в коллежские советники со старшинством с 22 ноября 1851 года.

Всемилоостивейше пожаловано ему в единовременное награждение 2000 руб. сер. – 13 августа 1853 г.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 17 апреля 1855 г. за № 73 произведен за отличие в статские советники со старшинством с 22 ноября 1854 г.

В награду отлично-усердной службы, начальством засвидетельствованной, Всемилоостивейше пожалован кавалером ордена Св. Анны 2 степени – 26 августа 1856 г.

Всемилоостивейше пожаловано в награду в виде пособия 1000 руб. сер. 12 мая 1858 г.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству (№ 123) произведен за отличие в действительные статские советники – 17 мая 1858 г.

Всемиловейше пожаловано на наем квартиры по 1000 руб. сер. в год из сумм Типографии II Отделения с выдачею оных с 1 января 1859 г.

Всемиловейше пожаловано в единовременное пособие 2000 руб. сер. 14 апреля 1860 г.

По Высочайшему повелению назначен членом Редакционных Комиссий для начертания положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости – 29 мая 1860 г.

В награду отлично-усердной службы и особых трудов, начальством засвидетельствованных, Всемиловейше пожалован кавалером Императорского ордена Святого равноапостольного князя Владимира 3-й степени – 23 апреля 1861 г.

Во внимание отлично-усердной службы и особых трудов, Всемиловейше пожаловано в единовременное пособие 1000 руб. сер. – 23 апреля 1861 г.

Назначен членом от II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии в учрежденную при государственной канцелярии особую комиссию для определения главных начал преобразования межевой части – 22 февраля 1863 г.

В награду отлично-усердной службы, начальством засвидетельствованной, всемиловейше пожалован кавалером Императорского и Царского Ордена Св. Станислава 1-й степени – 17 апреля 1863 г.

В награждение ревностной и полезной службы и исполнения особо возложенных трудов Всемиловейше пожалован кавалером Императорского Ордена Св. Анны 1-й степени – 24 июня 1865 г.

По распоряжению г-на Главногоуправляющего II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии назначен членом в Высочайше учрежденную при Министерстве внутренних дел комиссию для обсуждения вопроса об устройстве правильной поземельной регистрации в России – 30 ноября 1865 г.

По распоряжению главногоуправляющего II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии назначен членом в учрежденную при канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода комиссию для составления положения об устройстве нотариальной части православного духовного ведомства – 11 февраля 1867 г.

По распоряжению главногоуправляющего II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии от 2 декабря 1867 г. № 775 назначен председателем учрежденной с Высочайшего соизволения при сем Отделении комиссии для определения тех заключающихся в Своде законов по управлению государственными имуществами правил, кои должны составлять предмет закона и таковых, которые могут определяться инструкциями министерства – 2 декабря 1867 г.

Всемиловейше повелено производить столовых денег по 1000 руб. в год – 25 января 1868 г.

Высочайшим приказом по II Отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии от 17 апреля 1868 г. № 5 Всемиловейше произведен за отличие по службе в тайные советники – 17 апреля 1868 г.

По распоряжению главноуправляющего II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии назначен членом в особое при Министерстве внутренних дел совещание для предварительной разработки проекта относительно применения к дворянским имениям правил о количестве земли, дающем право на избрание гласных в уездные земские собрания, – 7 декабря 1868 г.

Во внимание к отлично-ревностной и полезной службе и недостаточному положению Всемиловейше награжден единовременной из Государственного казначейства выдачей в 1000 руб. без вычета на инвалидов – 20 апреля 1869 г.

Во внимание к ревностной службе и особых трудов при исполнении возлагаемых на него, Попова, поручений Всемиловейше пожалован кавалером Императорского ордена Святого Равноапостольного князя Владимира 2-й степени – 17 апреля 1870 г.

С Высочайшего соизволения, последовавшего по всеподданнейшему докладу главноуправляющего II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, назначен членом учрежденной при сем отделении комиссии для обсуждения предположений о слиянии всех правительственных типографий в одну общую, в виде государственной – 13 августа 1870 г.

Всемиловейше пожаловано в единовременное пособие 1000 руб. из государственного казначейства без вычета на инвалидов – 17 апреля 1871 г.

Высочайшим указом на имя г-на министра финансов, в 22 день января 1873 г. последовавшим, Всемиловейше повелено производить вместо аренды из государственного казначейства по 2000 руб. в год в продолжение 12 лет – 22 января 1873 г.

В награждение долговременной, отлично-ревностной и полезной службы Всемиловейше пожалован кавалером Императорского и Царского ордена Белого Орла – 17 апреля 1874 г.

За труды по особо порученному II-му Отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии делу объявлено Высочайшее Его Величества благоволение, о чем отдано в Высочайшем приказе по II Отделению за № 3 – 13 февраля 1875 г.

Объявлена Высочайшая Его Императорского Величества благодарность за поднесение экземпляра сочинения его (Попова) «Москва в 1812 г.» – 21 января 1876 г.

Предложением г-на главноуправляющего II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии от 26 февраля 1876 г. № 168 назначен

членом в учрежденную при Министерстве финансов комиссию для составления предположений об учете лиц, подлежащих воинской повинности, – 26 февраля 1876 г.

Всемиловнейше пожаловано в единовременное пособие 1000 руб. из Государственного казначейства без вычета на инвалидов – 17 апреля 1876 г.

Умер 16 ноября 1877 г.

В походах и в сражениях противу неприятеля не был.

В штрафах под следствием и судом не был.

Был ли в отпусках, когда и сколько времени: в 1850 году с 15 июня на 29 дней и на срок явился.

В 1851 г. С 10 сентября на 29 дней и явился в срок.

В 1854 г. С 30 июля на 29 дней и на срок явился.

В 1855 г. С 2 июня на 29 дней и на срок явился.

В 1856 г. С 15 июня на 29 дней. Отпуск сей отсрочен по 1 сентября. Возвратился 27 августа.

В 1857 г. С 31 мая на 3 месяца и на срок явился.

В 1861 г. С 22 мая на 4 месяца на основании Указа Правительствующего Сената 3 апреля. Возвратился в срок.

В 1862 г. С 12 июля на 29 дней и возвратился в срок.

В 1864 г. С 1 июня на три месяца. Возвратился в срок.

В 1865 г. С 5 августа на 29 дней. Возвратился в срок.

В 1866 г. С 4 июля на 29 дней и возвратился в срок.

В 1867 г. С 28 июля на 29 дней. Возвратился в срок.

В 1868 г. С 14 июля на 29 дней. Возвратился в срок.

Женат на Марии Петровне Мосоловой, православного вероисповедания.

Библиографический список

1. Академия наук СССР. Персональный архив. Кн. 1: 1724–1917. М., 1974.
2. Александр Николаевич Попов. [Умер] 16 ноября 1877 г. // Русская старина. 1882. Т. XXXIV, № 5. С. 463–464.
3. Безотосный В.М. Попов Александр Николаевич // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004.
4. Библиографический словарь писателей, ученых и художников уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии: К 25-летию Рязанской архивной комиссии / Сост. о. И.В. Добролюбовым и доп. С.Д. Яхонтовым. Рязань, 1910. С. 199–202.
5. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. 7. М., 1903.
6. Дело о смерти тайного советника Попова и о назначении пенсии его вдове, 1877 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1261 (Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Оп. 3, 1877 г. Д. 129.

7. Диплом магистра философии А.Н. Попова, выданный Университетом Фридриха-Вильгельма в Берлине, 1842 г. // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 226 (А.Н. Попов). Оп. 1. Д. 1.
8. Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Т. СХСIV. № 12. С. 154.
9. Историки России. Биографии: в 2-х т. М., 2001.
10. Историческая записка Рязанской 1-й мужской гимназии. 1804–1904. Рязань, 1904.
11. Метрическая книга Владимирской церкви в Петербурге за 1877 г. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19 (Петроградская духовная консистория). Оп. 126. Д. 188.
12. Метрическая книга Екатерининской церкви г. Рязани, 1820 г. // Государственный архив Рязанской области. Ф. 627 (Рязанская духовная консистория). Оп. 249. Д. 99.
13. Никитин С.А. Александр Николаевич Попов // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 42–61.
14. Никитин С.А., Савицкий В.В. Русский историк А.Н. Попов и его монография «Отечественная война 1812 года» // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. 9–11 сентября 2008 г. Можайск, 2009. С. 450–461.
15. Об исторических бумагах, оставшихся после А.Н. Попова. Из письма И.С. Аксакова к К.П. Победоносцеву // Русский архив. 1894. Кн. I. № 1. С. 103–104.
16. Письмо И.С. Аксакова к К.П. Победоносцеву // Русский архив. 1905. Кн. II. № 8. С. 591–592.
17. Прощение А.Н. Попова о принятии его в число студентов Императорского Московского университета, август 1835 г. с приложением «Свидетельства» о рождении и крещении // Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 418 (Канцелярия Московского университета). Оп. 105. Д. 189. Л. 2–4.
18. Русский биографический словарь. Т. «Плавильщиков – Примо». СПб., 1905. С. 514.
19. Самойлова И.П. Книги из коллекции историка А.Н. Попова (1820–1877) в фондах библиотеки Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника // Наследие Д.И. Иловайского и М.К. Любавского в русской историографии: Труды Всероссийской научной конференции «VI историографические чтения памяти историков Д.И. Иловайского и М.К. Любавского» (к 180-летию со дня рождения Д.И. Иловайского) / Отв. ред. Л.В. Чекурин. Рязань, 22–25 мая 2012 г. Рязань, 2012. С. 224–234.
20. Сборник Императорского Русского Исторического Общества / Печ. под набл. А.Н. Попова. Т. XXI. СПб., 1877.
21. Советская историческая энциклопедия. Т. 11. Пергам – Ренувен. М., 1968.
22. Формулярный список о службе тайного советника А.Н. Попова. 1877 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1261 (Второе Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Оп. 3, 1877 г. Д. 129. Л. 20–34.

Савицкий Владимир Викторович – кандидат экономических наук; главный редактор издательства «Минувшее», г. Москва

E-mail: trivek@mail.ru

V.V. Savitsky

Historian Alexander Nikolayevich Popov (1820–1877)
To the 200th anniversary of his birth
(evidence from archival documents)

The 200th birthday of Alexander Nikolayevich Popov (1820–1877), the outstanding nineteenth-century Russian historian, will be celebrated in 2020. Today history lovers and professional researchers vaguely know this name. But it is important to revive the memory of him, because he was the author of many valuable and still relevant research on important issues of the Russian history and Russia's relations with other countries from the beginning of 11th to the middle of 19th centuries. Popov owns a fundamental monograph on the Patriotic War of 1812, some of the chapters of which were awarded the Uvarov Prize of the Imperial Academy of Sciences in 1877. However, this work of Popov was never fully published. Moreover, since 1913 his works had not been reprinted until 2008. New archival documents, placed in this publication, allow us to reveal some facts of Popov's biography that were yet unknown.

Key words: Alexander Nikolaevich Popov, the history of Russia in XI–XIX centuries, Russian historiography of the XIX century, the Patriotic War of 1812, new archival documents.

Savitsky Vladimir V. – PhD in Economics; chief of editorial staff, Minushee publishers, Moscow

E-mail: trivek@mail.ru

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2018.3

Электронная версия журнала:
www.mrgu.su

Подписано в печать 30.09.2018 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 9,625 п. л. Тираж 1000 экз.